

А. В. К А Р А В А Е В

СЕРДЦА
И
БРОНЯ

А. В. К А Р А В А Е В

СЕРДЦА И БРОНЯ

*БОЕВОЙ ПУТЬ
44-й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1971

Карavaев Анатолий Владимирович

Сердца и броня –

М., Воениздат, 1971.

Боевому пути 112-й танковой бригады, преобразованной впоследствии в 44-ю гвардейскую, посвящена эта книга. В ней показаны дружба и боевое содружество народов и армий Советского Союза и Монгольской Народной Республики в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

На большом фактическом материале в популярной форме показывается, как гвардейцы славной бригады в годы войны воевали на боевых машинах танковой колонны «Революционная Монголия», приобретенных на средства, собранные трудящимися МНР.

Книга хорошо иллюстрирована. Она рассчитана на широкий круг читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Начало огненного пути	5 стр
Вместе с русскими братьями	11
На Курской дуге.....	20
Первые герои.....	48
Днестр, Сан, Висла	68
«Звездные» месяцы 1945-го.....	100
У самого Балтийского моря.....	126
«Дашь Берлин!»	134
Боевая история продолжается	157

НАЧАЛО ОГНЕННОГО ПУТИ

Время было тревожное. Немецко-фашистские войска рвались к Москве. Советское командование накапливало силы для контрудара. В это время из частей и подразделений 42-й и 45-й легких танковых бригад и была сформирована на Дальнем Востоке 112-я танковая дивизия. Командиром ее назначили полковника А. Л. Гетмана, начальником политотдела — полкового комиссара Е. В. Безносова; штаб дивизии возглавил полковник М. Т. Леонов. Дивизия была отправлена на фронт и 5 ноября 1941 года уже разгрузилась на станции Подольск.

С 16 по 24 ноября дивизия находилась в составе подвижной группы генерал-майора Белова и действовала в направлении Шатово, Павловка, Высокиничи (25 километров западнее Серпухова). В этих тяжелых наступательных боях танкисты выдержали экзамен на мастерство и мужество. Они окружили и уничтожили большую вражескую группировку и, прорвав линию обороны противника, отбросили его на 2—3 километра.

Гитлеровцы оттянули на участок действия 112-й танковой дивизии значительные силы с главного направления. Бои были очень тяжелыми. У населенного пункта Малеево сгорел в танке политрук Саша Завалеев. Всего один день довелось провоевать капитану Лаптеву. Убит был командир танка Алексей Истомин: ему удалось прорваться на окраину Малеево и подбить три фашистских танка, но и его машина сгорела. Героически погиб танкист Анатолий Кирюхин. Танкисты выполнили задачу, но победа досталась дорогой ценой.

В это время танковая армия Гудериана, получив отпор у Тулы, обошла город и через Сталиногорск и Венев [5] ударила на Каширу с целью выйти в тыл нашим войскам, оборонявшим ближние подступы к Москве с юга. 25 ноября 112-я танковая дивизия, перешедшая в оперативное подчинение 49-й армии, получила приказ выйти из района Серпухова к населенному пункту Иваново, встретить там одну из прорвавшихся танковых колонн противника и отбросить ее.

Три дня, с 27 по 30 ноября, продолжались упорные атаки на Иваново фашистских танков и автоматчиков. Но несокрушима была стойкость советских воинов. Они не дрогнули, выдержали, уничтожили 13 вражеских танков, рассеяли наступающую колонну. Замысел гитлеровского командования захватить Каширу и Серпухов был сорван.

К этому моменту трудная обстановка сложилась в районе Тулы. Враг перерезал шоссе, связывающее город со столицей. Подвоз в город боеприпасов и продовольствия стал невозможен.

Полковник Андрей Лаврентьевич Гетман получает приказ освободить шоссе и железную дорогу Серпухов — Тула. Дивизия успешно справляется с трудной задачей.

С началом наступления под Москвой дивизия принимает активное участие в разгроме врага, рвавшегося к столице нашей Родины. Гитлеровцы сразу почувствовали, что с ними ведут бой, как они говорили, сибиряки, хотя в дивизии было очень мало коренных сибиряков.

Первым на участке дивизии остановил и отбросил врага в районе деревни Иваново 125-й танковый полк, которым командовал подполковник Скуба. Затем полк получил задачу передислоцироваться к шоссе Серпухов — Тула, чтобы не допустить захвата противником этой важной магистрали. Марш совершался по глубокому снегу. Особенно трудно было в лесу. То и дело колонна останавливалась, и члены экипажей брались за лопаты, прокладывая дорогу тяжелым машинам.

На третий день марша подполковник Скуба получил приказ выделить роту Т-26 для выполнения особой задачи. Выбор командира полка пал на лейтенанта В. П. Львова.

Было около полуночи, когда В. П. Львов на танке Т-26 прибыл в штаб дивизии. Его

сразу же вызвали к командиру. Прежде чем ставить боевую задачу, полковник спросил о настроении танкистов.

— Настроение отличное! — ответил командир роты. [6]

Еще бы! Началось то, о чем мечтали с первых дней войны: бьют врага, гонят от Москвы...

— А с питанием как в роте? — спросил командир дивизии.

— Понимаете, товарищ полковник, мы же на марше, оторвались от тылов, — объяснил смущенно Львов. — Полк уже несколько суток не пополняется продовольствием...

— Так... Понятно, — сказал Гетман. — А сами-то вы сегодня ели, лейтенант? — И командир дивизии, прервав разговор, распорядился накормить его и механика-водителя, а из резервов продовольствия, имевшихся в штабе, выдать двухсуточный паек на все экипажи роты.

Лейтенант Львов получил задачу: немедленно направиться с ротой в распоряжение командира мотострелкового полка подполковника Галеева; утром вместе с пехотой атаковать железнодорожную станцию Ревякино и занять ее; после этого продолжать движение к Туле по шоссе Серпухов — Тула. Для усиления роты придавалось два тяжелых танка КВ.

— Берегите людей, лейтенант, — сказал в заключение полковник. — Помните, что Т-26 — машина легкая. Вырывайтесь вперед только при преследовании противника, ну да еще когда будете помогать пехоте давить пулеметные точки. — И, помолчав, повторил: — Берегите людей. Машины новые мы получим взамен сгоревших. А вот опытных танкистов найти нелегко.

Атака станции Ревякино началась рано утром. Но едва пехота и танки прошли несколько сот метров, противник открыл сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Подполковник Галеев приказал остановиться. Пехота залегла. Львов отвел в укрытие три Т-26, а на своей машине проскочил туда, где стояли, приготовившись к бою, два КВ. Быстро выбрали огневые позиции и ударили по врагу.

Одно за другим смолкли три орудия противника, загорелись два танка. Скоро все огневые точки были подавлены.

Вторая атака принесла полный успех. Врага выбили из Ревякино. Шесть экипажей под командованием лейтенанта Львова сражались мужественно и умело, уничтожили четыре танка и несколько автомобилей.

Редкое самообладание проявил командир машины Т-26 Василий Бурков. При повторной атаке один из танков роты наскочил на минное поле, и остальные машины [7] замешкались. Казалось, еще мгновение — и атака снова захлебнется.

— Можно мне на предельной скорости? — попросил Бурков.

Иного выхода не было, и Львов дал разрешение. Танк Буркова стремительно помчался вперед, оставляя за собой хвост разрывающихся мин. По проделанному им проходу двинулись на Ревякино остальные машины.

Задача была выполнена. И в роте Львова, и в пехоте почти не было потерь...

7 декабря на шоссе Серпухов — Тула рота догнала штаб дивизии, и Львов доложил полковнику Гетману о выполнении приказа. За этот бой молодой командир был награжден орденом Красной Звезды.

112-я танковая дивизия, очистив шоссе и железную дороги Серпухов — Тула, разорвала вражеское кольцо вокруг Тулы. 8 декабря тапки появились на улицах города.

Вскоре 50-я армия и вошедшая в ее состав 112-я дивизия перешли в наступление. Продвигаясь вперед, танкисты выбили противника из нескольких населенных пунктов, а 18 декабря совместно с другими частями освободили Ясную Поляну — родину Льва Николаевича Толстого.

После этого дивизия была включена в состав подвижной группы войск под командованием генерал-майора Попова, главной задачей которой было освобождение Калуги.

Танки шли в авангарде по маршруту Косая Гора, Дубна, Ханино, Зябки, Большие

Козлы. Углубившись в тыл врага на 85—90 километров, к рассвету 21 декабря танкисты совместно с частями 154-й стрелковой дивизии ворвались на южную окраину Калуги.

В городе завязались ожесточенные бои, продолжавшиеся десять дней. Брала штурмом каждый дом, отбивали бесчисленные контратаки. Требовалось мужество, отвага, высокое мастерство, и этими качествами в полной мере обладали танкисты. Но лишь 30 декабря, когда подошли соединения 50-й армии, Калугу полностью очистили от врага. Было захвачено свыше 1000 автомашин, несколько десятков танков, много мотоциклов, велосипедов и другой техники.

После освобождения города 112-я танковая дивизия составила его гарнизон. Но уже 2 января 1942 года А. Л. Гетман получает новый приказ — преследовать [8] противника в направлении Утешево, Юхнов, выбить гитлеровцев из села Зубово, превращенного в мощный опорный пункт.

Почти три недели непрерывных боев потребовало выполнение этой задачи. Несколько атак не увенчались успехом. Тогда решили применить хитрость. Выпал обильный снег. Когда стемнело, привезли белые маскхалаты для группы захвата. Бойцы оделись, приготовили все и перед рассветом поползли вперед. Если темноту разрывала очередная ракета, мгновенно замирали на месте, и вражеские наблюдатели видели только белое поле.

Подползли почти вплотную к окопам и блиндажам. Здесь дежурили несколько гитлеровских ракетчиков и пулеметчиков, время от времени выпускавших очереди трассирующих пуль и серии осветительных ракет. На какие-то секунды перед решающим броском наступила тишина. Но вот прозвучала команда, и тишина взорвалась. Через мгновение бой шел уже на улицах села. Выстрелы, крики «ура» переположили фашистов. Они в одном белье выскакивали из теплых хат и тут же падали, скошенные ружейным, автоматным и пулеметным огнем. В этот момент наша артиллерия открыла огонь. Танки тоже двинулись вперед.

Гитлеровцы не получили возможности пустить в ход главный козырь — дальнобойную артиллерию, боясь поразить своих. После ожесточенного боя село было очищено от врага. Затем, преследуя отходящего противника, дивизия освободила Щелканово, Сосино, Новую Рошу и другие населенные пункты.

Во второй половине февраля 1942 года 112-я танковая дивизия была выведена в резерв командующего Западным фронтом, сосредоточена в районе Мосальска и переформирована в бригаду. Полковник Гетман попросил, чтобы его оставили командиром вновь созданной части: не хотелось сразу порывать с родным коллективом. И командование пошло ему навстречу.

В начале марта 1942 года 112-я танковая бригада получила на пополнение около 30 Т-34 и в спешном порядке была переброшена в район Мосальска, где до конца месяца совместно со стрелковыми соединениями вела тяжелейшие бои.

За героизм и мужество, проявленные в боях под Москвой, и образцовое выполнение заданий командования [9] 112-я танковая бригада была награждена орденом Красного Знамени. Правительственные награды получили 196 солдат, сержантов и офицеров — герои только что отгремевших боев...

В конце апреля А. Л. Гетман получил другое назначение. Командиром бригады стал полковник М. Т. Леонов.

В первые дни к новому комбригу настороженно присматривались, сравнивали с прежним.

Полковник Леонов собрал офицеров бригады на тактическое занятие. Детально разбирали действия танковых подразделений в обороне, наступлении, при прорыве переднего края противника. Всех поразила глубина тактических знаний комбрига. С таким будет отлично воевать!

До 17 мая 112-я танковая бригада находилась в резерве командующего фронтом. Затем, окончательно переформированная, пополненная материальной частью и личным составом, была направлена на фронт. В составе 10-й армии вела оборонительные бои в районе

Барятинское, Милотичи, Киров, обеспечивала переход через линию фронта частей генерал-майора Белова, действовавших в тылу врага. В конце июня — первой половине июля во взаимодействии с 4-й отдельной стрелковой бригадой наступала в общем направлении на реку Жиздра, участвовала в освобождении многих населенных пунктов.

С 13 июля бригада в течение месяца находилась в резерве — получала пополнение, материальную часть, занималась боевой подготовкой. Затем снова бои. Потом — строительство оборонительной полосы в районе Козельск, Сухиничи. В конце декабря 112-я танковая бригада была выведена в резерв Главного Командования и сосредоточена в городе Наро-Фоминск, Московской области. Здесь она доукомплектовалась личным составом и приступила к регулярным занятиям по боевой подготовке. [10]

ВМЕСТЕ С РУССКИМИ БРАТЬЯМИ

А в это время за многие тысячи километров от соснового леса, где стояли лагерем танкисты, — в Монгольской Народной Республике завершилась важная политическая кампания, начавшаяся сразу, как только загремели пушки на советско-германском фронте. С первых же дней войны труженики МНР сердцем были рядом со своими русскими братьями, готовые помочь сокрушить фашизм всем, что находилось в их распоряжении.

Настроения широких масс выразила XXV сессия Малого Хурала МНР, состоявшаяся 13 —17 января 1942 года. Она обсудила ноту Министерства иностранных дел СССР «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях». В резолюции, принятой специально по этому вопросу, говорилось:

«Сессия Малого Хурала с чувством величайшего возмущения клеймит позором кровавых правителей фашистской Германии, с беспримерной жестокостью и остервенением лютого зверя попирающих элементарные правила человеческой морали...

Чудовищные злодеяния двуногих фашистских хищников вызывают в сердце каждого арата Монголии жгучую ненависть к фашистским разбойникам. Эта ненависть к врагам еще больше и крепче сплачивает монгольский народ, который гарантию независимого существования и дальнейшего расцвета своей Родины видит во всемерном укреплении единства мыслей и действий с великим советским народом для окончательного разгрома и уничтожения кровавого фашизма... [11]

XXV сессия Малого Хурала постановляет:

...1. Приобрести танковую колонну имени Революционной Монголии, которую преподнести в качестве подарка доблестной Красной Армии Советского Союза.

2. Поручить правительству провести необходимую массовую работу среди аратов, рабочих и служащих по разъяснению настоящего решения и организовать сбор средств на танковую колонну имени Революционной Монголии».

Это решение было встречено с глубокой признательностью всеми советскими людьми. От имени правительства СССР и народов нашей страны И. В. Сталин направил Председателю Совета Министров МНР маршалу Чойбалсану, секретарю Центрального Комитета МНРП товарищу Цеденбалу и Председателю Президиума Малого Хурала товарищу Бумаценде телеграмму, в которой выражалась сердечная благодарность правительству Монгольской Народной Республики и монгольскому народу за братскую помощь Красной Армии, героически борющейся за общее дело против озверелого немецкого фашизма.

Сразу же после опубликования в печати решений XXV сессии Малого Хурала МНР начался сбор средств на танковую колонну «Революционная Монголия». Созданием фонда для строительства танковой колонны, писала газета «Унэн», монгольский народ выражает «свое стремление всеми силами помочь советскому народу приблизить час победы над заклятым врагом».

В сравнительно короткое время были собраны значительные средства. Об этом свидетельствует такой документ:

«Справка
об использовании средств, поступивших
от Монголпра на танковую колонну

10 февраля 1942 г. во Внешторгбанк поступили средства от Монголпра на строительство танковой колонны «Революционная Монголия». Средства были переведены в распоряжение Председателя Государственного Комитета Оборона тов. Сталина И. В.

Всего было переведено: тугриков — 2500 тыс.; американских долларов — 100 тыс.; золота — 300 кг.

Общая сумма в советской валюте составляет 3 815 725 рублей. [12]

Письмом № 4—65/Зсс от 17 февраля 1942 года на имя тов. Сталина И. В. тов. Зверев сообщил, что поступившие от Монголпра средства перечислены в фонд обороны СССР.

*Г. Латышев*¹.

Сбор средств на танковую колонну «Революционная Монголия» подробно освещала газета «Унэн», орган ЦК Монгольской народно-революционной партии. В статьях и заметках рассказывалось о тех, кто был на гребне волны, поднявшейся из недр народного океана, чьи имена стали известны всей Монголии.

Вот, например, товарищ Чадрибал, врач Угтал-Цайдам сомона Центрального аймака, внес в фонд строительства танковой колонны «Революционная Монголия» 34 000 тугриков — больше годового заработка. Кроме того, он подарил Красной Армии своих лучших коней.

— Если потребуется, — заявил патриот, — я готов с оружием в руках вместе с бойцами Красной Армии сражаться за родину всех трудящихся — страну социализма².

И это не просто слова. Дружба монгольского и советского народов уже не раз проверена в огне. Еще свежи были в памяти трудящихся МНР события у реки Халхин-Гол, когда советский боец и монгольский цирик бок о бок отражали атаки японских самураев. И участники этих боев во время сбора средств в фонд строительства танковой колонны подавали хороший пример. Один из них, ревсомолец Ценде, отдал в фонд строительства танковой колонны почти все, что имел: 100 овец и 40 отборных скакунов.

В том же номере газеты «Унэн», в статье «Все силы на помощь доблестной Красной Армии», сообщалось о 65-летнем Шарабе из Сайхан сомона Центрального аймака, пожертвовавшего Красной Армии своего любимого быстрого как ветер иноходца.

«Только в одном Восточном аймаке, — писала газета, — араты подарили Красной Армии 300 коней».

Даже дети не остались в стороне от этого поистине всенародного движения. Вот трогательное по своей искренности письмо, которое приводит товарищ Одончимет в статье «Танковая колонна «Революционная Монголия»: [13]

«Дорогие бойцы славной Красной Армии, меня зовут Бат. Я худонский пионер. Мне 12 лет. Мы гордимся вашими боевыми подвигами. У нас в кочевье в каждой юрте все собирают подарки. Уже собрали 15 000 тугриков. Я метко бросаю камни и решил сам сделать для вас подарок. Камнями я убил 20 штук сусликов.

Товарищи красные воины, бейте злых фашистов еще сильнее!

Пионер Бат»³.

Труженики Монголии отдавали свои сбережения на строительство танковой колонны «Революционная Монголия», так как понимали, насколько трудно приходится на фронте русским братьям. Они жертвовали порой самым необходимым, чтобы помочь победить сильного и беспощадного врага...

И вот танковая колонна «Революционная Монголия» создана.

1 Архив МО СССР, оп. 11373, д. 461, л. 17.

2 См. «Унэн», 13 июля 1942 г.

3 «Монголия», 1969, № 5.

Вручать ее приехала партийно-правительственная делегация МНР. О том, что она находится в Советском Союзе, танкисты 112-й бригады узнали из газеты «Красноармейская правда» от 8 декабря 1942 года.

«6 декабря в Москву, — говорилось в заметке, — прибыла делегация Монгольской Народной Республики, сопровождающая 4 эшелона подарков бойцам и командирам Красной Армии...

Делегацию возглавляет премьер-министр маршал Монгольской Народной Республики Чойбалсан...

Делегация привезла 237 вагонов подарков, среди которых 1000 тонн мяса, 90 тонн масла, 80 тонн колбасы, 150 тонн кондитерских изделий, 30 000 полушубков, 30 000 пар валенок, 30 000 меховых телогреек и многое другое...

В ближайшие дни делегация выедет в части действующей Красной Армии»⁴.

Делегация монгольских трудящихся приехала для вручения боевых машин в 112-ю Краснознаменную танковую бригаду 12 января 1943 года в 10 часов утра. В ее составе кроме маршала Чойбалсана и Председателя Президиума Малого Хурала МНР товарища Бумаценде были партийные и военные работники, представители монгольской [14] интеллигенции, ударники производства и лучшие скотоводы страны.

К моменту приезда делегации бригада стояла в строю на лесной поляне. Возле новеньких, полностью укомплектованных и готовых к немедленным боевым действиям танков — экипажи и автоматчики.

Напротив танковой колонны на середине поляны — составленная из нескольких сдвинутых грузовиков трибуна, украшенная зелеными сосновыми ветками; в центре — лозунг: «Привет делегации Монгольской Народной Республики!»

Из бесед, которые проводили политработники, коммунисты бригады, готовя личный состав к этому знаменательному событию, из сообщений газет стоящие в строю танкисты знали о целях и задачах возглавляемой маршалом Чойбалсаном делегации. Каждый чувствовал глубокую признательность к монгольским друзьям.

Дорогих гостей встретил командир бригады полковник Михаил Трофимович Леонов, начальник политотдела подполковник Василий Михайлович Шалунов, начальник штаба подполковник Иосиф Ираклиевич Гусаковский, а также представители командования танковых войск Красной Армии.

В морозном воздухе четко раздается голос полковника Леонова:

— Смирно! Равнение на середину...

Он подходит к главе делегации маршалу Чойбалсану и отдает рапорт. Затем гости и представители командования поднимаются на трибуну.

Этот момент запечатлен в короткометражном фильме, снятом советскими и монгольскими операторами. Вот уже почти три десятилетия бережно хранится он в части и демонстрируется в особо торжественных случаях и в дни, когда прибывает молодое пополнение.

В комнате боевой славы — фотография, сделанная в тот день. Маршал Чойбалсан внимательно слушает оратора. Огромное расстояние было от этой трибуны до бескрайних степей Монголии, но тысячи невидимых нитей соединяли сердца тружеников братской страны и стоящих в строю танкистов.

Подполковник Шалунов, объявив митинг открытым, предоставил слово руководителю делегации маршалу Чойбалсану. [15]

— Товарищи бойцы, командиры и политработники, — начал он свою речь. — Нам, представителям монгольского народа, выпала высокая честь — передать вам сегодня колонну танков, построенных на средства трудящихся Монгольской Народной Республики...

Далее тов. Чойбалсан сказал, что боевые машины, которые принимают танкисты, — подарок свободолюбивого монгольского народа родной и близкой всем рабочим и аратам

4 Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2542, д. 9, л. 175.

Красной Армии.

Танкисты, стоявшие в строю, хорошо понимали, что слова руководителя братской страны обращены не только к ним, но и к народам СССР и МНР. И когда в марте 1943 года в газете «Унэн» был напечатан репортаж об этом митинге и почти полностью приведена речь маршала Чойбалсана, ее читали в самых далеких аймаках. Араты, собравшиеся в своих юртах вокруг очага, согласно кивали головами, слушая простые, идущие от сердца слова:

«В каждой из этих машин воплощен честный труд монгольского народа, не видящего перед собой в настоящее время более важной задачи, чем скорейший разгром гитлеровских мерзавцев... Красная Армия есть самый верный и надежный защитник революционных завоеваний победившего народа...

Так как же не помогать этой великой армии в ее смертельной схватке с фашистскими захватчиками? Как не любить ее, эту армию, ее героев-богатырей, славных бойцов и командиров, грудью отстаивающих честь, свободу и независимость наших народов?

Товарищи! Пусть эти грозные машины будут символом нерушимой дружбы наших народов. Пусть они напоминают вам ежедневно и ежечасно, что весь монгольский народ с вами, что он отдаст все, чем богат, делу борьбы с врагом прогрессивного человечества — немецким фашизмом...»

Далее товарищ Чойбалсан сообщил, что монгольский народ принимает на себя полностью вещевое и продовольственное обеспечение всей бригады до конца войны. В заключение своей речи он сказал:

— Дорогие товарищи танкисты! Смело ведите эти боевые машины в бой, беспощадно... громите на них фашистскую сволочь...

Никакой пощады врагу!

Смерть фашистским извергам! [16]

Да здравствует героическая Красная Армия и ее славные танкисты! Да здравствует дружба советского и монгольского народов!

Над лесной поляной прогремело «ура».

После маршала Чойбалсана выступил командир 112-й Краснознаменной танковой бригады полковник М. Т. Леонов.

— Дорогие товарищи делегаты монгольского народа, — сказал он. — Получая от вас танки, я от имени личного состава выношу вам искреннюю благодарность и заверяю вас, что эти стальные машины будут громить фашистов так же, как их громила наша часть на подступах к Москве.

Когда митинг окончился, состоялась торжественная передача танковой колонны «Революционная Монголия». Делегаты вручали командирам экипажей формуляры — документы на каждый передаваемый танк.

В короткометражном фильме, запечатлевшем это событие, все очень хорошо показано.

Маршал Чойбалсан подходит к экипажу, выстроившемуся впереди боевой машины, вручает командиру танка формуляр и крепко пожимает руку. На башне надпись: «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия». Под легким ветерком чуть колышется алое полотнище. Это Красное знамя ЦК Монгольской народно-революционной партии.

Маршал Чойбалсан уже на танке. Рядом с ним на броне высокий плечистый танкист — лейтенант Леушин, командир экипажа, который уже через несколько недель в знаменитом февральском марше, когда бригаде придется своим ходом пройти больше 300 километров по снежному бездорожью Северо-Западного фронта, проявит стойкость и мужество, с честью оправдав оказанное ему доверие — вести в бой именную, как ее тогда называли в бригаде, машину.

На другом танке монгольский офицер крепко пожимает руку командиру экипажа. На машине надпись: «От цириков МНР». Значит, она построена на средства, собранные солдатами и офицерами Народно-революционной армии.

А на третью машину взобралось человек десять. В основном это женщины. Они с интересом слушают объяснения танкиста. [17]

После вручения машин и знакомства членов делегации с танкистами колонна «Революционная Монголия» прошла мимо трибуны. Одно за другим мелькают на броне названия аймаков и другие надписи: «От Совета Министров МНР», «От цириков МНР», «Сухэ-Батор», «От интеллигенции МНР». И кажется, что в бой вместе с крепкими, жизнерадостными париями в черных комбинезонах идет вся Монголия...

После парада был торжественный обед, на котором члены делегации встретились с солдатами, сержантами, офицерами.

Этот день стал одним из самых памятных в истории бригады. Заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-лейтенант Коробков докладывал Советскому правительству:

«На средства, собранные аратами, рабочими и интеллигенцией Монгольской Народной Республики, делегацией МНР во главе с премьер-министром маршалом Чойбалсаном 12 января 1943 г. 112-й ордена Красного Знамени танковой бригаде передана танковая колонна «Революционная Монголия» в составе: 32 танка Т-34 и 21 танк Т-70, всего 53 танка»⁵.

После вручения танковой колонны в Монголии еще шире развернулась истинно всенародная кампания помощи советско-германскому фронту.

В начале марта 1943 года состоялась очередная XXVI сессия Малого Хурала Республики. Один из вопросов ее повестки дня — «О состоянии работы по помощи фронту борьбы с немецким фашизмом и наших задачах».

Сессия полностью одобрила «как линию правительства МНР, занятую в связи с Великой Отечественной войной советского народа против немецко-фашистских захватчиков, так и практическую работу, проделанную за 20 месяцев войны по помощи фронту»⁶.

Была горячо одобрена также работа возглавляемой маршалом Чойбалсаном делегации, доставившей подарки советским воинам и вручившей танковую колонну «Революционная Монголия».

К тому времени монгольские трудящиеся уже многое [18] сделали, помогая русским братьям, сражавшимся с ненавистным врагом. На фронт ушло восемь эшелонов подарков, Красной Армии передали тысячи голов лошадей. Все народное хозяйство республики перестраивалось применительно к нуждам фронта, к условиям войны. Это был вклад монгольского народа в общее дело борьбы с кровожадным немецким фашизмом.

Труженики МНР прекрасно понимали, что советские люди, воины армии Страны Советов отстаивают в жестокой борьбе свободу не только свою, но и монгольского народа. Поэтому каждое сообщение о героических победах Советской Армии встречалось с ликованием, вызывало желание еще больше помочь в борьбе против фашизма.

В огне войны закалилась и окрепла дружба советского и монгольского народов, укрепилось сотрудничество двух марксистско-ленинских партий, Советской Армии и монгольской Народно-революционной армии. Одними думами и мыслями с великим советским народом жили в это время труженики братской республики. Не случайно Пленум ЦК МНРП в своей резолюции «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1943 год» записал: «Для монгольского народа, судьба которого неразрывно связана с судьбами советского народа, основной и решающей задачей на 1943 год остается задача всемерной помощи советскому народу в быстрейшем разгроме гитлеровских мерзавцев и их прихвостней».

К выполнению именно этой задачи призвала трудящихся МНР XXVI сессия Малого Хурала:

«1. Принять на средства трудящихся МНР полностью все вещевое и продовольственное обеспечение 112-й отдельной ордена Красного Знамени танковой бригады «Революционная Монголия» до конца войны с немецким фашизмом.

2. Организовать по всей республике сбор средств на приобретение эскадрильи

5 Архив МО СССР, оп. 11373, д. 461, л. 1.

6 «Унэн», 9 марта 1943 г.

самолетов «Монгольский арат» и преподнести ее как подарок нашего народа доблестной Красной Армии.

3. Продолжать и дальше отправку подарков бойцам Красной Армии и сбор средств в фонд помощи фронту, направляя их на приобретение эскадрильи самолетов»⁷. [19]

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Вскоре после получения танковой колонны «Революционная Монголия» 112-я Краснознаменная бригада совершила 350-километровый переход в снегах Северо-Западного фронта. Было трудно. Седая броня обжигала морозом. Танкисты часто вспоминали этот марш. И название ему подходящее придумали — «ледовый поход».

До района Осташково бригаду перебросили по железной дороге. Там она вошла в состав 1-й танковой армии. Затем — своим ходом по непроходимым, в полном смысле этого слова, снегам Калининской и Ленинградской областей. На одном участке пришлось особенно трудно. Снег — почти метровой глубины. Проходили, да и то с трудом, только танки. Автомашин буксовали. А на них — горючее, боеприпасы, продовольствие. Экипажи боевых машин взялись за лопаты — расчищать дорогу. И ни много ни мало — 50 километров. Когда все осталось позади, просто не верилось, что такое возможно.

24 февраля бригада сосредоточилась в районе Теляткино, имея задачей быть готовой к вводу в прорыв в общем направлении на Псков. Однако прорыв не состоялся, и в составе 1-й танковой армии бригада была переброшена под Курск, в район населенного пункта Дрозды, в 15 километрах севернее Обояни.

Всю весну и первые месяцы лета танкисты занимались боевой подготовкой. Было проведено множество занятий и днем, и ночью. Особенно ночью. Командир бригады полковник М. Т. Леонов, начальник политотдела подполковник С. Е. Вобян, начальник штаба бригады подполковник И. И. Гусаковский упорно добивались, чтобы каждая танковая рота могла на любой местности, в любое время суток [20] вести все виды боя, быстро и скрытно совершать самые сложные маневры, метко поражать цели с места и с коротких остановок. Командование готовило бригаду к упорным боям.

Учебная и воспитательная работа велась повседневно в каждом подразделении. Все знали, что предстоят кровопролитные бои, так как гитлеровцы собрали под Курском очень крупные силы.

Коммунисты батальона майора П. И. Орехова, возглавляемые заместителем командира по политчасти капитаном И. Е. Дранченко и парторгом капитаном В. И. Дорофеенковым, старались не только вооружить бойцов знаниями и навыками, необходимыми для достижения победы, но и подготовить их к боям психологически. Добивались, чтобы все воины имели четкое представление о «тиграх» и «пантерах», которые гитлеровцы собирались применить под Курском. Этой цели была подчинена в основном вся проводившаяся в батальоне партийно-политическая работа. Коммунисты батальона всемерно добивались повышения уровня занятий, на которых отрабатывались приемы и методы борьбы с немецкими танками. Словом и личным примером учили они вести меткий огонь из противотанковых ружей, бросать бутылки с горючей смесью и связки гранат. Но главная роль, конечно, отводилась тридцатьчетверкам и противотанковой артиллерии. Всем этим, включая и «обкатку» стрелков — истребителей танков, сидящих в специальных окопах-колодцах, ежедневно занимался личный состав батальона.

Политработники проводили большую работу по укреплению партийной организации. В те суровые дни многие воины стремились связать свою жизнь с партией. Принимались в первую очередь солдаты, сержанты и офицеры, которые хорошо показали себя в бою, проявили мужество, отвагу и героизм. Партийная организация батальона крепла день ото

⁷ «Унэн», 9 марта 1943 г.

дня. К началу Курской битвы она насчитывала около тридцати человек. В ходе оборонительных и наступательных боев членами и кандидатами партии стало еще около двадцати человек. Наиболее активные и умелые из них — командир танкового взвода Георгий Петровский, обладавший исключительным мужеством и отвагой; командир танкового взвода Николай Поляничко, отличившийся уже в оборонительных боях под Курском и награжденный двумя орденами; начальник связи батальона Петр [21] Катькалов, который для обеспечения командира радиосвязью часто продвигался на своей фанерной спецмашине в боевых порядках танков.

Во время подготовки к боям на Курской дуге коммунисты батальона постоянно занимались воспитанием ненависти к гитлеровским захватчикам. Для этой цели широко использовались сообщения печати, беседы ветеранов бригады. Сильное воздействие на личный состав батальона оказывали регулярные выступления старших начальников — командира бригады полковника Леонова, начальника политического отдела подполковника Вобяна.

Большую политико-воспитательную работу вел командир батальона коммунист майор Петр Иванович Орехов. Это был очень интересный человек. До войны он закончил театральное училище и работал в оренбургском театре. На отдыхе, в перерывах между боями, любил петь. И яркая фронтовая биография этого замечательного офицера напоминает именно песню. На поле боя он был как на сцене — весь на виду. Все учились у него быстрой реакции на малейшее изменение в обстановке, дерзости, глубоко продуманному расчету и строгому учету шансов на победу.

С основательностью готовил к серьезному испытанию свой батальон и майор Федор Петрович Боридько.

В воспитательной работе активно использовались письма из Монгольской Народной Республики. В то время в войсках фронта гостила делегация монгольских трудящихся, возглавляемая Ю. Цеденбалом, которая посещала передовые части, вручала подарки бойцам и командирам. Политработники бригады, партийный актив подробно информировали об этом солдат, сержантов и офицеров. Сообщения газет агитаторы доводили, до каждого танкиста.

Так было и 26 марта 1943 года, когда во фронтовой газете «Красноармейская правда» была помещена заметка «Делегация трудящихся Монгольской Народной Республики в войсках нашего фронта». С сердечной теплотой восприняли фронтовики слова товарища Цеденбала о том, что по всей республике с большим подъемом идет сбор средств в фонд помощи Красной Армии. Глава монгольской делегации сообщил, что, выполняя обязательство до конца войны содержать бригаду, делегация привезла танкистам обмундирование, снаряжение и продукты⁸. [22]

Приезд делегации, возглавляемой товарищем Цеденбалом, был еще одним ярким выражением крепнущей дружбы танкистов с тружениками МНР.

По всей Монголии был в эти дни очень велик интерес к танковой колонне. В газете «Унэн» последовательно публикуются несколько материалов: приказ командира 112-й отдельной Краснознаменной танковой бригады, отданный в день получения боевых машин от делегатов монгольского парода; статья о боевом пути танкистов, где говорилось, почему именно этой бригаде была оказана такая высокая честь, и др.

Танкисты бригады регулярно писали в далекий Улан-Батор. Все праздники отмечали они с думой о монгольских братьях.

Вот, например, телеграмма, отправленная 25 апреля 1943 года командиром бригады полковником М. Т. Леоновым маршалу Чойбалсану:

«Бойцы, командиры и политработники танковой бригады готовятся к встрече своего бригадного праздника — дня награждения пашей бригады орденом Красного Знамени — 3 мая 1942 года. Высокой награды нашу бригаду удостоило Советское правительство за

8 Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2542, д. 10, л. 117.

успешные боевые действия личного состава на фронте борьбы с ненавистным германским фашизмом.

Мы эту радостную для нас дату хотим отметить вместе с Вами и народом Монгольской Республики. Заверяем правительство и народ революционной Монголии, что личный состав бригады на танках, приобретенных на средства вашего народа, будет и в дальнейшем так же успешно громить врага до полного его уничтожения и изгнания из пределов любимой Родины»⁹.

И вот снова для танкистов бригады наступили дни суровых испытаний. Начались жестокие бои с врагом. На обоянском направлении гитлеровцы нанесли исключительно мощный танковый удар. На отдельных узких участках нашу оборону таранили сотни вражеских машин. Не считаясь с потерями, они лезли вперед. Основной удар наносили 48-й танковый корпус и 2-й танковый корпус СС. Противник прорвал первую полосу обороны на участке 6-й гвардейской армии и почти окружил 67-ю и 52-ю гвардейские [23] дивизии, не подозревая, какой «сюрприз» готовит советское командование на Воронежском фронте.

По приказу генерала армии Ватутина, для того чтобы остановить продвижение немецких танков, 1-я танковая армия генерала М. Е. Катукова после 50-километрового марша заняла вторую полосу обороны, подготовленную 6-й гвардейской армией.

Танковый корпус генерала А. Л. Гетмана, куда входила 112-я танковая бригада, сразу же вступил в тяжелый бой с главными силами 48-го танкового корпуса — 3-й танковой дивизией и гренадерской моторизованной дивизией «Великая Германия», в которой насчитывалось около 180 танков. У генерала Гетмана было почти в два раза меньше танков. Зато у него было то, чего не было и не могло быть у немецкого генерала, — замечательные люди, способные на любой подвиг во имя Родины.

На участке Сырцево, Верхопенье дралась с врагом 112-я Краснознаменная танковая бригада.

Первой столкнулась с противником головная походная застава (два танковых взвода с десантом). По ней открыли огонь четыре «тигра», замаскированные неподалеку от отметки 254,5. Один танк из состава ГПЗ загорелся, другой был подбит. Начальник ГПЗ приказал отойти в укрытие и доложил обстановку в колонну главных сил. Они сразу же начали разворачиваться для боя. Гитлеровцы тоже стали стягивать к месту столкновения танки. Скоро их стало уже около восьмидесяти.

Полковник М. Т. Леонов приказал обоим танковым батальонам немедленно занять оборону. Впереди боевых машин расположились автоматчики бригады. Особую задачу получила рота старшего лейтенанта Павла Маслова: расположиться в засаде, развернувшись фронтом на юг, у подножия безымянной высоты юго-восточнее Верхопенье и оседлать дорогу на Сырцево.

Старший лейтенант, прибыв на место, сразу же занялся размещением роты, уточнением задачи с командирами экипажей. Когда все было сделано, занял место в своем танке. Он испытывал чувство беспокойства за судьбу товарищей, находившихся там, откуда доносился грохот моторов и разрывы снарядов. Конечно, они сделают все, чтобы сдержать врага. Но если фашистские танки, которых намного больше, все-таки прорвутся, тогда их встретит его рота. Если же гитлеровцы вздумают пойти в обход, им [24] тоже не миновать роты Маслова. В любом случае будет бой, и очень тяжелый.

Комсомольский экипаж командира роты в шутку называли «дружба народов». Четыре человека — четыре национальности. Невысокий, кражистый, умеющий настоять на своем механик-водитель Наумов — эвенок, башенный стрелок, хитроватый крепыш Бондарь — украинец, а горячий, как все южане, заряжающий Беккуров — осетин. Сам Маслов — русский, рязанский.

Наконец было принято сообщение: «Слева — пять «тигров»!»

Как потом стало известно, фашисты не смогли взять в лоб позиции, занимаемые

9 «Унэн», 30 апреля 1943 г.

батальонами Орехова и Боридько, и решили обойти их, чтобы нанести фланговый удар. Все получилось именно так, как предполагал полковник Леонов.

Но это было потом. А сейчас Маслов не знал, что это за танки, откуда они появились. Надо было самому посмотреть.

Маслов открыл люк и выпрыгнул из танка. Взобравшись по склону наверх, он некоторое время лежал, наблюдая. Потом, отломив ветку ракеты, воткнул ее в землю и так же стремительно вернулся на свое место в танке.

— Наумов! — крикнул механику-водителю. — Ветку видишь?

— Вижу...

— Держи прямо на нее. После первых выстрелов — сразу же назад!

И вот танк уже на вершине высоты. Гусеницы вмяли в пыльную землю зеленую ветку ракеты. До «тигров» метров триста, не больше. Ничего не подозревая, они ползут, покачиваясь и подставляя борта под огонь нашей машины.

Маслов действует у орудия почти автоматически. После первых же его выстрелов открыли огонь все немецкие танки. Один из бронебойных снарядов задел башню нашей машины. От внутренней стенки брони отскочил осколок и разорвал щеку заряжающему Беккурову.

— Наумов! — приказывает Маслов. — Назад!

Механик-водитель начеку. Машина почти мгновенно сползает вниз и для вражеских танкистов как сквозь землю проваливается. [25]

Маневр этот Маслов повторяет трижды. И гитлеровцы, окончательно сбитые с толку, оставив на поле боя три горящих «тигра», поворачивают назад...

Примерно такую же задачу выполнял со своими танкистами старший лейтенант Иван Рыбалко. Его роте было приказано зарыться в землю и ждать.

И Рыбалко ждал. С высоты хорошо было видно, как трудно приходится бригаде. Особенно после того, как фашисты бросили в бой «тигров». Тридцатьчетверки шли навстречу бронированным хищникам, не отвечая на огонь, пока расстояние не сокращалось до 500—600 метров. Это требовало высокого мастерства и большого мужества.

Первым подбил «тигра» лейтенант И. Пустынцев. Обрадовало это всех — от заряжающего до командира корпуса генерала А. Л. Гетмана, наблюдавшего за боем, который вела 112-я танковая бригада. По радио открытым текстом передали, что Пустынцеву присваивается звание старшего лейтенанта и он награждается орденом Отечественной войны II степени.

Вскоре на командный пункт бригады стали одно за другим поступать сообщения о подбитых «тиграх».

Но обстановка осложнялась. Пришлось вступить в бой и роте Рыбалко, которую, несмотря на то что она была зарыта в землю и замаскирована, гитлеровцы все-таки обнаружили. Открыв огонь, они в первые же минуты подожгли несколько танков.

Положение роты сразу стало угрожающим. Но старший лейтенант Рыбалко вместе с присланным комбригом офицером связи В. П. Львовым умело организовал бой, так расположив свои оставшиеся четыре машины, что гитлеровцы при очередной атаке подставили под огонь борта. Огонь и атака во фланг были очень эффективны. Гитлеровцы отошли, оставив на поле боя несколько подбитых машин.

За этот бой командир роты старший лейтенант Рыбалко был награжден орденом Александра Невского.

Когда стемнело, командир бригады полковник М. Т. Леонов, начальник политотдела подполковник С. Е. Вобян и начальник штаба подполковник И. И. Гусаковский подвели итоги первого боя. Получалось не так уж плохо. Врагу не дали продвинуться и уничтожили десять вражеских машин, причем шесть из них — «тигры». Кроме того, танкисты записали на свой боевой счет три [26] бронетранспортера, самоходную установку, больше десятка автомашин и до сотни солдат и офицеров противника.

А самое главное — танкисты увидели: хотя «тигры» — сильные машины, но бить их

можно, не такие уж они неуязвимые, как утверждает гитлеровская пропаганда.

Командиры, политработники, агитаторы подразделений широко популяризировали первый опыт борьбы с «тиграми», рассказывали о героях этого боя, готовили личный состав к новым схваткам с врагом.

В ночь на 8 июля было относительное затишье, но разведчики донесли, что впереди, в районе населенных пунктов Гремучий и Щенячий, все признаки передвижения больших масс танков. Что это за танки? Куда они направляются? Полковник Леонов решил произвести разведку боем и поручил ее группе во главе с капитаном Дюрягиным.

Внезапная атака на Гремучий, короткий и яростный бой на его улицах прояснили обстановку. Оказалось, что перед участком бригады сосредоточено около 70 танков противника. Кроме того, гитлеровцы выдвинули почти втрое большую группу в район населенного пункта Щенячий, пытаясь обойти с фланга участок нашей обороны.

Когда рассвело, сведения разведки подтвердились. Мощный бронированный кулак из 70 машин обрушился на бригаду с фронта. 200 танков двинулись в обход. Напряжение боя нарастало с каждым часом, и к середине дня 8 июля полковнику Леонову стало ясно, что позицию, занимаемую бригадой, не удержать. В этот момент он получил приказ отойти на западный берег реки Пена. В 13 часов бригада организованно начала маневр и вскоре сосредоточилась на указанном рубеже.

Батальон майора Орехова занял позицию в районе населенного пункта Березовка. Один взвод Т-70 Орехов выдвинул прямо в боевые порядки автоматчиков бригады, на самый берег реки. Батальон майора Боридько находился там же. Три машины комбат тоже выдвинул к реке. Истребительно-противотанковая батарея оборудовала огневые позиции на северных скатах безымянной высоты в полутора километрах северо-западнее Березовки, перерезав дорогу Березовка — Верхопенье.

До конца дня 8 июля танки и пехота противника несколько раз подходили к реке, но наши танки и мотострелки встречали их огнем, не давая возможности переправиться. [27] Гитлеровцы отходили, по сути дела, не принимая боя. Чувствовалось, что они только прощупывают возможность форсировать в этом месте реку.

9 июля бои вспыхнули с новой силой. Ожесточенные атаки следовали одна за другой, с перерывами в полтора-два часа. Наши танкисты вместе с находившейся в оперативном подчинении Леонова 10-й механизированной бригадой все их успешно отразили. К вечеру между левым флангом 6-го танкового корпуса, в который входила 112-я бригада, и правым флангом 3-го механизированного корпуса образовался разрыв, не занятый нашими войсками.

Этим немедленно воспользовались гитлеровцы. В 4 часа 10 июля около 100 танков 48-го немецкого корпуса устремились из района севернее Верхопенье в этот разрыв, атаковали наши позиции в западном и юго-западном направлении и вскоре вышли к перекрестку дорог у урочища Толстое; отдельные машины появились и в тылу 112-й бригады.

Путь им преградил батальон майора Орехова, по приказу полковника Леонова срочно переброшенный сюда. Бригада фактически заняла круговую оборону.

На батальон Орехова пришелся основной удар немецких танков, прорвавшихся с рубежа Верхопенье, Лог Кубасовский. Девять Т-34 и один Т-70 приняли неравный бой.

Как всегда, когда напряжение в бою достигает самой высокой точки и все зависит от воли и выдержки командира, майор Орехов на своей машине был впереди, в боевых порядках подразделения. Он не отрываясь наблюдал за полем боя.

Из дымной пелены над линией горизонта вынырнули тяжелые машины и устремились на боевые порядки батальона. Впереди атакующих немецких танков шел «тигр». Ни выстрела. Только нарастающий гул моторов.

Орехов дал механику-водителю гвардии старшине П. Амбарникову команду «Вперед» и занял место у орудия. Не услышал из-за грохота моторов, а сердцем почувствовал, как батальон вместе с ним рванулся навстречу врагу.

Немецкие танки все так же, в четком строю, без единого выстрела, продолжали

двигаться вперед. [28]

— На психику хотите подействовать! — пробормотал комбат, беря на прицел «тигра».

Волноваться было нельзя, потому что знал: весь батальон ждет его выстрела. Спокойно уточнил наводку и нажал на спуск. Радостным азартом вспыхнули глаза, когда столб пламени и дыма взметнулся над остановившимся «тигром».

Не вышла у фашистов «психическая». Нервы у наших танкистов оказались крепкими. Выдержали. Смелой контратакой отбросили врага.

Через некоторое время гитлеровцы полезли снова. Силы батальона Орехова были на пределе. Порой казалось: еще немного — и не выдержать. Но напряжение боя возрастало, а батальон держался. Враг, несмотря на численное превосходство, отходил.

Танкисты Орехова успешно отбили все атаки гитлеровцев. Однако положение на участке бригады оставалось напряженным. Все было, как на весах, установившихся в равновесии. Достаточно какой-нибудь мелочи, чтобы чаша резко пошла вниз.

Такой «мелочью» чуть не стала попытка врага окружить фланги бригады. Ликвидировать опасность Леонов приказал Орехову. На батальон сразу же обрушились яростные контратаки. О накале боев можно судить по тому, что, выполняя эту задачу, батальон сжег 6 «тигров» и 5 танков других марок и уничтожил до 150 солдат и офицеров противника.

В ночь на 11 июля гитлеровцам все-таки удалось начать наступление. Подразделения 48-го немецкого танкового корпуса заняли высоту 258,5, а затем перекресток дорог северо-западнее и лес юго-восточнее.

С прорвавшимися бронированными машинами врага дрались подразделения 90-й стрелковой дивизии, танкисты и автоматчики бригады. Стрелки и автоматчики располагались впереди боевых машин и первыми приняли на себя танковый удар.

Одним из героев этого боя стал комсорг роты, бронебойщик сержант А. Коробейников. Он находился в окопе вместе с товарищами, приготовив противотанковое ружье. На них на полной скорости двигались «тигры».

С противотанковым ружьем против «тигра»! Тут успеха добиться можно только в случае, если вести огонь в упор, [29] с максимально близкого расстояния. И Коробейников, отлично понимая это, ждал.

Вражеский танк уже в 60—70 метрах. Еще несколько мгновений — и он навалится всей своей тяжестью на маленький окопчик, вдавит в землю смельчака...

Пора. Коробейников тщательно прицеливается, нажимает на спуск. Танк, клюнув носом, замирает на месте. Но обнаружен и бронебойщик. Почти в упор «тигр» бьет по нему из орудия. Снаряд разрывается прямо на бруствере окопа.

В первое мгновение, оглушенный взрывом, Коробейников почти не почувствовал боли. Да и некогда было думать об этом. Из-за танков появилась пехота. Схватив автомат, бронебойщик открыл по ней огонь короткими очередями. И тут только увидел, что кровь заливает грудь. Чуть не задохнулся от резкой боли, тронув рукой вырванную осколком щеку.

А фашистская пехота наседала. Собрав все силы, Коробейников снова открыл огонь.

Еще три раны получил герой. Одна пуля задела голову. Но, истекая кровью, он продолжал стрелять.

Наконец, почувствовав, что умирает, Коробейников поднялся во весь рост и крикнул:

— Бейте фашистских гадов! Слышите — бейте!..

Это были его последние слова. Подразделение рванулось в контратаку и отбросило вражеских автоматчиков.

Противник наступал со всех сторон. Но в самый напряженный момент Леонову вместе с 200-й танковой бригадой удалось организовать успешную контратаку, которая задержала гитлеровцев на несколько часов. Обе бригады понесли большие потери. По сути дела, от них осталось лишь несколько групп, которые до самой темноты вели оборонительные бои. Во всем корпусе насчитывалось 35 танков и около 10 орудий. И все-таки танкисты вместе с подразделениями 90-й гвардейской стрелковой дивизии удержали врага.

Леонов и штаб бригады собрали оставшиеся танки и пехоту вместе, произвели перегруппировку. Остатки обоих танковых батальонов (четыре Т-34 и семь Т-70) расположили восточнее дороги Круглик — Раково, на южных скатах высоты 237,6. А на северных — все, что осталось от моторизованного батальона автоматчиков. Истребительно-противотанковая батарея по-прежнему оставалась там, где [30] начала бой: на северных скатах безымянной высоты в полутора километрах северо-восточнее Березовки.

11 июля, едва рассвело, начался артиллерийский налет, затем над позицией бригады появились вражеские самолеты. После бомбежки на довольно большом участке, занимаемом 90-й стрелковой дивизией и 6-м танковым корпусом, гитлеровцы, сосредоточив танковую и пехотную дивизии, ударили с трех сторон в общем направлении на Обоянь, Красный Узлив и стали быстро продвигаться вдоль дороги на юг. В воздухе непрерывно висели их самолеты, которые вывели из строя две тридцатьчетверки еще до соприкосновения 112-й танковой бригады с противником.

Примерно через полчаса после начала вражеского наступления пошел дождь. Он резко ухудшил видимость, мешал оборонявшимся вести прицельный огонь на дальней дистанции, и противник сумел почти беспрепятственно подойти к рубежу, занятому батальоном автоматчиков бригады, и даже кое-где проникнуть сквозь его боевые порядки. Однако автоматчики отсекали пехоту от танков. В дело вступили и оставшиеся у Леонова боевые машины.

Но силы были слишком неравны. После нескольких часов боя, израсходовав все боеприпасы, начал вместе с остатками нашей пехоты пробиваться в направлении Красного Узлива батальон Орехова. Отошел на Силино и батальон Боридько. Впрочем, батальоном его сейчас никак нельзя было назвать, так как в строю находились два Т-34 и один Т-70. Оказавшаяся в глубоком вражеском тылу истребительно-противотанковая батарея оврагами отступала по маршруту Березовка, Шепелевка, Раково.

В этих боях отличился экипаж командирского танка «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия», куда входили кроме полковника Леонова лейтенант Леушин, старшина Токарев и сержант Окунев.

Шел мелкий, надоедливый дождь. Земля превратилась в вязкое черное месиво. Конечно, тридцатьчетверка — машина высокой проходимости, но мешала плохая видимость. А местность, по которой двигался танк, болотистая. Здесь и при ясном небе можно застрять, при такой же погоде — тем более. Поэтому лейтенант Леушин и механик-водитель старшина Токарев были предельно внимательны. И все-таки машина застряла. Было ясно, что она [31] оказалась между наступающими немецкими танками и позициями наших войск.

Экипаж спокойно, деловито начал готовиться к бою.

Когда из частой сетки дождя показались вражеские машины, Леушин приказал открыть огонь. И пушка и пулемет работали с максимальной нагрузкой. Главное было — ввести в заблуждение противника, не ожидавшего встретить здесь сопротивление.

Расчет на неожиданность оправдался. Вражеские машины повернули назад. Фашисты и не подозревали, что встретила их на болоте одна-единственная тридцатьчетверка.

До вечера никто больше не появлялся. Когда стемнело, Леушин решил сделать попытку выбраться на твердый грунт и вернуться к своим. Но как? А что, если попробовать подложить под гусеницы веток и жердей. Когда наступила ночь, танкисты, соблюдая все меры предосторожности, чтобы не заметил противник, принялись за работу. Используя хворост, поваленные взрывами деревья, стали гатить болото. Наконец все готово. Пожалуй, можно попробовать. Старшина Токарев сел за рычаги управления. Танк, сердито урча, двинулся вперед, вдавливая в жидкую грязь молодые, скользкие сосенки. Через несколько секунд он выбрался из болота и вскоре благополучно вернулся к своим.

На другой день экипажу было приказано скрытно выйти на высотку впереди нашей обороны, замаскироваться в мелком ольшанике и дубняке и вести наблюдение за противником.

Скоро танк был на месте. Когда его надежно укрыли, все члены экипажа приступили к

наблюдению.

Прошло четверть часа. Спокойно. Но вот появились вражеские танки. Они шли прямо на высотку. Леушин насчитал восемь «тигров» и приказал радисту сержанту Окуневу немедленно сообщить об этом на командный пункт, дать точные координаты артиллеристам, попросить, чтобы ударили покрепче. Вызвать массированный огонь наших орудий — единственный способ остановить тяжелые вражеские машины.

Танки подходили все ближе. И вдруг по ним ударила артиллерия. Взметнулись черные фонтаны разрывов. Огонь был точным. Сразу три «тигра» запылали. Остальные заметались по полю, подставляя борта. [32]

Леушин спокойно выбрал цель, навел орудие. Стрелял он, как всегда, без промаха. Первый снаряд угодил в переднюю часть машины, второй — в моторную группу. «Тигр» загорелся.

Фашисты поняли, что не только попали под обстрел пашей артиллерии, но и напоролась на засаду. Им ничего не оставалось, как повернуть обратно.

За этот бой весь экипаж танка был представлен к правительственным наградам.

К исходу 11 июля 112-я танковая бригада сосредоточилась в урочище Долгонькое; В течение следующего дня танкисты привели в порядок материальную часть и получили новую задачу: совместно с 60-м танковым полком, батареей самоходных установок и двумя батареями истребителей танков занять оборону по северо-западной и северо-восточной опушке урочища Толстое.

Рано утром 13 июля бригада вышла на указанный рубеж и была пополнена материальной частью — тринадцатью Т-34 и четырьмя Т-70. 14-го она отбила четыре ожесточенные вражеские атаки.

С утра 15 июля положение осложнилось. Противник просочился в овраги на западной опушке урочища. Основные события развернулись в районе отметки 240,2. Танкисты проявили необыкновенное мужество. Было уничтожено восемь танков противника, в том числе четыре «тигра».

Выполнив свою задачу, бригада отходила из урочища. Собственно говоря, отходили только члены экипажей, а оставшиеся четыре танка полковник Леонов передал в распоряжение находившегося при нем офицера связи капитана В. П. Львова и приказал прикрыть отход. Задача была почти невыполнимая.

Часов около восьми утра немецкие танки пошли в атаку. Их было не меньше двенадцати, в том числе несколько «тигров». Наконец расстояние сократилось настолько, что можно было бить наверняка. Загремели выстрелы и с той и с другой стороны. Это продолжалось минут двадцать. Гитлеровцы не выдержали и отошли, оставив на поле боя четыре подбитые машины, в том числе «тигра». У капитана Львова потерь не было, только у одной тридцатьчетверки снарядом заклинило башню.

На несколько минут наступило относительное затишье. Генерал Гетман приказал Львову собрать все танки [33] корпуса для отражения очередных атак с задачей остановить гитлеровцев на три-четыре часа.

Скоро подошли еще две тридцатьчетверки. Теперь в распоряжении Львова было уже шесть машин.

Началась новая атака. На этот раз двинулись четырнадцать танков, в том числе три «тигра».

Два советских танка открыли огонь, маневрируя на поле, четыре машины ударили из укрытий. Противник сразу же ответил. Завязался огневой бой, продолжавшийся около часа. Гитлеровцы снова потерпели неудачу. Они отошли, потеряв шесть своих танков. Но и у Львова были тяжелые потери. Загорелись оба танка, маневрировавшие на поле боя. Вышли из строя две машины, находившиеся в укрытиях. Таким образом, осталось всего две тридцатьчетверки.

Между тем началась очередная атака. На этот раз — три «тигра» и четыре средних танка. Один Т-IV удалось подбить. Но второй «тигр» поджег последний наш исправный

танк.

Гитлеровские машины, ведя сильный огонь, беспрепятственно шли в наше расположение. Но задача, поставленная генералом Гетманом, была уже выполнена. Можно отходить. Всем оставшимся в живых капитан Львов приказал сесть в летучку, которая стояла в щели. Выбравшись из урочища Толстое, наши танкисты увидели свежие танки, сосредоточившиеся для атаки, и поняли, для чего нужны были эти три часа.

Генерал Гетман наградил капитана В. П. Львова орденом Красной Звезды.

Приведя в порядок оставшуюся материальную часть и получив несколько машин из других танковых частей, 18 июля бригада приняла участие в наступательных боях. Взаимодействуя с частями 7-й стрелковой дивизии, вела тяжелые бои в районе населенного пункта Красный Починок. Здесь понесла значительные потери и по приказу командира корпуса была выведена из боя...

В эти грозные дни еще более окрепла дружба танкистов с трудящимися Монгольской Народной Республики. В разгар боев полковник М. Т. Леонов отправил в Улан-Батор телеграмму на имя премьер-министра Монгольской Народной Республики маршала Чойбалсана. В ней говорилось, что бригада уже в течение восьми суток мужественно отражает атаки фашистского зверья, и приводились [34] цифры — количество уничтоженной вражеской техники: 71 танк, из них 31 «тигр». Телеграмма полковника Леонова была опубликована в газете «Унэн» 20 июля. В этом же номере напечатан и ответ маршала Чойбалсана, который писал на фронт Леонову:

«Гордимся мужеством славных танкистов, умножающих славу героической Красной Армии. Объявите от меня лично и от правительства МНР всему личному составу благодарность и пожелайте новых успехов в борьбе с проклятым фашистским зверьем».

В урочище Большое, где выведенная из боя 112-я танковая бригада находилась до 3 августа, ремонтируя подбитые машины, получая новые и принимая пополнение, состоялось вручение орденов и медалей героям Курской битвы. Сохранилась солдатская газета за 31 июля 1943 года. В ней есть заметка «Награждение отличившихся».

Замер строй. В торжественной тишине отчетливо слышны слова приказа: «За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм наградить...»

Солдаты, сержанты и офицеры подходят к столу за получением правительственных наград. Мужественные люди, спокойно смотревшие в лицо смертельной опасности, волнуются, смущаются...

Орден Александра Невского получает командир танкового батальона майор Федор Петрович Боридько. В дни особенно ожесточенных боев на Курской дуге он на танке «Сухэ-Батор» был в самых опасных местах. За несколько дней батальон под командованием Боридько уничтожил 9 «тигров», 12 средних танков, 2 самоходных орудия, 30 пушек разного калибра, 28 автомашин, шестиствольный миномет, 6 минометов разного калибра, свыше 1000 солдат и офицеров противника.

Принимая правительственную награду, майор Боридько сказал:

— Я заверяю командование, что в завтрашних боях вверенное мне подразделение выполнит приказ так же свято, как выполняло всегда, только с еще большим мастерством и знанием своего дела.

Сержант В. Зайцев, подбивший три фашистские бронированные машины, был удостоен ордена Красной Звезды. Санинструктор Л. Гагарина была награждена орденом [35] Отечественной войны II степени. Правительственные награды получили и многие другие танкисты.

Слава о подвигах 112-й танковой бригады долетела до самых отдаленных аймаков МНР. Рабочие, араты, интеллигенция хотели подробнее знать о подвигах воинов их подшефной части. И капитан Александр Шабанов по заданию командования пишет для газеты «Унэн» статью, которая была опубликована 6 августа 1943 года под заголовком «Танки «Революционной Монголии» в бою». Это был своеобразный рапорт шефам о

достигнутых успехах, с заверением, что боевая слава части будет приумножена.

В начале августа 1943 года войска Воронежского фронта, измотав гитлеровцев в оборонительных боях, начали контрнаступление. Танковый корпус генерала Гетмана подошел к Богодухову, и 112-я бригада приняла участие в его освобождении. Танки с дарственными надписями монгольских трудящихся на броне появились на улицах города.

Штурм Богодухова был настолько стремительным, что гитлеровцы, отступая, побросали автомашины, пушки, минометы, большое количество автоматов и пулеметов.

Жители города выбегали из домов встречать своих освободителей, со слезами радости приветствовали танкистов.

Одна из женщин, Мария Бачинская, вынесла на улицу столик, установила его против своего дома на перекрестке дорог, накрыла белой скатертью. Чтобы угостить долгожданных «червоноармийцев», как ласково по-украински называла она освободителей, вынесла все, что имела. И пусть небогат был стол — туго жилось людям в фашистской неволе, — но выставленные простой украинской женщиной фрукты, квас, молоко были для наших бойцов дороже любых деликатесов.

Трогательная встреча произошла на другой улице. Возле дома номер девять, лязгнув гусеницами по камням мостовой, остановился танк. Открылся люк, из него выпрыгнул командир экипажа младший лейтенант Иван Ивченко и побежал к дверям. Ведь здесь его квартира. В ней жена Катя и Колька, трехлетний сын. Как они? Живы или нет?

Это волнует всех членов экипажа. И они удовлетворенно улыбаются, видя, как их командир обнял бросившуюся к нему плачущую молодую женщину с ребенком на руках.

Когда схлынула ошеломляющая радость, Катя рассказала [36] о том, как жила. Грустная это была повесть. С помрачневшими лицами слушали ее танкисты.

Много горя хлебнула Катя. От голода умерла мать Ивана. Фашисты расстреляли мужа его сестры.

Младший лейтенант Ивченко слушал торопливый, сбивчивый, с горькими всхлипываниями рассказ и чувствовал, как каменеет сердце. Горе будет тем врагам, которые завтра встанут ему на пути!

В этом городе он прожил почти всю свою жизнь. После школы поступил на завод. Трудился, не жалея сил. Был избран депутатом городского Совета. Когда началась война, сразу же ушел на фронт.

Сейчас те люди, которые голосовали на выборах за Ивана, радостно встречают его. С цветами в руках прибежала соседка, Катя Геращенко, и говорит, улыбаясь и плача от радости:

— Не зря отдала я за вас свой голос. Горжусь, что мой депутат в числе первых освободителей города...

Коротким было свидание младшего лейтенанта Ивченко с семьей. Прозвучала команда «По машинам», и он вновь занял свое место в танке...

После взятия Богодухова 112-я танковая бригада некоторое время находилась в лесу, восточнее деревни Сенное, затем, получив задачу, к 12 часам 10 августа сосредоточилась в районе Семенов Яр, Лозовая. Здесь полковник Леонов получил боевой приказ: захватить и привести в негодность станцию Высокополье и тем самым перерезать железную дорогу Харьков — Полтава, являющуюся важной коммуникацией врага.

Основная часть этой сложной задачи легла на батальон майора Орехова. Именно ему приказал командир бригады прорваться к железнодорожной магистрали, которую гитлеровцы тщательно охраняли.

До сигнала «Вперед» оставалось совсем мало времени, и активисты батальона включились в работу. Парторг батальона капитан Виктор Иванович Дорофеев накоротке собрал коммунистов. Распределили, кому и что делать во время подготовки к выходу и в бою. Сразу же началось заседание комсомольского бюро. Пригласили весь актив подразделения, прежде всего тех, кто хорошо проявил себя раньше. Майор Орехов в деталях разъяснил боевую задачу, а также важность того, чтобы комсомольцы в предстоящем бою

показали образец отваги и мужества. [37] Последним на повестке бюро стоял вопрос о приеме в члены ВЛКСМ стрелка-радиста сержанта Кравчука и башнера сержанта Курбатова. Оба решили идти в бой комсомольцами. Сержантов Кравчука и Курбатова все в батальоне отлично знали: надежные ребята, храбрые воины. Их единогласно принимают в члены ВЛКСМ.

Наконец от машины к машине понеслась долгожданная команда. Еще минута — и на том месте, где только что стояли танки, никого нет. Остаются лишь следы гусениц да разбросанные увядшие ветки — остатки маскировки.

Батальон Орехова шел в голове бригады. Получив материальную часть после боев в Богодухове, он насчитывал 26 танков и был усилен 112-м батальоном автоматчиков (без двух взводов), истребительно-противотанковой батареей бригады, батареей самоходных установок, двумя зенитными орудиями и взводом саперов.

Находившийся во втором эшелоне 124-й танковый батальон был значительно слабее по составу. Танков только десять, автоматчиков — два взвода. В его боевых порядках двигалось управление бригады с двумя тридцатьчетверками, два зенитных орудия, саперный взвод.

Главную часть задачи — выйти к железнодорожному полотну станции Высокополье и взорвать его — командир бригады поручил роте, которой командовал герой боев на Курской дуге старший лейтенант П. Маслов.

И он, и все его подчиненные, выполняя приказ, проявили мужество, смелость и решительность. Но, пожалуй, больше других заслужил похвалы механик-водитель командирской машины старшина Б. Кашфиев. В бою по его танку с надписью на башне «Монгольский арат» равнялись все.

Рота Маслова была головной. На рассвете подошли к селу, которое как бы прикрывало Высокополье. Несколько минут наблюдали. Обойти никак нельзя. «Значит, штурм, — решает Маслов. — И как можно более стремительный». Все экипажи, еще перед выходом тщательно проинструктированные, быстро и четко выполнили его команду, и рота, ведя огонь из пушек и пулеметов, ворвалась в село. Буквально в считанные минуты было покончено с растерявшимся гарнизоном.

Теперь надо было сделать главное — штурмом взять Высокополье. Тут уж вступил в дело весь батальон. [38] Нашлась работа и танкистам, и пехоте, находившейся на броне в качестве десанта.

Рота Маслова подошла к насыпи. Старший лейтенант поднялся на железнодорожное полотно. С минуту смотрел на накатанные до блеска стальные рельсы. Потом приказал взорвать их вместе со стрелками.

Саперы быстро все подготовили. Раздался грохот. Взметнулись рыжие космы пламени. Было 9 часов 10 августа 1943 года.

Не успели экипажи как следует расположить и замаскировать танки, как на дороге параллельно железнодорожной линии поднялась пыль, а вскоре стали заметны и стальные машины с крестами на боках.

Старший лейтенант Маслов сам занял место у орудия.

Две вражеские машины отделились от колонны, намереваясь перерезать единственный путь отхода. Значит, надо в первую очередь ударить по ним. Маслов навел орудие на первую машину и нажал на спуск. Снаряд попал в башню. Еще один выстрел — и фашистский танк загорелся, распространяя черный дым по пристанционному поселку. Снова ударила пушка командирской тридцатьчетверки — и катки второго танка полетели в разные стороны. Он беспомощно закрутился на месте.

Все это произошло буквально за несколько секунд, на глазах у наступающего врага. Сейчас он обрушит на «Монгольского арата» лавину огня. Но Маслов начеку. Короткий приказ механику-водителю старшине Кашфиеву — и танк скрывается за углом каменного дома. И как раз вовремя. На месте, где он стоял, поднимается фонтан земли.

В этот момент из станционного сада появляется «тигр». Видимо для устрашения, он выкрашен полосами. Длинный хобот его пушки ходит из стороны в сторону, словно

вынюхивает цель. Еще мгновение — и он заметит машину Маслова...

Но старший лейтенант открывает огонь первым, коротко приказав башнеру сержанту Пшеничникову:

— Подкалиберным!

Фашист задымил и попятился назад, пытаясь скрыться за деревьями станционного сада. Маслов не дал ему такой возможности. Один за другим прозвучали три выстрела, и танк был добит.

Старший лейтенант Маслов огляделся и увидел, как [39] слева запылали еще два гигантских костра. Это постарались соседние экипажи.

Нервы у гитлеровцев не выдержали. Вражеские машины медленно поползли назад...

Мужественно и мастерски дрались и другие роты батальона Орехова. Но удерживать Высокополье становилось все труднее. Враг, растерявшийся было от неожиданного и дерзкого нападения, быстро пришел в себя и, подтянув резервы и сосредоточив на узком участке до 80 танков, в том числе много «тигров», в 18 часов 10 августа предпринял яростную контратаку из района Ковяги против всего левого фланга бригады.

Полковник Леонов сразу понял, что в случае успеха этой контратаки бригада будет отрезана от основных сил корпуса. Но сманеврировать имевшимися в его распоряжении силами было нельзя, так как обеспечивавший с тыла выполнение основной части задачи батальон Боридько вместе с приданными ему средствами усиления вел тяжелый бой, вначале с просочившимися к командному пункту бригады автоматчиками противника, потом с танками, неожиданно появившимися из района населенного пункта Шаровка. Оставалось надеяться на стойкость танкистов Орехова. И они оправдали эти надежды. Командир батальона смело маневрировал, мастерски используя рельеф местности, искусно применяя тактику танковых засад. Мужественно сражались и танкисты 124-го танкового батальона. Всего бригада уничтожила до 30 гитлеровских танков. Однако и сама понесла большие потери. У Орехова, например, сгорели и были подбиты 13 танков, самоходная установка, оба зенитных орудия. Вышло из строя 50 процентов батальона автоматчиков. А враги все лезли.

Командир бригады приказал оставить Высокополье и отойти на северо-восточные скаты высоты 161,7.

Нелегко было осуществить этот маневр, так как противник сидел буквально на плечах. Отходили с боями. Потеряли еще один танк, последнее противотанковое орудие. Пять танков отстали во время отхода и вели бой где-то в отрыве от батальона. Несмотря на это, бригада на своем участке все-таки сдерживала медленно продвигавшиеся вперед гитлеровские танки.

Рано утром 12 августа батальон Орехова в количестве 10 танков с самоходным орудием и двумя тридцатьчетверками [40] Боридько, пробившимися из населенного пункта Первомайский, сосредоточились в лесу северо-восточнее Шаровки и, ведя тяжелый бой, заняли круговую оборону. Гитлеровцы безуспешно пытались прорвать ее.

Вскоре подошло подкрепление — два батальона 6-й мотострелковой бригады и несколько противотанковых орудий, и почти сразу же был получен приказ снова атаковать Высокополье. Для выполнения этой задачи полковник Леонов имел 16 танков (у Орехова — 10, у Боридько, собравшего отремонтированные и те, что находились на охране тылов, — 6).

Станция Высокополье была взята внезапной атакой. Железная дорога Харьков — Полтава вновь была перерезана.

В дальнейшем, выполняя распоряжения командира корпуса, бригада вела бои в районе населенного пункта Мирное, поддерживая части 90-й стрелковой дивизии. Несмотря на исключительное мужество и мастерство стрелков и танкистов, пришлось оставить занимаемый рубеж, и к 16 августа бригада отошла к поселку 11-я Сотня. Здесь, отражая непрерывные атаки превосходящих сил противника, батальон Орехова потерял все свои танки.

В последующие два дня основная тяжесть легла на батальон Боридько, где было всего 7 танков, располагавшихся на северном берегу реки Мерчик. Полковник Леонов послал на помощь остатки батальона автоматчиков (41 человек), которые заняли оборону впереди

танков по южной и восточной окраине Мирное.

К вечеру 17 августа батальон дрался в полуокружении. Мирное дважды переходило из рук в руки...

Своей кульминации бои достигли 19 августа. Утром бригада пополнила вышедшую из строя материальную часть. В 13 часов Леонов получил срочный приказ отходить на север, к Богодухову.

Это было вызвано изменившейся обстановкой. 19 августа гитлеровцы, сосредоточив на узком участке в районе обороны 27-й армии до 70 танков, прорвали фронт и заняли Ахтырку. Они хотели фланговым ударом отсечь войска, наступающие на Харьков. Отчасти им удалось осуществить свой замысел. Они продвинулись вперед и вышли на рубеж Веселый Гай, Каплуновка.

Отходя на север, бригада вела ожесточенные бои. К вечеру 19 августа она находилась в полутора километрах [41] юго-восточнее совхоза «Комсомолец». На следующий день — снова марш. В 15 часов танки были в районе совхоза «Ильичевка». Здесь противник атаковал особенно сильно. Командир бригады собрал оставшиеся танки и повел их в контратаку. На каждую тридцатьчетверку приходилось по нескольку гитлеровских машин. И все-таки наши воины отбили атаку.

Усталый, но довольный полковник Леонов вылез из танка и, вытирая вспотевшее лицо, пошел к штабной машине, чтобы доложить командиру корпуса обстановку. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как осколком шального снаряда был смертельно ранен в голову.

За мужество и отвагу, проявленные в этих боях, полковник М. Т. Леонов был посмертно награжден орденом боевого Красного Знамени.

Погибшего Леонова временно заменил его заместитель майор Ефим Яковлевич Стысин. А в сентябре 1943 года командиром бригады был назначен подполковник Иосиф Ираклиевич Гусаковский, бывший до этого начальником штаба. На его место прибыл майор Александр Иванович Воробьев. Этот замечательный офицер возглавлял штаб бригады вплоть до победных салютов 1945 года. После войны он командовал дивизией, получил звание генерал-майора танковых войск. Умер в 1962 году и похоронен в городе Черновцы (Черновцы).

До конца августа 1943 года бригада принимала самое активное участие в развернувшихся наступательных боях. 25 августа она вместе с другими частями, действовавшими на этом участке фронта, участвовала в освобождении города Ахтырка.

В перерывах между боями танкисты писали своим шефам — трудящимся Монгольской Народной Республики. Послали письмо и члены экипажа танка «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия» — тому, чье имя было начертано на броне.

«Нас трое: командир танка лейтенант Леушин, механик-водитель старшина Токарев и стрелок-радист сержант Окунев. Мы хотим заверить Вас, товарищ Чойбалсан, и весь монгольский народ, что будем бить гитлеровцев на боевой машине, которую вы нам вручили, до полного изгнания с нашей земли озверелого врага...»

Танкисты рассказывали, как сражался экипаж во время Курской битвы. В конце говорилось: [42]

«Просим Вас, если можно, напечатать это письмо в газете, на Вашем родном языке. Пусть знают трудящиеся Монголии, как сражаются советские танкисты на подаренных ими машинах».

Просьба экипажа именно танка была выполнена. Письмо появилось в газете «Унэн» 30 августа 1943 года.

К началу сентября бригада, понесшая большие потери, была выведена из боев, сдала оставшиеся танки 3-му механизированному корпусу и получила приказ сосредоточиться для формирования в районе города Сумы.

Командование подвело итоги наступательных боев. Они были отрадны. В историческом формуляре части записано, что с 3 по 31 августа 1943 года 112-я бригада прошла с боями на запад 150 километров и уничтожила большое количество живой силы и

техники противника — 28 танков, 5 бронемашин, 87 автомобилей, 2 самолета, 13 орудий и более 1300 гитлеровских солдат и офицеров.

Героям минувших боев были вручены правительственные награды. А 30 октября был получен Указ Президиума Верховного Совета СССР: за отличное выполнение заданий командования, проявленные при этом героизм и мужество личного состава в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Курской дуге 112-я Краснознаменная танковая бригада преобразуется в 44-ю гвардейскую Краснознаменную танковую бригаду.

В связи с присвоением бригаде гвардейского звания во всех подразделениях состоялись митинги.

Горячо говорил на одном из них гвардии лейтенант Г. Петровский:

— Сегодня Родина назвала меня гвардейцем. Я горжусь этим высоким званием!..

Большое впечатление на участников митинга произвели слова командира бригады:

— Мы накануне решающих боев, через которые с честью пронесем гвардейское Знамя.

Клянемся — уничтожим врага в его берлоге, дойдем до Берлина!

Гвардейцы поделились радостью со своими шефами — трудящимися Монгольской Народной Республики. В Улан-Батор на имя маршала Чойбалсана была послана телеграмма. Гвардии подполковник И. И. Гусаковский сообщал, что бригада стала гвардейской, и заверил трудящихся МНР, что в боях за Советскую Родину танкисты приумножат славные боевые традиции. [43]

Маршал Чойбалсан в ответной телеграмме от имени монгольского народа и от себя лично горячо поздравил солдат, сержантов и офицеров и просил представить «для награждения орденами и медалями МНР гвардейцев, особо отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками».

В «Унэн» были напечатаны обе телеграммы.

По всей Монгольской Республике с новой силой развернулась кампания по сбору средств для подарков сражающейся Красной Армии. 28 сентября 1943 года было принято постановление Совета Министров МНР и ЦК МНРП «Об отправке подарков бойцам и командирам танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат»:

...подготовить к отправке в начале декабря 1943 года эшелон подарков для личного состава танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат»; организовать сбор средств среди населения на содержание танковой бригады и для подарков личному составу авиаэскадрильи «Монгольский арат»¹⁰.

Намечались практические меры для реализации этих планов. Правительственной комиссии, айкомам МНРП и аймачным управлениям поручалось организовать среди населения разъяснительную работу. Были даны конкретные задания по изготовлению обмундирования и заготовке продуктов. Промышленность обязана была к 25 ноября выполнить этот заказ правительства.

С большим энтузиазмом встретили постановление трудящиеся республики. На следующий же день после опубликования в «Унэн» этого документа на предприятиях и в учреждениях столицы МНР состоялись митинги.

Вечером 29 сентября после смены во всех цехах промышленного комбината было многолюдно. Горячо говорили рабочие, изъявляя желание всеми способами помогать победоносно наступающей Красной Армии. Никто не захотел остаться в стороне. «Большинство рабочих, — сообщала в эти дни «Унэн» в статье «Трудящиеся столицы в подарок фронтовикам», — вносили от 100 до 350 тугриков. Коллективы семи предприятий промкомбината вносят в фонд подарков 50 100 тугриков». [44]

Выступая на митинге, рабочий 5-го склада товарищ Иши-Жамцо заявил:

— Замечательные подвиги Красной Армии зовут нас к новым трудовым победам. Прежде всего мы помогаем Красной Армии ударным трудом. Но свою любовь к ней,

¹⁰ «Унэн», 1 октября 1943 г.

спасающей нас от ужасов войны, каждый рабочий хочет выразить еще и личным подарком.

Товарищ Иши-Жамцо внес в фонд подарков 340 тугриков.

Сообщения «Унэн» свидетельствовали, что сбор средств для подарков танковой бригаде «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат» стал поистине всенародным делом. Вот несколько выдержек из корреспонденции опубликованных в те дни.

«1 октября состоялся митинг работников Ученого комитета МНР. В фонд подарков собрано 3780 тугриков».

«46 служащих Министерства юстиции, прокуратуры, республиканского и городского судов собрали на подарки советским воинам 3030 тугриков».

«Группа членов партии, работающих на механическом заводе, вносит на подарки советским воинам 2040 тугриков. Кроме того, они готовят 20 индивидуальных посылок».

«Трудящиеся города Улан-Батор передали 333 000 тугриков, Убсунурский аймак — 317 000 тугриков, Восточный — 118 000 тугриков».

Отдавая свои сбережения на благородное дело разгрома фашизма, каждый монгол гордился, что в великой победе Красной Армии будет и частица его труда.

В статье «Эшелон с подарками ушел на фронт», опубликованной в «Унэн» 6 декабря 1943 года, говорилось:

«С радостью и гордостью думаем мы о том, что... среди многочисленных частей Красной Армии есть часть, носящая имя нашей Родины...»

Любовь тружеников Монголии к воинам Красной Армии нашла свое выражение не только в сборе средств на подарки, не только в том, что были собраны 3,5 миллиона тугриков, но и в самих подарках, в том, что посылали трудящиеся Монголии бойцам на фронт.

Перед нами список подарков, переданных танкистам 44-й гвардейской танковой бригады. Здесь есть все — от различных сортов мяса до погон, петлиц, ремней. Все необходимое для продовольственного и вещевого снабжения. [45]

Когда проходил сбор средств на подарки, многие труженики Монголии помимо денежных взносов готовили еще личные посылки. Делали это семьями. Одни только улан-баторские огородники отправили личных посылок на 3 тысячи тугриков.

В составе бригады был танк, имевший надпись "От советских граждан в МНР». Он был построен на средства, собранные сотрудниками посольства СССР и советскими специалистами, которые трудились в различных отраслях народного хозяйства Монгольской Народной Республики. Когда началась кампания по сбору средств на подарки воинам-фронтовикам, советские граждане внесли 500 000 тугриков, а женщины связали более 8000 различных теплых вещей для воинов Красной Армии.

Готовили личные посылки и русские старожилы, которых было немало в республике. Они, как сообщала газета «Унэн», отправили красным воинам 250 возов с посылками.

Сбор подарков превратился в широкую политическую кампанию, в яркую демонстрацию нерушимой монголо-советской дружбы. Вся страна — рабочие, араты, интеллигенция, воины Народно-революционной армии, советские граждане, проживающие в МНР, вносили свои трудовые сбережения.

18 ноября 1943 года «Унэн» сообщала, что на счету Центральной комиссии по сбору и отправке подарков воинам Красной Армии числится 2,5 миллиона тугриков.

Обо всем этом в бригаде узнавали из писем трудящихся МНР, из газет, которые они присылали. Тепло сердец тружеников Монголии согревало солдат, сержантов и офицеров, умножало их силы во время подготовки к новым боям.

18 ноября 1943 года Президиум Малого Хурала МНР за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом героизм и мужество личного состава наградил 44-ю гвардейскую танковую бригаду орденом Красного Знамени МНР. Это постановление, опубликованное в газете «Унэн», вызвало глубокое удовлетворение у трудящихся Монголии, от души радующихся успехам подшефной части.

Правительство МНР по представлению командования 44-й гвардейской танковой бригады наградило героев [46] летних боев 1943 года орденами и медалями республики. Среди них — майоры Боридько, Стысин, Воробьев, капитаны Усанов, Карабанов, старший лейтенант Юдин. Правительственные награды республики получил экипаж танка «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия» и многие другие солдаты и сержанты части...

День ото дня крепла дружба танкистов с трудящимися МНР. Получая новые танки, экипажи с любовью выводили на них дарственные надписи, которые были на сгоревших на Курской дуге тридцатьчетверках. Политработники бригады, ветераны боев, особенно те, кто был в составе экипажей именных танков, а также партийные активисты вели широкую разъяснительную работу. Ведь дружба, интернациональная солидарность с трудящимися МНР стала неотъемлемой частью истории бригады, находившейся на пороге новых боев. [47]

ПЕРВЫЕ ГЕРОИ

Перед боем подполковник С. Е. Вобян посылал политработников бригады на самые ответственные участки.

На сей раз это был батальон майора Орехова, получивший задачу действовать совместно с автоматчиками в качестве передового отряда.

Вообще-то, там сильные политработники, имеющие большой опыт. Но слишком уж сложна и ответственна задача, которую после введения бригады в прорыв будет выполнять передовой отряд. И начальник политотдела посылает туда своего заместителя майора Василия Трофимовича Помазнева и помощника по работе среди комсомольцев капитана Федора Ивановича Иванова.

Пока подполковник Гусаковский со своим штабом, как всегда, тщательнейшим образом продумывал каждую мелочь, уточняя задачу вплоть до отдельного экипажа, Помазнев и Иванов вместе с замполитами, парторгами и комсоргами батальонов провели митинги, на которых обсудили обращение политотдела 11-го гвардейского танкового корпуса, тщательно подготовили и провели партийные и комсомольские собрания, так расставили активистов, чтобы во время предстоящего боя в каждом танковом экипаже, в каждом отделении автоматчиков чувствовалось партийное влияние.

Необходимо было довести задачу до всех. И к началу операции не было человека в бригаде, который не имел бы полного представления о назревающих на фронте событиях, о роли, которая отводится 44-й гвардейской танковой бригаде в предстоящих боях.

Два месяца, с 20 сентября по 21 ноября 1943 года, 11-й гвардейский танковый корпус, в состав которого [48] входила бригада, в районе города Сумы укомплектовывался материальной частью, а также занимался боевой подготовкой. За это время гитлеровцы были изгнаны с Левобережной Украины. Части Красной Армии форсировали Днепр, овладели Киевом и захватили на правом берегу западнее украинской столицы довольно значительный плацдарм, на котором можно было развернуться для продолжения наступления.

Обстановка была напряженной. Противник подтягивал силы с целью ликвидации плацдарма.

Командование фронта принимало контрмеры. Стремясь расширить плацдарм и создать условия для наступления, оно к началу декабря перебросило 11-й танковый корпус в составе 1-й танковой армии на правый берег Днепра, в район Киева. Здесь до 22 декабря корпус продолжал укомплектовываться, получать материальную часть.

Утром 24 декабря началась Казатинская операция. 11-й корпус занял исходное положение за боевыми порядками пехоты. Когда был прорван передний край обороны и подразделения углубились на 4—5 километров, в прорыв ввели 45-ю и 44-ю гвардейские танковые бригады. Они обогнали пехоту и начали преследовать противника.

К вечеру 44-я гвардейская танковая бригада была в 2 километрах северо-восточнее

деревни Гнилец. Здесь ее передовой отряд — батальон майора Орехова — настиг отходящую колонну противника: автомашины и артиллерию. Комбат приказал атаковать с ходу, не дав вражеским артиллеристам развернуться и открыть огонь.

Удар был неожиданным и сильным. Гитлеровцы, бросая орудия и машины, в беспорядке отступили на Машерино.

Отлично дрался экипаж лейтенанта А. Самышкина на танке с надписью «От интеллигенции МНР». Той машины, которую вручила монгольская делегация, уже не было: сгорела во время боев на Курской дуге. Но, получив новую, лейтенант приказал возобновить надпись, и она незримой нитью связывала танкистов с братским народом далекой степной страны, заставляла сражаться с еще большей энергией и мужеством. И в этом бою экипаж уничтожил танк, 2 автомашины, орудие и 25 солдат и офицеров противника. Но все-таки некоторые вражеские машины и орудия успели проскочить в Гнилец и открыли оттуда по наступающим беспорядочный огонь. [49]

Столкновение с колонной противника, каким бы скоротечным оно ни было, существенно изменило обстановку на поле боя. Батальон Орехова отклонился от указанного ему маршрута. Чтобы выполнить задачу, надо было развернуть его в прежнем направлении. Но на это нужно время. А в бою дорога каждая минута.

И Гусаковский решает атаковать Гнилец, имея в голове батальон Боридько, чтобы уже в ходе боя развернуть батальон Орехова.

Однако с первых же мгновений, как только танки Боридько с десантом на броне рванулись к деревне, командир бригады понял, что с ходу взять Гнилец не удастся. Слишком плотным был огонь вражеских орудий.

Гусаковский отдал приказ прекратить атаку. Потеряв один танк, 124-й танковый батальон отошел на исходные позиции.

В течение всей ночи на 25 декабря велась разведка, то и дело переходившая в короткие яростные схватки. К утру Гусаковский имел ясную картину обороны этой деревни. В ней оказался гораздо более сильный, чем предполагалось, гарнизон: и пехота, и танки, и артиллерия.

Комбриг и начальник штаба майор А. И. Воробьев долго обдумывали, как взять Гнилец. И решили действовать всеми наличными силами.

Чуть брезжил рассвет нового дня. Мелкий дождь со снегом ухудшал и без того плохую видимость. Подступы к деревне терялись в серой мгле. Но майор Орехов и командир батальона автоматчиков капитан Дюрягин, ожидавшие сигнала атаки, были спокойны. От того места, где они стояли, вплоть до самой окраины деревни разведчики за ночь излазили залитое водой, перепаханное гусеницами поле, и теперь каждый экипаж в деталях знал, что ему встретится на пути. Батальон Боридько, изготовившийся на южных скатах высоты 206,8, должен был вначале поддержать атаку батальона Орехова огневым ударом.

На головных машинах — политработники: майор Помазнев, капитан Иванов, замполиты и парторги батальонов.

Наконец заговорили танковые пушки. Они еще вели огонь, когда находившийся сзади 125-й батальон с десантом на броне двинулся сквозь боевые порядки на Гнилец. Едва передовые машины оказались на улицах деревни, по [50] сигналу рванулся вперед, не прекращая огня, батальон Боридько.

Несколько часов длился бой. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно, переходили в контратаки. Не раз, особенно там, где автоматчики действовали в отрыве от танкистов, складывались прямо-таки критические ситуации. В одну из них под пулями поднялся во весь рост замполит капитан В. К. Захаров и, крикнув: «За мной, гвардейцы!» — увлек вперед автоматчиков. В передовой цепи наступающих все время был парторг батальона старший лейтенант Ф. М. Захаров.

Отважно сражались танкисты. Большое мужество и умение продемонстрировал экипаж танка «Монгольский чекист», которым командовал лейтенант Г. Петровский. Снова отлично действовала машина «От интеллигенции МНР» и ее командир лейтенант А. Самышкин.

К 9 часам 30 минутам 25 декабря деревня Гнилец была очищена от противника. Но уже через час гитлеровцы, подбросив резервы и перегруппировав силы, предприняли попытку захватить ее. Они бросили в бой до 30 танков с самоходной артиллерией и пехотой. Подполковник Гусаковский, находившийся в боевых порядках занявших оборону батальонов, приказал подпустить атакующих как можно ближе и только тогда открыть огонь. Это было выполнено. Атака гитлеровцев не удалась. Предприняв еще несколько безуспешных попыток вернуть утраченные позиции, они отступили к населенному пункту Соболевка.

Через некоторое время подошли стрелковые части, и танкисты, сдав им участок, продолжили наступление. В 15 часов 25 декабря танки передового отряда появились на улицах Соболевки.

В документах тех лет, говорящих о взятии населенных пунктов Соболевка, Ходорков, Вербов, Андрушевка, несколько раз упоминается танк «Монгольский чекист». Отважно сражался на нем лейтенант Георгий Петровский. На улицах Соболевки он уничтожил танк, 2 автомашины, орудие и до 20 солдат и офицеров. Во время взятия Вербова от огня «Монгольского чекиста» и под его гусеницами погибло 3 пушки, 4 автомашины и до 30 гитлеровцев.

Во второй половине дня передовой отряд бригады подошел к мосту через небольшую речушку недалеко от Андрушевки. На одной из машин вместе с саперами находился начальник инженерной службы бригады капитан Иван [51] Павлович Михеев. С самого начала наступления он руководил проделыванием проходов в минных полях, а если нужно было, и сам работал как рядовой сапер.

Михеев осмотрел в бинокль подступы к мосту. Да, переправиться бригада может только здесь. Иного пути нет. Но конечно, мост усиленно охраняется.

Действительно, едва Михеев с группой автоматчиков и саперов двинулся к мосту, раздались пулеметные и автоматные очереди. Пришлось командиру передового отряда выделить для атаки значительные силы. А когда отогнали гитлеровцев, увидели, что на мосту все приготовлено к взрыву. Под фермы заложен солидный заряд тола. Саперы обезвредили его, и сразу же по деревянному настилу загремели гусеницы танков.

Захват моста в значительной степени облегчил взятие Андрушевки — крупного районного центра Житомирской области. Она была очищена от противника к исходу 26 декабря 1943 года.

Передовой отряд продвинулся дальше, до населенного пункта Нехворощ. Сопrotивление гитлеровцев заметно возросло. Командир корпуса приказал 44-й гвардейской танковой бригаде занять оборону и не допустить прорыва гитлеровцев на восток, дать возможность корпусу в ночь на 29-е совершить марш в направлении Миньковцы, Белополье, Глуховцы.

Противник располагал крупными силами. Его авиация висела над головой. Бомбежки не прекращались. Но командир бригады приказал: при малейшей возможности контратаковать.

27 декабря лейтенант Петровский, находясь вместе с двумя экипажами своего взвода в разведке, на улицах местечка Червоное обнаружил скопление автомашин с артиллерией и пехотой. Оба танка устремились в атаку. Она была неожиданной для противника и посеяла в его рядах панику. «Монгольский чекист» и танк с надписью «От промкооперации МНР» уничтожили в этом бою 80 автомашин, 8 орудий, до 200 солдат и офицеров противника, в том числе генерала.

Геройски сражались коммунисты бригады. Младший лейтенант Павел Петрович Попков на своей тридцатьчетверке уничтожил «тигр», противотанковое орудие и до 30 гитлеровцев. Лейтенант Виктор Павлович Субач, командир взвода 3-го батальона, тоже подбил бронированного [52] хищника. Внушительный вклад в общий успех внесла рота 3-го танкового батальона под командованием старшего лейтенанта Сергея Ивановича Стряпухина. В бою 29 декабря она сожгла три танка «тигр», причем один из них уничтожил

сам командир.

Вскоре, в район Андрушевки подошли части 38-й армии и встали на этом участке, а 44-я гвардейская танковая бригада получила задачу наступать на Бердичев.

Подполковник Гусаковский приказал организовать тщательную разведку этого крупного узла сопротивления на участке прорыва. Выяснилось, что вокруг города — три кольца траншей полного профиля, а на восточной окраине, кроме того, закопанные в землю «тигры» и «пантеры»; каменные постройки превращены в дзоты; все подступы к оборонительным сооружениям заминированы и насыщены большим количеством полевой и самоходной артиллерии.

По приказу комбрига начальник штаба майор А. И. Воробьев, как только была получена задача, установил четкое взаимодействие с командирами 1000-го стрелкового полка и 1-й гвардейской механизированной бригады. Было принято решение наступать с двух направлений.

Основные силы (два танковых батальона 44-й бригады, батарея самоходно-артиллерийских установок, батарея истребительно-противотанкового артиллерийского полка, стрелковый полк и батальон автоматчиков) наносили удар по северо-восточной окраине Бердичева, а батальон Ф. П. Боридько совместно с 27-й гвардейской мотострелковой бригадой через населенный пункт Великие Нижгурцы наступал на город с востока.

Командир бригады выслал вперед отряд разведчиков под командованием коммуниста лейтенанта Петровского. Во главе экипажей стояли опытные боевые офицеры коммунисты лейтенант Вахрамин, старший лейтенант Сальников и другие.

Отряд Петровского обнаружил противника уже на дальних подступах к Бердичеву, в районе высоты 269,2. Довольно крупный противотанковый заслон, замаскировавшись в лесу, оседлал дорогу, ведущую к городу.

Петровский решил скрытно как можно ближе подойти к вражеским позициям и атаковать. Ночная темнота помогла осуществить этот замысел. На поле боя осталось [53] 8 противотанковых орудий, 2 станковых пулемета и до 70 трупов солдат и офицеров противника.

Через некоторое время подошли главные силы бригады и начали атаку с ходу. Батальоны Карабанова и Орехова, не останавливаясь, развернулись в боевой порядок углом вперед. Головная машина включила фары. Вторая группа наступающих во главе с батальоном Боридько ударила по Бердичеву через Великие Нижгурцы. Завязав уличные бои, она отвлекала почти все находившиеся на левом фланге вражеской обороны огневые средства. В ночь на 31 декабря подошли основные силы корпуса, и вскоре юго-западная часть Бердичева была очищена от врага. Но в это время осложнилось положение в районе Казатина, и корпус срочно был переброшен туда.

Основная тяжесть борьбы за Бердичев легла на 44-ю гвардейскую танковую бригаду. На улицах Великих Нижгурцев остался, по сути дела, только батальон Боридько. Против него действовали отборные подразделения 1-й танковой дивизии СС. Командир бригады принял все меры к тому, чтобы активизировать атаку: только так можно было помочь Боридько.

После короткого огневого налета два танковых батальона, имея на броне 2-й батальон 1000-го стрелкового полка и автоматчиков бригады в качестве десанта, пошли в атаку. Вначале гитлеровцы кое-где начали отходить, но быстро опомнились и открыли интенсивный пулеметный огонь по стрелкам и автоматчикам, находившимся на танках.

Минута промедления — и десант будет полностью уничтожен. Ему приказали спешиться. Поэтому когда танки с большим трудом пробились в район рабочего поселка Камнезамовка, с ними была лишь горстка пехоты.

Без прикрытия танкам очень трудно в уличных боях. Но все-таки они шаг за шагом теснили врага и рано утром 31 декабря оседлали наконец перекресток железнодорожной линии и двух шоссе дорог, находившийся в самом центре обороны города.

Исключительный героизм показал командирский экипаж Орехова, на машине которого

четко выделялась подновленная перед началом операции надпись «От Совета Министров МНР». В первые же минуты боя, когда танки ворвались в рабочий поселок Камнезамовка, башнер коммунист старшина Михаил Егоров зажег вражеский танк, [54] радист кандидат партии старшина Иван Тройников умело управлялся с пулеметом и меткими очередями скошил не менее двух десятков гитлеровцев. Отважно сражались и другие танкисты.

Но слишком сильным был гарнизон города. Гитлеровцы подбросили резервы, усилили атаки, и вскоре оба батальона оказались в полном окружении. Майор Орехов приказал занять круговую оборону.

Медленно занималось утро. Когда стало светло, Орехов увидел, что в его распоряжении находится небольшой участок, метров 400 в диаметре. Надо было собрать 2-й батальон 1000-го стрелкового полка, рассеявшийся среди домов рабочего поселка. А так, с двумя оставшимися ротами автоматчиков бригады, понесшими большие потери, нельзя было даже как следует прикрыть в бою имеющиеся 28 танков.

Орехов спокойно сказал десанникам:

— Будем держаться до подхода основных сил. Только надо сообщить нашим, где мы находимся. Кто хочет пойти?

Старшина Николай Голомзик первым шагнул к командиру:

— Я!

Орехов внимательно посмотрел на него. Этот, пожалуй, сумеет, хотя все дороги наверняка перерезаны. Комбат заговорил о том, как опасно задание, но старшина спокойно ответил:

— Я все понимаю. Пройду. Только дайте мне автоматчиков.

— Сколько?

— Человек пять...

— Берите желающих, — разрешил Орехов.

Старшина выбрал добровольцев и стал готовиться к опасному рейду.

Когда стемнело, смельчаки вдоль реки отправились выполнять задание. Утром они были на командном пункте бригады. Подполковник Гусаковский и находившийся здесь член Военного совета 1-й танковой армии генерал-майор Попель наконец-то получили возможность из первых уст узнать, как отважно сражаются в Бердичеве окруженные со всех сторон танкисты во главе с майором Ореховым. [55]

Когда стемнело, старшина двинулся в обратный путь. С ним пошли десять бойцов и фельдшер. Они несли окруженным боеприпасы, медикаменты, свежие газеты. Через несколько часов все были на месте. Майор Орехов немедленно сообщил об этом на КП.

Между тем обстановка в городе, для батальонов Орехова и Карабанова, становилась угрожающей. Противник подтянул танки, артиллерию, пехоту, а против наших частей, наступавших на город с востока и северо-востока, выдвинул сильный заслон.

Командир бригады приказал Орехову не только любой ценой удерживать занимаемый район, но и быть готовым к атаке в центре города для овладения переправой через реку. Батальон Боридько получил задачу вместе с автоматчиками оставить свои позиции в Великих Нижгурцах, атаковать заслон на восточной окраине Бердичева, прорваться к окруженным частям и быть готовым к захвату вокзала.

Дважды 31 декабря пытался Боридько прорваться к окруженным, но, потеряв десять танков, ничего не смог сделать. Четыре уцелевшие тридцатьчетверки командир батальона вывел на исходные позиции. Не увенчалась успехом и попытка Орехова прорвать кольцо окружения изнутри.

К исходу дня 31-го была наконец собрана рассеявшаяся по окружающим улицам пехота 2-го батальона 1000-го стрелкового полка, и Орехов смог организовать дополнительное прикрытие для танков.

А в это время на командном пункте подполковник Гусаковский подвел итоги дня. Бригада потеряла 15 танков, 14 человек убитыми и 12 ранеными. Но все-таки, оказавшись в невероятно трудной обстановке, она не только держалась, но и наносила противнику

немалый урон. Один Орехов отбил четыре вражеских штурма, уничтожил 4 танка, 3 самоходки, 10 автомашин и до 150 солдат и офицеров противника.

В первый же день нового, 1944 года бои приняли еще более ожесточенный характер. Пять раз гитлеровцы шли на приступ, но ничего не смогли добиться, а потеряли 4 танка, в том числе 2 «тигра», 2 самоходки, противотанковое орудие и около 50 солдат и офицеров.

В этот трудный день мужественно сражался экипаж лейтенанта Виктора Субача, которому Орехов приказал [56] охранять до подхода основных сил бригады мост, не дать гитлеровцам взорвать его.

Лейтенант Субач замечает приближающуюся группу немецких саперов. Гитлеровцы, не видя искусно замаскированный советский танк, закладывают взрывчатку. Но меткая пулеметная очередь уничтожает их всех до одного. Через несколько минут появляется «пантера». Не замечая опасности и маневрируя за постройками, она подходит к танку на расстояние 200 метров. Бить ее в лоб бесполезно: броня очень толстая. Выстрелом только себя обнаружишь. Оценив все это, лейтенант Субач решает сманеврировать. По его команде танк быстро скрывается за деревянным сараем, потом, мгновенно развернувшись, пробивает стенку. И почти сразу же — выстрел в борт «пантеры». Она загорается.

К этому времени в строю у Боридько было всего 5 танков и остатки батальона автоматчиков. И все-таки командир бригады приказал ему предпринять еще одну попытку пробиться к окруженным. Однако гитлеровцам удалось отсечь пехоту, и они ударили по танкам всеми имеющимися в их распоряжении огневыми средствами. Четыре наших танка сумели пробиться на улицы Камнезамовки, но в ожесточенном бою были подбиты.

Самыми трудными для окруженных были последние два дня — 2 и 3 января 1944 года. Хотя гитлеровцы уже редко шли на приступ, машин в строю оставалось все меньше и меньше, да и боеприпасов — всего по 0,5 боекомплекта на машину.

Орехов, учитывая серьезность положения, приказал экономить каждый снаряд, бить только наверняка. По танкам, стоявшим на самых ответственных участках, разошлись все находившиеся в батальоне политработники — Помазнев, Иванов, Дранченко, Дорофеев и другие. В этой трудной обстановке они показывали пример мужества и высокого мастерства.

К исходу второго дня кончились продукты. Надо было как-то накормить людей.

В расположении батальона то и дело появлялись местные жители — в основном женщины, которые подбирали раненых, делали перевязки, делились с бойцами последним куском. Они передавали немало ценных сведений о противнике, помогавших лучше организовать оборону. От [57] них Орехов узнал, что на находящемся неподалеку хлебозаводе — большие запасы хлеба.

Посоветовавшись с политработниками, Орехов создал специальную группу захвата из нескольких человек во главе с одним из членов своего экипажа коммунистом старшиной Михаилом Егоровым.

Глубокой ночью группа старшины Егорова сняла часовых, заняла производственные помещения. В подвале хлебозавода разместили раненых, которых к тому времени было уже немало.

С утра на крышах ближайших домов появились немецкие автоматчики, открывавшие огонь по каждому, кто появлялся в поле их зрения. Там, где располагались танки, невозможно стало передвигаться даже ползком.

Вскоре наблюдатели заметили, что на соседних улицах появились «тигры». Прячась за их броней, шли автоматчики. Стало ясно: гитлеровцы предпринимают решительный штурм.

Майор Орехов приказал оставшиеся танки построить в каре и передал экипажам:

— Стоять насмерть!

И гвардейцы-танкисты выполнили этот приказ.

3 января было много поистине критических моментов.

Однажды немецкие танки ворвались в расположение батальона.

Спас положение командир танка старшина Миронов. Заметив накапливающиеся для решающего броска машины, он по заранее разведанным узеньким переулкам незаметно

пробрался на своем танке к ним в тыл и ударил из орудия. Это единственная машина в тылу показалась гитлеровцам целым отрядом, подошедшим на помощь окруженным. Атака была сорвана. И еще не раз в этот день Миронов и члены его экипажа проявляли инициативу. Они уничтожили «пантеру», 10 автомашин, 4 пушки и до 30 солдат и офицеров противника.

А под вечер произошел поединок сапера рядового Алексея Кальченко с вражеским «тигром». Атаки уже начали было стихать. Но после короткой передышки гитлеровцы полезли снова. Особенно близко к обороняющимся подобрался «тигр». Он занял очень удобную позицию в воронке и бил бронебойными снарядами. Вести по нему огонь из танка бесполезно: все самые уязвимые части скрыты. Тогда сапер Алексей Кальченко взял три [58] противотанковые гранаты, под огнем противника незаметно подобрался к вражескому танку и уничтожил его. Действовал он по собственной инициативе, потому что понимал, каких бед может натворить этот появившийся под боком у обороняющихся «тигр».

Большое мужество проявил стрелок-радист танка Т-34 рядовой Анатолий Новиков. Вражеский снаряд угодил в башню, пробил ее. Все члены экипажа, кроме Новикова, были ранены. Новиков вытащил из машины раненых товарищей, передал их подбежавшим санитарам, а сам вернулся в танк и занял место у орудия. Когда гитлеровцы снова пошли в атаку, Новиков открыл огонь сначала из орудия, потом из пулемета. Атака фашистов захлебнулась. Но через некоторое время они возобновили ее. И опять Новиков заставил их отойти назад.

До самого вечера продолжались яростные атаки. Герой-танкист успешно отбивал их. Когда стемнело, Новиков, воспользовавшись паузой между двумя атаками гитлеровцев, сел на место механика и нажал кнопку стартера. Машина ожила, и солдат из-под носа гитлеровцев увел ее в расположение своего подразделения. За этот бой рядовой Анатолий Новиков был награжден орденом Славы III степени.

За трое суток боев в окружении новую славу завоевал лейтенант Петровский. Во время одной особенно яростной контратаки гитлеровцев машина была подбита, а все члены экипажа, в том числе и Петровский, ранены. Превозмогая боль, лейтенант вытащил из танка двух истекавших кровью товарищей. Передав их санитарам, снова занял место у орудия подбитой машины и открыл огонь.

Как ни упорно оборонялись танкисты, в ночь на 3 января гитлеровцам удалось ворваться в расположение батальона. Майор Орехов решился на крайнее средство — вызвал огонь нашей артиллерии на себя. Но не помогло и это. Тогда танкисты схватились врукопашную с наседавшими со всех сторон гитлеровцами. И отбили-таки эту самую яростную из всех атак. За один только день гвардейцы-танкисты уничтожили 9 танков, 7 самоходок, 250 солдат и офицеров противника.

Была создана специальная группа прорыва — артиллерийские и стрелковые подразделения подошедшей 389-й стрелковой дивизии, 4 танка батальона Боридько, которые удалось отремонтировать, остатки батальона [59] автоматчиков. Эта группа атаковала город с востока. Через три часа напряженных боев наши наступающие войска соединились с танкистами Орехова, которые вели бой в центре города. Бердичев был взят.

Когда командование 11-го гвардейского танкового корпуса подводило итоги боев за город, были особо отмечены заслуги 44-й гвардейской танковой бригады. На нее пала основная тяжесть уличных боев. Трудную задачу танкисты выполнили с честью. Внушителен был и боевой счет бригады за несколько дней сражения: уничтожено 13 «тигров», 8 танков других типов, 7 самоходных установок, 31 орудие, 28 автомашин и 450 солдат и офицеров противника. Были захвачены трофеи: ремонтная база с 59 автомашинами, 3 продовольственных склада, 2 склада с вещевым и военным имуществом, а также хлебозавод с большим запасом хлеба.

А тем временем подполковник Гусаковский готовил бригаду к новым боям. В строю оставалось 17 исправных танков. Их свели в два батальона (125-й и 124-й), по одной роте в каждом. Кроме того, было два танка, находившихся при штабе бригады. Личный состав батальона Боридько отправили в тыл за получением новой матчасти.

Бригада выступила в направлении на Черемошне и в составе 11-го гвардейского танкового корпуса приняла участие в освобождении многих населенных пунктов Винницкой области.

Родина высоко оценила подвиг танкистов 44-й гвардейской танковой бригады в боях за Бердичев. Десятки солдат и офицеров были награждены орденами и медалями. А майору П. И. Орехову и лейтенанту Г. С. Петровскому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Командир батальона капитан А. А. Карабанов получил орден Красного Знамени.

Отмечая заслуги 44-й гвардейской танковой бригады в этих боях, Верховный Главнокомандующий присвоил ей почетное наименование Бердичевской.

22 января 1944 года в бригаду приехали шефы — делегация монгольских трудящихся во главе с заместителем премьер-министра МНР товарищем Ломожабом. Танкисты в эти дни вели наступательные бои, обстановка была сложной, и, естественно, со всем личным составом бригады делегация встретиться не смогла. Но командование и [60] политический отдел сделали все возможное, чтобы принять гостей как следует.

Делегацию встречали майоры Гетьман, Стысин, капитан Карабанов, лейтенант Ведерников и другие офицеры, солдаты и сержанты. В полном составе присутствовал экипаж танка «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия» — лейтенант Леушин, старшина Токарев и сержант Окунев. Встреча получилась сердечной и теплой.

Монгольская делегация привезла для вручения орден Красного Знамени МНР, которым наградил бригаду Президиум Малого Хурала Республики 18 ноября 1943 года, ордена и медали 40 лучшим танкистам, отличившимся в летних боях, а также Почетное Красное знамя Совета Министров МНР.

Танкисты выстроились возле танка «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия». Колыхалось на ветру алое полотнище гвардейского стяга.

Майор Стысин отдал рапорт главе делегации и сопровождавшему ее члену Военного совета генерал-майору Н. К. Попелю. Гости поднялись на танк, ставший импровизированной трибуной, и товарищ Ломожаб обратился к танкистам с речью, а потом зачитал постановление Малого Хурала МНР о награждении 44-й гвардейской танковой бригады орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики и Почетным Красным знаменем Совета Министров МНР.

Ответное слово произнес генерал-майор Попель.

После этого товарищ Ломожаб вручил бригаде орден Красного Знамени МНР и Почетное Красное знамя.

Принимал награды майор Стысин. Под громкое «ура» он пронес вдоль строя врученный ему главой монгольской делегации алый стяг и, встав по команде «Смирно» перед танком, на котором находились гости и представители командования, торжественно произнес:

— Клянемся вам, товарищи делегаты, и в вашем лице всему монгольскому народу, что врученный сегодня бригаде орден и Почетное Красное знамя Совета Министров МНР наши богатыри-танкисты с честью пронесут в грядущих боях.

«У развернутого Почетного монгольского Красного знамени, — сообщала своим читателям газета «На разгром врага» 25 января 1944 года в статье «Дружба, скрепленная кровью», — глава делегации оглашает постановление [61] Малого Хурала МНР о награждении монгольскими орденами и медалями отличившихся в боях героев-танкистов... Прославленные имена Героев Советского Союза гвардии майора Орехова, гвардии лейтенанта Петровского, имена командира танка «Маршал Чойбалсан» гвардии лейтенанта Леушина, гвардии майора Боридько, гвардии старшины Сизова, гвардии старшины Ивангулова и других отважных танкистов, награжденных монгольскими орденами и медалями, встречаются присутствующими горячими аплодисментами.

Заместитель премьер-министра МНР т. Ломожаб передает награжденным ордена и медали и тепло приветствует каждого».

От имени награжденных выступили капитан Алексей Алексеевич Карабанов и лейтенант Андрей Николаевич Ведерников. Герои боев просили делегатов передать трудящимся Монгольской Народной Республики самую сердечную благодарность за высокие награды.

— Мы, кому сегодня вручены ордена братской страны, оправдаем эту высокую честь новыми подвигами на полях Великой Отечественной войны, — сказал капитан Карабанов.

В конце встречи члены делегации вручили солдатам, сержантам и офицерам привезенные подарки.

В тот же день в столицу МНР Улан-Батор на имя премьер-министра маршала Чойбалсана была отправлена телеграмма, подписанная командиром бригады подполковником Гусаковским и начальником политотдела майором Гетьманом. Эта телеграмма явилась своеобразным рапортом воинов части своим шефам — трудящимся МНР. Она была опубликована в газете «Унэн». С удовлетворением узнала трудовая Монголия, что солдаты, сержанты и офицеры подшефной части в ответ на высокую оценку своих боевых действий правительством МНР дали слово с еще большей энергией и мужеством громить фашистских захватчиков.

Прибывшие в бригаду члены монгольской делегации беседовали с танкистами, рассказывали, с каким огромным политическим подъемом проходит по всей стране сбор подарков для сражающейся Красной Армии. В монгольских газетах, которые они привезли с собой, тоже сообщалось об этом. Статьи и корреспонденции, ярко характеризующие интернациональную классовую [62] солидарность людей труда, использовали в своей агитационно-массовой работе политработники бригады, партийный актив. В период затишья между боями они шли в танковые экипажи и говорили о том, как рабочие, служащие, араты, студенты, от всего сердца приветствуя постановление партии и правительства, сдавали свои сбережения в фонд обороны, на подарки воинам Красной Армии. Танкисты с удовлетворением узнали о трудовом подъеме рабочих промышленного комбината, получивших правительственный заказ — шить обмундирование для бригады. Монгольские трудящиеся решили выполнить его раньше срока, отработав два выходных дня, и перевести все заработанные деньги в фонд подарков.

Проведя с танкистами беседы о крепнущей из месяца в месяц советско-монгольской дружбе, политработники бригады, все коммунисты подчеркивали, что в Монгольской Народной Республике, связанной с Советским Союзом тесными братскими узами, все трудящиеся помогают фронту борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

Делегация монгольских трудящихся привезла не только подарки, но и многочисленные письма. Рабочие, араты, интеллигенция республики высказывали в них свои самые заветные думы. Они желали воинам Красной Армии скорейшей победы и давали слово, что будут изо всех сил стараться приблизить час окончательного разгрома гитлеровских захватчиков.

Центральный Комитет Монгольской народно-революционной партии, Совет Министров МНР, все трудящиеся республики очень внимательно следили за боевыми успехами 44-й гвардейской танковой бригады.

Когда делегация возвратилась домой, к товарищу Ломожабу был направлен корреспондент газеты «Унэн». Тепло и сердечно говорил заместитель премьер-министра МНР о посещении 44-й гвардейской танковой бригады, о мужестве и высоком воинском умении танкистов. «Только за время нашего пребывания в действующей армии, — сказал товарищ Ломожаб, — доблестные танкисты части, носящей имя нашей Родины, уничтожили 10 немецких танков типа «тигр», 25 самоходных пушек и свыше 30 автомашин».

Несколько раньше, 8 февраля 1944 года, в «Унэн» было напечатано письмо экипажа танка «От Совета Министров МНР», в состав которого, как уже говорилось, входили [63] Герой Советского Союза майор П. Орехов, а также старшины Ф. Амбарников и И. Тройников. Письмо было очередным рапортом гвардейцев-танкистов своим шефам — трудящимся Монгольской Народной Республики.

К этому времени слава экипажа еще более умножилась. С гордостью докладывали

товарищи Орехов, Амбарников и Тройников Совету Министров МНР:

«За последние дни экипажем уничтожены «тигр», самоходная пушка, батарея шестиствольных минометов. А всего за время летних и зимних боев — 2 «тигра», 4 средних танка, 11 пушек, 10 автомашин и 300 солдат и офицеров противника.

На вашу братскую и теплую заботу ответим новыми победами. Мы заверяем вас и всех трудящихся Монголии, что наш экипаж с еще большей энергией, еще беспощаднее будет уничтожать фашистскую нечисть».

В том же номере газеты было опубликовано письмо экипажа танка «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия». Историю этой боевой машины и фамилии членов ее экипажа хорошо знали в Монголии по сообщениям печати. Искреннюю радость испытывал каждый труженик республики, читая рапорт о том, что боевой счет мести растет, что танк в летних и зимних боях уничтожил 5 «тигров», 4 средних танка, 2 самоходки «фердинанд» и 3 броневика с мотопехотой противника. Письмо подписали командир танка лейтенант Леушин, награжденный помимо советской медали «За отвагу» медалью МНР «За боевое отличие», кавалер ордена Красной Звезды механик-водитель Финько и радист Окунев, на груди которого к этому времени, как и у Финько, сверкала «Звездочка».

Через газету «Унэн» рассказали о своих боевых успехах и танкисты «Монгольского арата». Они обратились ко всем аратам Монгольской Народной Республики. Старшина Б. Кашфиев и старший сержант В. Черников, подписавшие письмо, рапортовали, что уничтожили 3 «тигра», 3 средних танка, пушку и около сотни фашистов. Они заверяли аратов республики в том, что «грозная машина и впредь будет беспощадно громить оккупантов до их полного уничтожения».

Теплые слова благодарности ко всему монгольскому народу, и особенно к интеллигенции страны, чье имя носила их боевая машина, высказывали лейтенант Самышкин, старшие сержанты Летучев и Маркевич. Им было [64] чем порадовать своих шефов. Уничтожено 3 танка, 4 пулемета, несколько автомашин с войсками и грузами, истреблено до 200 солдат и офицеров противника.

В то время когда в монгольских газетах печатались эти рапорты, 44-я гвардейская танковая бригада вела боевые действия юго-западнее Бердичева. Позднее, в начале февраля, она принимает активное участие в уничтожении курсунь-шевченковской группировки врага.

Несмотря на неудачи, противник не складывал оружия, отверг ультиматум советского командования, не теряя надежды вырваться из окружения. Гитлеровское командование принимало меры, чтобы помочь окруженным. Силами двух дивизий — 16-й танковой и танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» враг контратаковал с внешней стороны кольца, стремясь вбить клин в направлении Медвин, Корсунь-Шевченковский. В случае удачи он намеревался расширить участок прорыва дополнительным ударом на Ставище, Тараша и вывести из окружения войска.

Чтобы помешать этому, по приказу командующего 2-м Украинским фронтом 11-й гвардейский танковый корпус, оборонявшийся до этого на рубеже Юшковцы, Лукашивка, Шуляки, был переброшен в район Беседка, Красиловка, Тыновка. Танкисты получили задачу не допустить прорыва противника на Ставище, к окруженной курсунь-шевченковской группировке.

Действуя в оперативном подчинении командующего 40-й армией, корпус Гетмана выполнил свою задачу. В его составе отважно сражалась 44-я гвардейская танковая бригада. С 4 января по 20 февраля 1944 года она принимала участие в освобождении населенных пунктов Зозовка, Скибин, Оратов, Тыновка, Красиловка.

Особенно памятными для бригады были бои в районе Тыновки, Ставищенского района, Киевской области. Майор П. Орехов, капитаны А. Карабанов и К. Усанов не только умело руководили своими подразделениями, но и показали высокое личное мастерство. Если у орудия занимал место Карабанов — горе было вражескому бронированному хищнику, попавшему в поле зрения его прицела. Он уничтожил «тигра» и «фердинанда». Его батальон, насчитывавший всего 10 машин, сжег 5 вражеских танков. Командир 112-го

моторизованного батальона автоматчиков коммунист капитан Константин Яковлевич Усанов со своими гвардейцами действовал в качестве десанта [65] на танках 3-го батальона, уничтожая внезапно прорвавшегося противника в лесу западнее Тыновки. Из 67 солдат и офицеров противника, уничтоженных батальоном, многие пали от метких очередей комбата. Точно так же воевал и майор Петр Иванович Орехов. Недаром их троих, как, впрочем, и комбата-1 майора Федора Петровича Боридько, за личную храбрость очень ценил Гусаковский.

В боях под Тыновкой первыми, как всегда, шли в огонь коммунисты и комсомольцы бригады. Вот некоторые из тех, кто решил тогда успех боя.

Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Трудно приходилось автоматчикам, действовавшим в качестве десанта на броне. Против одной из групп, в которой находился парторг батальона старший лейтенант Федор Михайлович Захаров, гитлеровцы пошли в атаку. В самый критический момент, когда казалось, что силы на пределе, что вот-вот дрогнут автоматчики, под пулями во весь рост поднялся парторг и повел за собой гвардейцев навстречу вражеской цепи. Попытка гитлеровцев восстановить положение не удалась. С 6 по 9 февраля Ф. М. Захаров принял участие в отражении 14 вражеских контратак и уничтожил 6 солдат и офицера.

С исключительным самообладанием дрался с врагом коммунист лейтенант Петр Михайлович Текучев, награжденный за участие в освобождении Бердичева орденом Красной Звезды. В течение трех дней взвод, которым он командовал, удерживал в окрестностях Тыновки высоту 234,3. Несколько раз шли гитлеровцы на приступ, но все их попытки оказались безуспешными. В этом бою смертью храбрых погиб командир роты коммунист лейтенант Филогоний Васильевич Раков.

Танкисты не уступали в мужестве автоматчикам. И здесь первыми были коммунисты. Старшина Иван Матвеевич Тройников в одном: из боев, не обращая внимания на то, что враги пытаются забросать машину гранатами и бутылками с горючей смесью, продолжал выполнять поставленную задачу. Командир танкового взвода лейтенант Дмитрий Васильевич Клапатюк уничтожил «пантеру» и 15 солдат и офицеров противника.

После взятия Красиловки бригада была выведена из боя. Совершив марш сначала по железной дороге, а потом своим ходом, она сосредоточилась в районе населенного пункта Штеповка, получила материальную часть, [66] пополнилась личным составом и стала самым тщательным образом готовиться к предстоящим боям.

За период 24 декабря 1943 года — 20 февраля 1944 года в бригаду пришло немало писем от трудящихся МНР. Они выражали уверенность, что часть, носящая имя их Родины, отважно бьет врага, просили подробнее информировать о фронтовых делах. Видимо, этой цели служит составленный специально доклад о боевых действиях. В нем перечислены почти все танки бригады: «От интеллигенции МНР», «Монгольский чекист», «От аратов Монгольского аймака», «От цириков и командиров МНР», «Сухэ-Батор», «От аратов Восточного аймака» и многие другие. Далее сообщалось, что за это время в бригаде награждено орденами и медалями Советского Союза 367 человек, орденами и медалями МНР — 33 человека, в том числе орденом Красного Знамени — 5, орденом «Полярная Звезда» — 11, медалью «За боевые заслуги» — 17 человек.

Начальник политотдела майор П. П. Гетьман, как только представилась возможность, собрал политработников бригады и поспешил подвести итоги закончившихся боев. Ему было о чем говорить. Партийные активисты проделали за это время огромную работу. Они старались, чтобы каждый солдат глубоко разобрался в предстоящей задаче. Во время коротких минут затишья проводили беседы о положении на фронте и в тылу, популяризировали отличившихся. И наконец, прием В партию — одна из главных забот и замполитов и парторгов. В самые трудные минуты, когда над головой тучей нависала опасность, когда, выслушав боевой приказ, солдат должен был идти порой на верную смерть, он вспоминал о своем заветном желании и писал святые, ставшие крылатыми слова: «Хочу идти в бой коммунистом!» 140 таких заявлений получили партийные вожак бригады с 24

декабря 1943 года по 15 января 1944 года, из них на партийной комиссии было разобрано 69, выдано партийных документов — 37 воинам. И хотя многие не доживали до осуществления своей мечты — положить у сердца партбилет или кандидатскую карточку, дрались и умирали они как настоящие коммунисты. [67]

ДНЕСТР, САН, ВИСЛА

В середине марта 1944 года 44-я гвардейская танковая бригада в составе корпуса по приказу командующего 1-й танковой армией совершала марш в выжидательный район.

Весенняя распутица делала дороги почти непроходимыми. Очень часто можно было наблюдать, как люди, все в грязи, с землисто-серыми от усталости лицами, толкали застрявшую в раскисшей дороге машину и, окончательно выбившись из сил, цепляли ее к танку.

И все-таки бригада сосредоточилась для наступления точно в указанное время.

Перед бригадой оборонялись две немецкие пехотные дивизии — 359-я и 68-я и 311-й дивизион штурмовых орудий.

В 8 часов 15 минут 21 марта 1944 года части корпуса двинулись вперед. Наступали в два эшелона. 44-я гвардейская танковая бригада, взаимодействовавшая с 359-й стрелковой дивизией, находилась в первом эшелоне. Командиру бригады были подчинены 1664-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, рота саперов и батарея 848-го зенитно-артиллерийского полка.

Быстро сломив на своем участке сопротивление противника, бригада двинулась на Панасувку. Противник оказывал довольно сильное огневое сопротивление, но гвардейцы теснили врага.

Перед Панасувкой бригада остановилась: командир решил дождаться донесения высланных вперед разведчиков. Наконец они явились и доложили: в Панасувке до 2 батальонов пехоты и до 30 орудий противника.

Комбриг, оставив часть танков под Панасувкой, чтобы они прикрывали с фронта и отвлекали обороняющихся, приказал основными силами ударить на Колодзевку. [68]

Пришлось вместе с 27-й гвардейской мотострелковой бригадой прорывать прочную оборону в окрестностях деревни. Автоматчики разминировали дороги, убирали завалы, уничтожали расчеты противотанковых орудий. Ими умело руководил заместитель командира 112-го моторизованного батальона автоматчиков старший лейтенант В. С. Юдин. Наступая в цепи, он участвовал в нескольких рукопашных схватках, уничтожил трех офицеров и двух солдат противника.

Атака на Колодзевку в первый момент, когда гитлеровцы открыли огонь из всех видов оружия, чуть не захлебнулась. Тогда командир роты лейтенант Н. С. Самоукин, быстро оценив обстановку, поднялся во весь рост и увлек за собой всех. Во время рукопашной схватки он гранатами уничтожил 10 гитлеровцев. Всего в этой схватке было убито 85 солдат и офицеров противника.

Несмотря на высокий наступательный порыв автоматчиков, главной силой при прорыве вражеской обороны были танки. Все экипажи боевых машин действовали смело и мужественно. Коммунист лейтенант И. А. Остроухов со взводом тридцатьчетверок в головной походной заставе своим танком уничтожил 5 орудий. Сделать это удалось в значительной степени благодаря мастерству механика-водителя, сибиряка из Омска, комсомольца сержанта М. Н. Мосунова. Он сумел полностью использовать замечательные качества тридцатьчетверки, умелым маневром ушел из-под огня и сокрушил орудия.

После взятия Колодзевки недолго продержалась и Панасувка. Танки бригады оказались в тылу у обороняющихся, и, поняв это, противник начал беспорядочный отход. Преследуя его, бригада к исходу первого дня наступления вышла в район населенного пункта Стадница.

Этот задуманный комбригом маневр, простой на первый взгляд, потребовал от штаба бригады исключительно четкой работы. И она была проделана в максимально сжатые сроки под руководством майора Александра Ивановича Воробьева. Он обеспечил выполнение замысла командира и дал возможность в самой сложной обстановке оперативно и четко управлять ведущими бой подразделениями.

После прорыва вражеской обороны под Колодзеевкой корпус, повернув на юг, в течение трех дней продвинулся на 120 километров и вышел к Днестру. [69]

Разведчики обшарили вверх и вниз по течению довольно большой участок, но удобных переправ отыскать не смогли. Лишь несколькими группам из батальона автоматчиков 40-й гвардейской танковой бригады частично вплавь, а большей частью на лодках, предоставленных для этой цели местными рыбаками, удалось переправиться на противоположный берег.

44-я гвардейская танковая бригада с ходу заняла населенный пункт Шупарка. Батальон автоматчиков и несколько танков вышли к Днестру в районе населенного пункта Колодрубка.

Автоматчики в тот же день переправились на противоположный берег и на следующий день овладели двумя населенными пунктами.

Тем временем танковые батальоны сосредоточились в районе Усьнечко. Когда подполковнику Гусаковскому доложили об этом, он приказал:

— Будем форсировать вброд.

Офицеры переглянулись. Даже им, привыкшим к оригинальным и неожиданным решениям комбрига, это показалось невероятным. Мыслимое ли дело — найти брод в такой широкой и быстрой реке! Но иного пути не было. Отходя за Днестр, фашисты взорвали все мосты.

Командир бригады сам, взяв нескольких разведчиков и саперов, отправился на поиски брода. Вверх и вниз по течению ушло еще несколько групп. Наконец найдено удобное место для спуска танков к воде. И глубина реки как будто не превышает допустимой для тридцатьчетверки нормы. Пройдет бригада.

Но все-таки риск есть.

— Разрешите мне! — попросил лейтенант Иван Хотович Кравченко.

Его танк осторожно, словно ощупывая гусеницами пологий спуск, подошел к реке и, сердито фыркнув, двинулся к противоположному берегу.

Когда машина Кравченко выбралась на противоположный берег, вся бригада по команде Гусаковского начала форсирование. Вскоре она уже вела бой в глубине обороны противника. Бок о бок с ней дралась 64-я гвардейская танковая бригада.

28 марта 11-й гвардейский танковый корпус получил задачу наступать на город Черновицы. Для ее выполнения командующий 1-й гвардейской танковой армией [70] передал в оперативное подчинение корпуса 64-ю гвардейскую танковую бригаду, 1664-й истребительно-противотанковый и 848-й зенитно-артиллерийский полки. Тесное взаимодействие налажено было с частями 24-й стрелковой дивизии.

Разведка донесла, что перед фронтом корпуса только разрозненные очаги сопротивления, а в самих Черновицах — не больше полка пехоты и около 30 танков. Брать город было приказано поэтому только 64-й гвардейской танковой бригаде. Поддержать ее действия должна была 44-я гвардейская танковая бригада, которая, захватив населенный пункт Рогозна, сосредоточилась здесь для удара в нужный момент по Черновицам.

В 14 часов 64-я гвардейская танковая бригада начала наступательные действия. Поскольку мост через Прут был взорван, пришлось двумя батальонами под огнем противника переправляться вброд у северо-восточной окраины населенного пункта Каличанка. Часть батальона автоматчиков обеспечивала переправу. Остальные подразделения бригады переправлялись южнее станции Мошино.

В самый напряженный момент ударила по городу 44-я гвардейская танковая бригада. Совместный штурм решил успех дела.

29 марта 1944 года Черновицы были освобождены. Москва салютовала доблестным воинам артиллерийскими залпами. Взятие этого мощного опорного пункта гитлеровцев на реке Прут открывало подступы к границам Венгрии и Румынии.

8 апреля 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. Партия и правительство высоко оценили мужество и героизм, проявленные личным составом 44-й гвардейской танковой бригады при форсировании Днестра и взятии города Черновицы. На боевом гвардейском стяге засверкала еще одна правительственная награда — орден Богдана Хмельницкого II степени.

А 18 апреля бригада опять была награждена. На этот раз — орденом Красной Звезды, за победы, одержанные в предгорьях Карпат, в результате которых танкисты вышли на государственную границу с Румынией.

Самыми напряженными в конце апреля 1944 года были бои в районе города Тарнополь (Тернополь). Город был взят в кольцо нашими войсками, и немецкое командование принимало все меры, чтобы спасти окруженный [71] гарнизон. Для этой цели было направлено около 30 «тигров». Не допустить их к Тарнополю — такую задачу получила 44-я гвардейская танковая бригада.

Первой внезапно столкнулась с противником рота старшего лейтенанта Григория Шарипова. Это был встречный бой, с его особенностями и неожиданностями. Произошел он у села Жеребки-Шляхетске, Збаражского района.

Командир батальона майор Орехов связался по радио с ротой и потребовал доложить обстановку. Шарипов не смог. Комбат немедленно выехал к нему.

Село Жеребки-Шляхетске горело. На одной из улиц Орехов выскочил из машины, и в этот момент неожиданно появившийся немецкий танк ударил из пулемета. Пуля вошла комбату в бедро, раздробила кость.

«Я нашел Орехова на вспаханном поле,— вспоминает ветеран бригады капитан В. Дорофеенков,— куда его, вынеся подальше от места боя, осторожно положили танкисты. И сразу же отвез в армейский госпиталь, в город Збараж, где ему сделали операцию и направили для продолжения лечения в Москву».

Вся бригада схватилась с гитлеровскими танками, пытавшимися пробиться к осажденному тарнопольскому гарнизону. Бой длился до утра. Часть «тигров» была уничтожена, а остальные повернули в сторону города Чертков. Но и здесь им не дали удержаться. Город был с ходу освобожден 44-й гвардейской танковой бригадой, что дало возможность другим частям и соединениям, действовавшим на этом направлении, ликвидировать тарнопольский гарнизон.

Таким образом, весь апрель бригада провела в напряженных боях — то оборонительных, то наступательных. О них подробно говорится в докладе о боевых действиях за этот период, который, как обычно, был составлен в конце месяца комбригом и начальником штаба. В докладе упоминается большое количество именных машин. Вот отрывок из документа:

«С 13 по 17.4.44 года бригада вела бои с переправившейся на южный берег р. Днестр группой противника...

Экипаж танка «Сухэ-Батор» уничтожил огнем и гусеницами до 70 солдат и офицеров противника.

Экипаж танка «От народного ополчения МНР» уничтожил станковый пулемет и до 40 солдат и офицеров противника. [72]

Экипаж танка «От Гоби-Алтайского аймака» уничтожил 2 станковых пулемета и до 30 солдат и офицеров противника.

Экипаж танка «От работников Монгкоопсоюза» уничтожил до 70 солдат и офицеров противника.

Экипаж танка «От женской советской колонии в МНР» уничтожил до 50 солдат и офицеров противника».

О многом говорят эти строки. Почти полтора года прошло с тех пор, как 44-й бригаде

была передана танковая колонна «Революционная Монголия». Бригада прошла через тяжелейшие испытания. Не осталось почти ни одного из танков, врученных маршалом Чойбалсаном. Но еще более сильными стали у танкистов горячее чувство братской любви к монгольскому народу, классовая интернациональная солидарность.

В это время, весной 1944 года, в Монгольской Народной Республике поднялась новая волна политической активности трудящихся. Народ стремился своей помощью фронту ускорить час окончательной победы над фашистскими захватчиками.

28 апреля 1944 года было опубликовано очередное постановление Совета Министров МНР и ЦК МНРП, которое подводило итог деятельности Центральной комиссии по подаркам и намечала план работы в этой области на завершающие месяцы войны.

К этому времени на вооружение и содержание личного состава танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат» было собрано 2 миллиона тугриков. Их было решено перечислить по назначению.

Совет Министров и ЦК МНРП придавали большое значение политико-воспитательной работе, связанной со сбором подарков Красной Армии. «Совет Министров МНР и ЦК МНРП призывают всех трудящихся республики, — говорилось в постановлении, — принять личное участие в организации сбора подарков мужественным воинам Красной Армии»¹¹.

Как и в предыдущие годы, монгольский народ горячо откликнулся на призыв. На собраниях и митингах, прошедших по всей стране, трудящиеся изъявляли горячее желание помочь русским братьям, сражающимся с [73] ненавистным врагом, и сразу же вносили деньги в фонд подарков. Пример высокой политической сознательности показали жители столицы республики. Газета «Унэн» сообщала о том, как единодушно вносили деньги на подарки рабочие Улан-Батора, сотрудники Министерства скотоводства, учителя школ, служащие различных учреждений. Были названы фамилии тех, кто внес больше всех. Это товарищи Ганжур и Яримпил (свыше 500 тугриков), Жибзан-Доржи (600 тугриков), Гомбо-Сурун (двухмесячный оклад).

Два миллиона тугриков было отправлено в Москву, и через несколько дней вся Монголия читала в «Унэн» телеграмму И. В. Сталина, который передавал братский привет и благодарность Красной Армии трудящимся Монгольской Народной Республики, собравшим эти средства «на пополнение материально-технической части подшефной МНР танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат»¹².

Почти до середины мая 1944 года 44-я гвардейская танковая бригада принимала участие в наступательных боях на западе Украины. Особенно запомнился всем Обертин, Станиславской области. Здесь контратаки гитлеровцев были настолько сильными, что наступление приостановилось и бригаде в течение нескольких дней пришлось держать оборону.

И опять душой боя были политработники. Они и с людьми беседовали, и, если надо было, умело руководили боевыми операциями.

Именно так получилось, когда в одном из боев попала в тяжелое положение группа танкистов батальона майора Орехова: ее атаковало 12 вражеских машин. Командование принял на себя заместитель командира по политчасти капитан Петр Самуилович Кузнецов. Всего несколько минут продолжалась жаркая схватка. И когда уцелевшие «тигры» повернули назад, на поле боя горело 7 вражеских машин. В этом бою храбрейшими из храбрых были коммунисты лейтенант Матвей Афанасьевич Машинский и младшие лейтенанты Виктор Дмитриевич Перистов, подбивший 2 «тигра», и Константин Михайлович Кочкин, огнем своей тридцатьчетверки поразивший 4 немецкие машины — 2 танка и 2 самоходные установки. [74]

Когда бои в районе населенного пункта Обертин закончились, 44-я гвардейская танковая бригада по приказу командования была выведена в тыл. Больше месяца она

11 «Унэн», 10 мая 1944 г

12 «Унэн», 24 мая 1944 г.

находилась на переформировании, пополняя подразделения личным составом и материальной частью, интенсивно занимаясь боевой и политической подготовкой.

О своих успехах, о том, что новые ордена украсили боевое Знамя, танкисты сообщали шефам — трудящимся МНР.

По случаю награждения бригады орденом Красной Звезды в город Улан-Батор, в адрес маршала Чойбалсана, была отправлена телеграмма. В ней, в частности, говорилось:

«Личный состав воспринял эту радостную весть с большим воодушевлением и ликованием. Четвертая правительственная награда завоевана в жестокой борьбе с трижды проклятым и ненавистным врагом — немецким фашизмом».

Эта награда, писали гвардейцы, умножила силы и энергию каждого танкиста. Солдаты, сержанты и офицеры, находящиеся на переформировании, настойчиво изучают новую технику, боевой опыт прошедших боев. Конец телеграммы звучал как клятва гвардейцев, преисполненных решимости в грядущих сражениях с еще большей отвагой бороться за честь, свободу и независимость Родины:

«Товарищ премьер-министр! Заверяем Вас и в Вашем лице весь дружественный нам братский монгольский народ, что боевые традиции «Революционной Монголии», традиции и славу русского оружия, славу советского народа, народа-богатыря, парода-героя, будем умножать, уничтожая раненого фашистского зверя в его собственной берлоге.

Смерть немецким оккупантам!»¹³.

И дальнейшие события показали, что гвардейцы-танкисты остались верны своему слову.

26 июня 1944 года 11-му гвардейскому танковому корпусу было приказано передислоцироваться на другой участок фронта. Боевую технику погрузили на железнодорожные платформы, автомобили пошли своим ходом по грунтовым дорогам. В начале июля корпус был уже недалеко [75] от Дубно. До 11 июля происходило сосредоточение в исходном для наступления районе, а на следующий день с рассветом штурмовые батальоны при поддержке артиллерии перешли в наступление.

Противнику показалось, что атакуют главные силы, и он начал отход на основные оборонительные рубежи, которые гитлеровцы, склонные к пышной фразеологии, окрестили линией принца Евгения. Здесь им удалось задержаться на три дня. 14, 15, 16 июля прошли в безуспешных наших атаках.

Наконец в 50 километрах южнее обозначился успех. И сразу же сюда по приказу командующего 1-м Украинским фронтом И. С. Конева был переброшен 11-й гвардейский танковый корпус. Блестяще совершив сложный маневр, он вошел в прорыв и, взаимодействуя со стрелковыми соединениями, начал развивать наступление в западном направлении.

44-я гвардейская танковая бригада шла в голове корпуса, имея задачу наступать на Раву-Русскую, с ходу форсируя Западный Буг.

До реки было километров 35—40, до предела насыщенных оборонительными сооружениями. Их основательно обработала наша артиллерия, бомбили самолеты, но все-таки то там, то здесь возникали очаги сопротивления. Подавляя их, танкисты, врезавшиеся двумя стальными клиньями в расположение фашистских войск, дрались с необыкновенным мужеством и мастерством.

На пути наступления 11-го гвардейского корпуса, как и всей армии, местное население с исключительной теплотой и сердечностью приветствовало советских воинов. Трогательная встреча произошла в одном из сел, возле хаты Михаила Петровича Нишча. Вся семья — сам хозяин, его отец, дед Петро, жена и дети выбежали на улицу, когда возле их ворот остановился советский танк. Сердечным был разговор крестьян с башнером машины, бывшим председателем уральского колхоза «Страна Советов» 42-летним коммунистом

¹³ Государственный исторический архив МНР, фонд Совета Министров.

младшим сержантом Григорием Николаевичем Осиповым. Глазами, полными слез, смотрел на него Михаил Петрович Нишч и думал, что такие вот, как этот, немолодой уже, рассудительный человек, принесли в 1939 году ему, батраку, свободу, помогли обзавестись хозяйством. У Нишча появилась земля, лошадь, корова. Потом пришли гитлеровцы и все отняли. Теперь, [76] после трех с лишним лет томительного ожидания, снова счастье вернулось в дом вместе с дорогими сердцу бойцами Красной Армии...

44-я бригада должна была первой переправиться с боем через Западный Буг в районе населенного пункта Завишня и закрепиться на противоположном берегу.

Комбриг, учитывая опыт форсирования рек, приказал выслать вперед небольшой, но достаточно сильный разведывательный дозор с задачей выйти к реке, минуя узлы сопротивления и опорные пункты противника, с ходу переправиться на противоположный берег, захватить плацдарм и держать его до подхода основных сил.

Кому поручить это рискованное задание? Полковник перебрал в памяти всех своих офицеров и решил, что лучшей кандидатуры, чем капитан Александр Петрович Иванов, не найти. Смел, отважен, хладнокровен. В любой ситуации не растеряется.

И. И. Гусаковский запомнил Иванова еще по летним боям 1942 года, когда Александр Петрович командовал ротой тридцатьчетверок. Пожалуй, труднее всего пришлось во время наступательных боев бригады в направлении реки Жиздра. Разыгралось танковое сражение, не утихавшее шесть суток. И все это время с исключительным мужеством сражался командир роты капитан Иванов.

Через пять с лишним лет после этого боя ленинградские журналисты И. Кан и А. Старков, восхищенные подвигом героя-танкиста, напишут об этом сражении слова, которые нельзя читать без волнения:

«Шестые сутки не утихает танковое сражение. Сотни машин. Железо скрестилось с железом. Иванов ведет роту боевых машин Т-34. «Делай, как я!» — скомандовал он в начале боя. Это значит: равняйся на головную машину, иди за ней. А раз так — головная должна быть все время головной. Ей нельзя отставать. И ротный все шесть суток боя — впереди. К концу шестого дня его танк попал под фланговый огонь. Снаряд угодил в перископ, срезал его, ослепил машину. Но драться можно, остался прямой прицел. Не видно, что по бокам, сзади, а впереди — все видно. И это самое главное — смотреть вперед... Вторым снарядом заклинило башню. Теперь всякий раз, как стрелять, надо поворачиваться всем танком. Выходить из боя? Нет, он не выйдет из боя! Он дал команду «Делай, как я!». Его танк головной, за ним остальные. Еще один снаряд. [77] Пробит правый борт. Снесло антенну. В баке загорелось масло. Густой дым над машиной. Но она продолжает идти первой. Ей нельзя сворачивать — сейчас самый напряженный, решающий момент. Немцы дрогнули, повернули вспять. Надо гнать их и гнать, не давая передышки. Она горит, но идет вперед...»¹⁴.

Гусаковский, бывший в то время начальником штаба бригады, хорошо помнит этот бой. Помнит он и то, как отважно дрался с врагом капитан Иванов на Курской дуге, под Харьковом и Киевом, при взятии Бердичева и в рейде на Черновицы. Поэтому сейчас, когда впереди форсирование Западного Буга, комбриг самое трудное и опасное в этой операции поручает капитану Иванову.

Полковник вызвал Иванова, объяснил ему задачу и, провожая, сказал:

— Весь фронт смотрит на вас, капитан!

Вместе с начальником штаба командир бригады всесторонне обдумал и состав передового отряда, который должен идти вслед за возглавляемым Ивановым отдельным разведывательным дозором. Решено было выделить роту танков с ротой автоматчиков в качестве десанта, батарею САУ, истребительно-противотанковую батарею, саперную роту со взводом зенитно-пулеметной роты и отделение разведки. Командовать отрядом Гусаковский поручил одному из самых бесстрашных офицеров — капитану Алексею Алексеевичу Карабанову. Как и Иванову, задачу ставил ему лично:

14 «Вечерний Ленинград», 14 сентября 1947 г.

— Обогнать пехоту, выйти в голову левой колонны корпуса и — вперед! В бои не ввязываться. Если встретятся узлы сопротивления — обходить. Главное, опередить отходящего противника, не дать ему закрепиться на том берегу. Захватить плацдарм и держать его, пока не подойдут основные силы.

И вот пять тридцатьчетверок отдельного разведывательного дозора с десантом из бригадных разведчиков и саперов прорываются к реке. Как приказано, не задерживаются на узлах сопротивления фашистов, не ввязываются «в драку». Опорные пункты обходят, сообщая по радио координаты и маршрут обхода.

Но полностью избежать встреч с врагом все же не удалось. Пока дошли до Буга, произошло несколько столкновений. [78] Особенно когда пересекали дороги. Танков противника, к счастью, не встретили — в основном мотоциклы и автомашины. Их уничтожали, чтобы не обнаружить группу, ее состав, направление движения.

Солнце садилось, когда вышли на лесистый правый берег Буга. Капитан Иванов сразу же выслал вперед разведчиков и, замаскировавшись, долго смотрел в бинокль на противоположный берег, сверяя свои наблюдения с картой. Получалось, что вышли как раз туда, куда нужно.

Выше по течению, примерно в километре, хорошо просматривались улицы деревни. По ним спокойно разгуливали гитлеровцы, изредка проезжали автомашины. Вниз по реке, километрах в двух, находилась еще одна деревня. Что там, на ее улицах, из-за буйной зелени садов почти невозможно было разглядеть. Между этими деревушками в глубине, примерно в трех километрах, железнодорожная станция Клусув. Ее-то и надо попытаться захватить и удержать. Тогда плацдарм будет прочным.

Прошло часа полтора. Вернулись разведчики и доложили, что моста поблизости нет, но брод найден, и хороший: глубина как раз для тридцатьчетверки.

Иванов приказал, не теряя ни минуты, сосредоточиться в месте брода. Быстро, соблюдая все меры предосторожности, танкисты и десантники выполнили приказ.

Первым к реке подходит танк, которым командует герой форсирования Днестра лейтенант И. Х. Кравченко. Тогда, весной, после того как старшина Н. Голомзик с саперами разведкал брод, он первым повел машину в реку. Сейчас он тоже первый. Но его сразу же замечают вражеские артиллеристы и открывают такой огонь, что кажется — вода вокруг закипает от раскаленных осколков.

Берег, занятый противником, значительно выше и круче восточного. Но за рычагами управления сидит опытный специалист. Вот уже танк Кравченко, грохоча, преодолевает песчаный барьер и выходит на западный берег Буга — на польскую землю.

И тут же с ходу чуть не врывается в болото. Ни сам Кравченко, ни его механик-водитель не предполагали, что такой благополучный на вид берег может быть топким. И танк угодил бы в самый центр трясины, застрял бы в ней и был бы непременно расстрелян вражеской артиллерией, если бы не помог пожилой поляк, один из местных жителей. Он появился неожиданно и, не обращая [79] внимания на обстрел, побежал навстречу танку, размахивая руками. Кравченко понял его сигналы, остановился и через минуту уже знал, по какой дороге безопаснее всего провести машину.

Кто был этот патриот, помогавший, рискуя жизнью, первым советским танкам на польской земле? К сожалению, мы не знаем его фамилии. В одном из архивных материалов есть лишь краткое описание этого эпизода. Не названа и пожилая поляка, указавшая огневую позицию вражеской батареи, которая вела огонь по советским танкам.

Может быть, наши танкисты спросили, как зовут этих польских друзей, да потом, в суматохе боя, запомнили их имена. А может, знали, да не написали, потому что таких случаев было много. Польское население исключительно сердечно встречало своих освободителей и оказывало им всестороннюю помощь...

Вслед за Кравченко на западный берег переправилась машина младшего лейтенанта Бориса Матусевича. Вскоре все пять танков вместе с десантом были на противоположном берегу. Набирая скорость, тридцатьчетверки рванулись на Клусув. Завязался бой.

Тем временем начал переправу передовой отряд, подошедший к реке в тот момент, когда Иванов вел разведку брода. Карабанов очень четко все организовал. Переправляясь на противоположный берег, взводы один за другим вступали в бой. Каждый точно знал, что ему делать.

Основные силы передового отряда атаковали Добрачин. Сюда же ударил переправившийся вслед за передовым отрядом 1-й батальон. Вскоре вся бригада успешно форсировала Западный Буг и не только захватила плацдарм, а начала медленно, но настойчиво расширять его.

Таким образом, план комбрига по форсированию Западного Буга был выполнен полностью. Штаб бригады во главе с майором Воробьевым безупречно все рассчитал, четко организовал взаимодействие подразделений.

При форсировании Западного Буга танкисты действовали смело и решительно. Как всегда, первыми на самое опасное дело шли коммунисты, увлекая за собой остальных. Вот они, члены и кандидаты партии, герои этой стремительной и дерзкой переправы: лейтенанты Федор Иванович Алейников, Петр Иванович Аршинов, Леонид [80] Михайлович Балакин, Владимир Аркадьевич Казьмин, Николай Иванович Мурашов, старшина Владимир Павлович Светочев и многие другие, командиры и рядовые члены экипажей. Все они в основном из 1-го батальона, которому и в момент переправы, и после захвата плацдарма пришлось выдержать особенно свирепый напор врага.

Впервые за войну бригада вела боевые действия не на родной земле, а на территории иностранного государства. Командиры и политработники, члены и кандидаты партии разъясняли танкистам Манифест Польского комитета национального освобождения, подчеркивали интернациональный характер миссии Советской Армии на польской земле: вступление в пределы Польши — братская помощь польскому народу в его борьбе против злобного и коварного врага — немецкого фашизма.

Проводилась разъяснительная работа и среди местного населения. Командиры, политработники, все коммунисты бригады использовали каждый удобный момент для душевного разговора с польскими трудящимися, разъясняли миролюбивую политику Советского Союза, сущность экономических преобразований на освобожденных польских землях. И крестьяне в деревнях и на хуторах, рабочие в освобожденных от фашистов городах сердцем откликались на горячее правдивое слово, помогали своим освободителям в боях, которые с каждым днем становились все ожесточеннее.

Особенно большого напряжения достигли бои 18 июля. В этот день был ранен командир батальона Ф. П. Боридько. Командование принял заместитель по политической части капитан П. С. Кузнецов. Батальон под его руководством уничтожил 7 танков, из них 4 «тигра», и 120 солдат и офицеров противника.

Успеху боев по расширению плацдарма во многом способствовала группа Иванова, которая, переправившись через Западный Буг, решительно атаковала железнодорожную станцию Клусув.

Впереди, как всегда, была командирская машина. За ней — танки офицеров И. Кравченко и Б. Матусевича. Они первыми ворвались в пристанционный поселок, который был буквально забит тяжелыми автомобилями, груженными награбленным фашистами добром. На железнодорожных путях находились два товарных состава и бронепоезд. Капитан Иванов сразу понял, что если [81] бронепоезд выйдет со станций, то придется туго танкистам, расширяющим плацдарм. На платформах — добрый десяток орудийных стволов крупного калибра.

Иванов знал, что остальные экипажи внимательно наблюдают за его машиной и ждут условных сигналов. Он навел орудие и пустил в сторону бронепоезда трассирующий снаряд. По действиям товарищей увидел, что они поняли замысел: разбить паровоз. Машина лейтенанта Кравченко, маневрируя между домами, стала обходить бронепоезд справа. Танк Матусевича остановился прямо на рельсах, где железная дорога пересекает шоссе. Эти две машины, а затем и все остальные открыли огонь по паровозу. С платформ стали огрызаться

вражеские орудия. Началась артиллерийская дуэль. Но она продолжалась недолго. От чьего-то удачного выстрела паровоз пустил пары и в одно мгновение исчез, окутанный кудрявыми белыми клубами. Увидев это, орудийная прислуга и весь экипаж бронепоезда бросились бежать. Железнодорожная станция Клусув была взята.

Когда стемнело, капитан Иванов приказал взорвать стрелки.

Экипажи танков и десантники, находившиеся в его распоряжении, заняли круговую оборону. Никто не спал, потому что враг в любую минуту мог напасть.

Среди ночи фашисты сделали такую попытку, но были отбиты дружным огнем. Утром атака возобновилась. Гитлеровцы сосредоточили крупные силы. 6 «тигров», 4 танка Т-IV и до батальона пехоты, поддержанной артиллерией, пошли на приступ.

Силы были неравные. Но Иванов еще перед выходом на задание тщательно проинструктировал экипажи: умелый маневр позволит поразить «тигра» в наиболее уязвимые места. Именно это помогло уничтожить 2 «тигра» и 3 танка Т-IV. Орудийным и пулеметным огнем, а также смелыми инициативными действиями десантников большой урон был нанесен и вражеской пехоте.

Но и группа Иванова понесла тяжелые потери: один танк сгорел, другой был разбит. Пострадала командирская машина. Во время поединка с «тигром» была повреждена правая гусеница и выбит поддерживающий каток. Рация также была выведена из строя. Среди десантников, как и среди танковых экипажей, были убитые и раненые.

Враг уже ворвался на станцию. Иванов отдал приказ [82] отходить. По ложине и оврагу два танка и остатки десанта (третий танк, отрезанный гитлеровцами, остался на правом фланге) скрытно отошли в село на берегу Западного Буга, куда раньше отправили раненых.

Здесь решили драться до последнего. Дело осложнялось тем, что для маневра возможностей почти не было. Командирская машина беспомощна, вот-вот совсем выйдет из строя: гусеница еле держится на крайних проушинах поврежденных траков, пальцы погнуты. Кажется, чуть тронь — и все рассыплется.

Иванов приказал экипажу заменить разбитые траки. Работали, не выключая двигателя. Кроме того, танк лейтенанта Тихомирова, единственный оставшийся целым, на первой скорости, поддерживая малые обороты, медленно шел вдоль улицы. Грохот подняли такой, что противнику, не видевшему позиций, занятых группой Иванова, и пытавшемуся на слух определить ее силы, машин в несколько раз больше показалось.

Наконец закончили ремонт гусеницы. Теперь два танка — и оба на ходу. Можно драться! Танки поставили на хорошую позицию. Кругом сады — отличная маскировка. Пусть только сунутся!

Но противник и не пытался больше атаковать, затаившись на станции. Слишком дорого далась ему победа: потерял пять танков. Иванову удалось скрытно отойти. Гитлеровцы и не подозревали, что у него осталось всего-навсего два танка. Да и «шумовая демонстрация» ввела их в заблуждение. Постреляв немного по деревне из орудий, они затихли, выжидая.

Примерно в середине дня капитан Иванов и остатки его разведгруппы встретили наши подошедшие части — пехоту и артиллерию — и сразу же вместе с ними пошли в атаку на станцию. Ведь там осталась еще в начале боя отрезанная тридцатьчетверка. Что с ней?

Бой за Клусув был коротким. Фашисты отступили.

На станции, к великой радости всей группы Иванова — танкисты и десантники успели крепко сдружиться, — нашли машину, которую считали погибшей, и членов экипажа. Тридцатьчетверка стояла на дне огромной воронки от авиабомбы. Вместо орудийного ствола у нее торчал какой-то огрызок с рваными краями.

Механик-водитель старшина Василий Соколов рассказал, как все произошло. [83]

Бой за станцию был в самом разгаре, когда бронебойный снаряд, выпущенный, видимо, «тигром», угодив в ствол, срезал его. Командир экипажа был убит. Танк, безоружный и беспомощный, уже не мог принести почти никакой пользы в бою. Видимо, так рассудили и гитлеровцы и оставили его в покое, а может быть, просто забыли о нем, гонясь за другими тридцатьчетверками и увертываясь от их меткого ответного огня.

Этим воспользовался механик-водитель. Увидев поблизости воронку от авиабомбы крупного калибра, он решил спрятать в ней раненую машину. Вот она уже, осторожно спущенная вниз, стоит на дне. Очень надежное укрытие. И с двадцати метров не догадаешься, что поблизости танк. Сняв с машины пулемет, старшина Соколов и стрелок-радист укрылись на чердаке ближайшего дома и приготовились, если немцы сунутся к машине, хорошенько встретить их. Так и просидели до подхода наших...

Возвращение группы Иванова вызвало в батальоне Карабанова, да и во всей бригаде большую радость. Ведь многие считали ее погибшей.

С командного пункта Гусаковский и Карабанов хорошо видели, как гитлеровцы шли в атаку на Клусув. Потом они заметили поднявшиеся к небу столбы огня и дыма от горящих танков. Только не разберешь, чьи горят: наши или вражеские. Не видно из-за домов. А помочь нечем. И передовой отряд, возглавляемый майором Карабановым, и основные силы бригады вели тяжелый бой за расширение плацдарма.

Одним из переломных моментов боя по расширению плацдарма было взятие Добрачина. У гитлеровцев в этом селе были внушительные силы. Одних танков четырнадцать. Но передовой отряд и переправившийся вслед за ним 125-й танковый батальон, а также поддерживавшие его подразделения 40-й танковой бригады с десантниками на броне действовали настолько стремительно и дерзко, что вражеский гарнизон не сумел организовать как следует оборону. Бой был коротким. Однако он потребовал и от танкистов, и от автоматчиков решительности и смелости.

В числе первых ворвался со своим взводом на улицу Добрачина коммунист лейтенант Л. М. Балакин. Он огнем из орудия своей тридцатьчетверки подбил 2 вражеских [84] танка и самоходку и уничтожил около 20 солдат и офицеров противника.

Десантом автоматчиков на танках, наступающих на Добрачин, командовал заместитель командира батальона старший лейтенант В. С. Юдин. Вместе с ним находился парторг лейтенант М. С. Запорожец. При наступлении на Добрачин он шел в цепи, личным примером увлекал солдат.

Еще много часов после взятия Добрачина продолжались упорные бои на плацдарме, который становился все шире и шире.

Ночь на 19 июля 1944 года была переломной. К этому времени на плацдарм переправились многие части армии.

11-й гвардейский танковый корпус продолжал наступление в западном направлении. Преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, опиравшихся на соколовский укрепленный район, танкисты рвались к реке Сан. 44-я гвардейская танковая бригада шла первой и освобождала один населенный пункт за другим.

Дерзко и решительно действовали автоматчики бригады. Как и в боях по расширению плацдарма, ими командовали капитан К. Я. Усанов и старший лейтенант В. С. Юдин. Вместе с десантниками на броне находились заместитель командира батальона по политчасти капитан Г. И. Воробьев, помощник начальника политотдела по комсомольской работе старший лейтенант В. И. Бабенко. Почти все время был в боевых порядках батальона агитатор политотдела бригады майор А. Ф. Аронсон. В эти дни ему пришлось выполнять и обязанности секретаря партийной комиссии. Он непосредственно на передовой позиции проводил заседания. Лучшим воинам, принятым в партию, выдавались партийные билеты.

Продвижение было успешным. К 22 часам 22 июля бригада вышла к реке Сан в 5 километрах восточнее города Радымно.

Разведка донесла, что на левом берегу Сана у гитлеровцев — заранее подготовленная оборона, два-три ряда траншей, проволочные заграждения в три кола, минные поля; на восточной окраине города Радымно — закопанные в землю танки. Обследовали разведчики и дно реки. Танки вброд, хотя глубина позволяла, пускать рискованно: могут завязнуть в тине. И командир бригады решает [85] первыми пустить автоматчиков, а танкисты должны прикрыть их огнем.

В ночь на 23 июля была выслана инженерная разведка. Брод она отыскала быстро —

западнее населенного пункта Гробовец. Но когда начали выставлять вешки, противник заметил появившихся в воде саперов и открыл такой огонь, что на вторую половину реки вешек выставить не удалось.

Гусаковский приказал начать форсирование.

К рассвету танки, сосредоточившись в лесу на обрывистом берегу Сана, с открытых огневых позиций нанесли огневой удар по врагу. Но пехота не смогла переправиться на противоположный берег: слишком уж много было сосредоточено здесь у противника огневых средств.

Остался единственный выход — рискнуть танками. И комбриг приказывает готовиться к форсированию.

Начал переправу 3-й батальон. Теперь им командовал капитан Иванов. А Алексея Алексеевича Карабанова — Алеши, как ласково звали его друзья, не было среди гвардейцев. В боях под городом Рава-Русская, схватившись на своей тридцатьчетверке один на один с «тигром», он был тяжело ранен.

Вначале капитан Иванов решил попытаться с ходу захватить мост через Сан в районе Радымно. Поручил это лейтенанту Тихомирову, командиру разведгруппы (два танка с десантом).

Командир батальона предполагал, конечно, что мост заминирован. Но два танка с опытными и смелыми экипажами могли проскочить «над взрывами». Все понимали: в этом — ключ к выполнению задачи.

Танки, активно поддерживаемые огнем, направились к мосту. Вырвавшись на шоссе, развили предельную скорость. И когда до моста оставалось не больше ста метров, прогремел взрыв. Центральный пролет моста с двумя опорами рухнул в воду. Фашисты сразу же открыли огонь по обеим машинам. Но Тихомиров сумел увести свои тридцатьчетверки в сторону от шоссе и скрыться в лесопосадках, тянувшихся вдоль берега реки. Там же замаскировались и остальные танки батальона.

Танкисты начали искать удобное для переправы место. На помощь им комбриг прислал группу саперов, возглавляемую начальником инженерной службы бригады капитаном И. П. Михеевым. Промучились всю ночь, но цели [86] не достигли. Пал смертью храбрых капитан Михеев, были ранены несколько разведчиков. Огнем орудий гитлеровцам удалось поджечь танк.

Когда рассвело, разведчики доложили комбату, что местные жители утверждают: ниже по течению, километрах в десяти, есть удобный брод. Капитан Иванов решил воспользоваться этим. Комбриг одобрил план, и батальон, совершив обходный маневр, вышел в нужной точке на берег реки.

Саперный взвод лейтенанта Г. Т. Ковалья быстро разведал брод. Вскоре к нему двинулись танки.

В числе первых на вражеском берегу оказался взвод лейтенанта К. П. Никонова. Его танк, выйдя на берег, уничтожил два пулеметных гнезда и до десятка солдат и офицеров противника.

Когда батальон закончил форсирование капитан Иванов повел его на деревню Вуйтовство и после скоротечного, но яростного и напряженного боя взял ее и оседлал шоссе Радымно — Перемышль (Пшемысль).

Гитлеровцы понимали, что означает этот прорыв для всей их обороны, и принимали меры, чтобы заделать брешь. Над боевыми порядками бригады непрерывно висела вражеская авиация. Во время одной из бомбежек был убит начальник политического отдела бригады майор Павел Петрович Гетьман. Политотдел возглавил заместитель Гетьмана майор Василий Трофимович Помазнев.

Уже вся бригада находилась на левом берегу Сана и расширяла плацдарм. Теперь нужно было удержать этот отвоёванный клочок земли, чтобы обеспечить переправу главных сил армии.

Бои были напряженные. Не успевали отбить одну атаку, как гитлеровцы начинали

другую. Только за два дня бригада уничтожила 11 вражеских танков, 7 бронетранспортеров и около 240 солдат и офицеров.

Наконец на левом берегу Сана сосредоточилось достаточно войск, чтобы продолжать наступление. Командир корпуса усилил 44-ю гвардейскую танковую бригаду истребительно-противотанковым полком и приказал полковнику Гусаковскому взять Радымно.

Основная тяжесть выполнения этой задачи легла на 3-й танковый батальон. Он вместе с автоматчиками бригады сосредоточился для атаки.

Радымно рядом. До него не больше двух километров. [87] Но каких! Совершенно открытая местность, насквозь простреливаемая плотным огнем артиллерии.

Командир бригады, чтобы облегчить действия наступающих, приказал поддерживающему дивизиону «катюш» дать два залпа по южной окраине города. Но это мало помогло. Едва пехота поднялась в атаку, как вынуждена была снова залечь. Минометы и пулеметы буквально косили все живое. Тогда пошел вперед батальон Иванова. Автоматчики, прячась за броней, двинулись вслед за танками.

Со своего наблюдательного пункта полковник Гусаковский хорошо видел лихую, в полном смысле этого слова, атаку 3-го танкового батальона. Но оборона у гитлеровцев была организована неплохо. Их артиллеристы точно пристреляли рубежи и встречали атакующие танки эффективным огнем. Одну за другой они подбили три наши машины. Однако Иванов все-таки надеялся ворваться на окраину города. В этом было и спасение, и победа.

Но вот подбита и командирская машина. Сначала вражеским снарядом сорвало броневой лист над маской орудия. Потом болванка пробил лобовую броню и грудь механика-водителя старшего сержанта Миши Нефедова, Еще одно попадание. Теперь уже закинена башня. Тридцатьчетверка остановилась под дулами орудий в расположении фашистских войск!

С большим трудом Иванову и членам экипажа, покинувшему машину, удалось вернуться к своим. Хорошо, что в этом месте у фашистов не было сплошной оборонительной линии пехоты.

Неудача постигла и десантников. Почти на каждом участке они наткнулись на яростные контратаки гитлеровцев. То и дело вспыхивали рукопашные схватки. И каждый раз в самых опасных местах автоматчики видели замполита — капитана Г. И. Воробьева. Руководя отражением контратак, он демонстрировал командирскую зрелость и необыкновенное мужество, а когда было нужно, сражался как лихой автоматчик.

Атака Радымно с юга не удалась. Но она сделала свое дело. Город был крепко зажат в клещи. И утром одновременной атакой с двух направлений — с юго-запада и юго-востока — он был взят 44-й гвардейской танковой бригадой во взаимодействии с другими частями корпуса. [88]

Во время атаки погиб парторг 112-го батальона автоматчиков лейтенант М. С. Запорожец.

После взятия Радымно 44-я гвардейская танковая бригада получает приказ наступать вдоль шоссе, ведущего на Перемышль. До этого города, превращенного фашистами в крупный опорный пункт, было чуть больше 40 километров. Чтобы преодолеть их, танкистам понадобился целый день: почти в каждом населенном пункте находился узел сопротивления противника.

К исходу дня 3-й танковый батальон, усиленный 8 самоходками, занял небольшую деревушку в 3,5—4 километрах от Перемышля. Вскоре в этом районе сосредоточилась вся бригада.

Офицеры изучали подступы к городу. Все было как на ладони: занятая танкистами деревушка располагалась на возвышенности.

Не отрывая глаз от бинокля и капитан Иванов. В этот момент к нему прибыл начальник оперативного отделения бригады старший лейтенант Блинников и передал приказ полковника Гусаковского немедленно произвести разведку боем. Стали думать, как лучше выполнить приказ комбрига. Сначала, чтобы выявить огневую систему врага, хотели

атаковать значительными силами. Потом капитан Иванов предложил другой вариант: направить на подступы к городу танк, который, искусно маневрируя на местности, вызвал бы на себя огонь вражеских батарей.

Но кого послать в этот смелый, как тогда говорили в бригаде, «разведывательный полет»? Выбор пал на экипаж лейтенанта Никонова.

Тяжело пришлось ему. Фашисты открыли по появившемуся внезапно танку бешеный огонь. Экипаж Никонова был ослеплен рвавшимися со всех сторон снарядами. Но в танке сидели бывалые, хладнокровные ребята. Когда им стало ясно, что наши сумели засечь все наиболее важные огневые точки, машина быстро нырнула в овраг и скрытно, в обход, вернулась к своим.

Когда полковнику Гусаковскому доложили о результатах этой необычной разведки и другие данные, собранные в процессе рекогносцировки местности, комбриг задумался. Он хорошо понимал сложность создавшейся обстановки. С ходу такой крупный опорный пункт, как Перемышль, не возьмешь: очень сильно укреплен. [89] Особенно много у противника артиллерии вдоль шоссе на подступах к городу. Кроме того, на железной дороге курсирует бронепоезд. Ему тоже удобно будет вести огонь по нашим наступающим танкам.

И полковник Гусаковский решил пойти на хитрость. Он приказал находившемуся в его оперативном подчинении истребительно-противотанковому артиллерийскому полку и батальону Иванова с приданными ему самоходками оставаться на месте, там, где его засекли наблюдатели противника. Пусть ведут огонь, отвлекают противника. А тем временем основные силы ударят вдоль железной дороги по северо-восточной окраине Перемышля.

Несмотря на темноту, танки быстро и четко осуществили маневр, задуманный комбригом. Бригада и приданные ей самоходки ударили одновременно по северной окраине города и по позициям прикрывавшей город артиллерии. Гитлеровцы не выдержали и стали отходить. Завязались уличные бои. К 4 часам 30 минутам 27 июля бригада овладела северной частью Перемышля, уничтожив 54 орудия, 5 минометных батарей, 60 автомашин и 220 солдат и офицеров противника. Танкисты потерь в этой ночной атаке не имели. Лишь несколько человек из десанта были легко ранены.

Разведка бригады — несколько танков с десантом — вышла на набережную Сана. В этом месте он был очень широк, а имеющиеся два моста гитлеровцы взорвали. Значит, наступающие с юга танковые части и соединения Рыбалко не смогут преодолеть водную преграду в черте города. И только тут танкистам стала по-настоящему ясна вся важность нанесенного ими удара. Вскоре с юга ворвались в город танкисты Рыбалко. К середине дня 27 июля над Перемышлем развевалось Красное знамя Республики Советов.

После взятия Перемышля бригаду вывели в лес северо-западнее города. Танкисты немного отдохнули, привели в порядок материальную часть.

Но уже на следующий день 11-й гвардейский танковый корпус начал боевые действия. Совершив суточный марш на север от Перемышля, он сосредоточился в исходном районе для наступления. Перед танкистами стояла задача: форсировать Вислу и захватить плацдарм на левом берегу.

44-я гвардейская танковая бригада пробивалась к Висле [90] двое суток. Наиболее значительными были бои за город Ярослав. 3-й танковый батальон подошел к селу, расположенному километрах в четырех от города. Капитан Иванов выслал вперед разведчиков во главе со старшим лейтенантом Мусиенко.

Вскоре офицер вернулся. Он доложил, что на шоссе-дороге, единственном проходимом для танков участке, две батареи противника. Если атаковать в светлое время, будут бить на выбор. Значит, надо ждать ночи.

Когда стемнело, капитан Иванов приказал: «В атаку!» Танки пошли на село на предельных скоростях, ведя интенсивный огонь. И расчет командира батальона оправдался. Видя такое внушительное зрелище, фашистские артиллеристы бросили орудия и кинулись кто куда: нервы не выдержали. Через несколько минут танки были уже на улицах села. Батальон Иванова выполнил задачу, не потеряв ни одной машины.

За дело принялись сидевшие на броне автоматчики батальона капитана Усанова. Они спешили и начали выкуривать гитлеровцев из домов и траншей. Когда с этим было покончено, капитан Иванов повел батальон к северной окраине Ярослава.

Но почти сразу же разведчики доложили: впереди — противотанковая батарея. Иванов приказал искать пути обхода. Это оказалось нелегким делом. С одной стороны — крутая гора, с другой — высокая железнодорожная насыпь. Иванов решил было атаковать батарею в лоб, но возвратились разведчики — командиры машин лейтенант Петухов и техник-лейтенант Учивенко — и доложили, что в районе кирпичного завода можно по насыпи узкоколейки, минуя шоссе, зайти в тыл гитлеровцам.

Однако оказалось, что проход узок. Всем батальоном по нему не пройти. Придется основными силами атаковать с фронта, а по узкоколейке послать в обход машины две, не больше, чтобы ударили одновременно с начавшейся атакой и подняли панику.

Два танка прорвались в тыл противника, открыли интенсивный беглый огонь. При этом особенно удачно действовал экипаж лейтенанта П. Сороки. И он, и механик-водитель старшина А. Мироненко, и стрелок-радист старшина С. Матусевич действовали согласованно и четко.

По танку открыло огонь орудие противника. По вспышкам выстрелов его заметил лейтенант Сорока и, приняв [91] решение раздавить гусеницами, отдал приказ механику-водителю. Старшина Мироненко на предельной скорости направил машину на орудие. Оно было раздавлено, а вражеских артиллеристов расстрелял из пулемета старшина Матусевич.

Как только экипажи танков, зашедших в тыл, открыли огонь, капитан Иванов с фронта повел в атаку основные силы батальона и приданные ему самоходные установки. Гитлеровцы стали отходить, а когда с восточной стороны город атаковали основные силы бригады, этот отход превратился в бегство. К рассвету Ярослав был очищен от гитлеровцев.

30 июля бригада подошла к Висле.

Вслед за ней на правом берегу в районе деревень Нагнаюв, Махнув, Хмелюв сосредоточились главные силы 11-го гвардейского танкового корпуса. Обстановка была сложной. Над головой висела авиация противника, нанося порой довольно чувствительные удары. А с севера, из района Тарнобжега, непрерывно атаковали вражеские танки при сильной поддержке артиллерии, стараясь смять части, вышедшие в исходный для форсирования район.

Разведка вскоре установила, что ни бродов, ни других переправ на участке корпуса нет. Переправляться танкам можно было только на понтонных паромках. Но они остались далеко позади. А необходимо захватить хотя бы небольшой плацдарм. Сделать это было приказано автоматчикам 44-й гвардейской танковой бригады, которыми командовал капитан К. Я. Усанов. Основные силы бригады с 27-й гвардейской мотострелковой бригадой на правом берегу Вислы, развернувшись фронтом на север, прикрывали переправу при поддержке артиллерии.

44-я гвардейская танковая бригада занимала участок в районе населенного пункта Хмелюв. Деревня эта была взята с ходу танкистами Иванова и автоматчиками Усанова. Неожиданность атаки обеспечила успех. Правда, гарнизон оказал ожесточенное сопротивление, но, в конце концов, был уничтожен.

Получив приказ захватить плацдарм на левом берегу Вислы, Усанов первой послал роту под командованием своего заместителя по строевой части старшего лейтенанта В. С. Юдина.

Было уже темно, когда автоматчики начали героическую переправу. Плыли на подручных средствах, на [92] найденной на берегу рыбацкой лодке, самодельных плотках... Вместе с Юдиным переправлялся парторг батальона лейтенант Г. И. Тимошенко и комсорг старшина С. З. Савицкий. Все твердо помнили приказ комбата: ни в коем случае не задерживаться; как только солдаты вступят на противоположный берег — вперед!

Огонь врага был ожесточенным и плотным. А подручных средств не хватало. Управлять единственной лодкой взялся парторг. Он вырос на реке и умело работал веслом,

лавируя между тяжелыми всплесками рвущихся на воде снарядов. Было очень опасно, но лейтенант Тимошенко не думал об этом. Он стремился перевезти на занятый противником берег как можно больше автоматчиков.

Едва рота сосредоточилась на берегу, старший лейтенант Юдин поднял ее в атаку, стремясь захватить прибрежные деревушки Старый и Новый Ходкув. Тем временем капитан Усанов приказал начать форсирование остальным подразделениям батальона.

На исходе ночи автоматчики закрепились на левом берегу. И держались, несмотря на то что гитлеровцы всеми силами старались сбросить их в воду.

Между тем все было подготовлено для переправы через Вислу танков и другой боевой техники. Она была организована исключительно четко благодаря усилиям саперов и матросов-катерников. На специально подготовленные саперами большие плоты на понтонах, крепко причаленные к берегу, танк заходил своим ходом, а затем такой плот, буксируемый речным катером, преодолевая скорость течения, медленно двигался к левому берегу Вислы. Танкистам, сидевшим за броней, во время переправы была одна угроза — близкий взрыв авиабомбы или тяжелого снаряда, который мог опрокинуть плот и пустить танк ко дну. Саперы же и матросы-катерники, обеспечивавшие переправу, практически ничем не были защищены от пуль и осколков мин и снарядов. Наблюдая за ними, считавшие себя в безопасности танкисты не скрывали восхищения. Конечно, переправа потребовала исключительного мастерства и от танкистов, особенно когда плот причаливал к противоположному берегу. Саперы за причалы привязывали плот, а механик-водитель аккуратно, буквально «на цыпочках» сводил танк на берег, избегая рывков и толчков. [93]

К исходу 31 июля на левый берег были переправлены все танки бригады. Комбриг, прибывший на плацдарм с первыми машинами, принял меры к его расширению. Он приказал батальону Боридько обойти сильно укрепленное местечко Копшевнице и ударить по опушке леса, где засел противник. Но атака не удалась. В лесу оказалось много вражеской артиллерии, да и танки противника встретили наступавших дружным огнем. Пришлось отойти.

Обстановка на плацдарме усложнилась. 31 июля уровень воды в Висле неожиданно поднялся на 25—30 сантиметров. Пришлось срочно переделывать причалы. Это примерно на сутки задержало переправу остальных частей корпуса.

Между тем противник ударил с юга силами подошедшей 23-й танковой дивизии, стремясь соединиться со своей северной группировкой, сдерживаемой прикрывавшими переправу 27-й мотострелковой и 40 танковой гвардейскими бригадами. Если бы этот замысел осуществился, наши части на левом берегу оказались бы отрезанными.

Положение становилось угрожающим. Горловина между двумя вражескими группировками оставалась всего в 5 километров. Немецкие танки появились в районе командного пункта корпуса.

Против частей 23-й немецкой танковой дивизии была брошена из резерва командующего армией 64-я танковая бригада. Уничтожив 28 немецких танков, она восстановила положение. Части, прикрывавшие переправу, стали теснить противника к северу.

44-й гвардейской танковой бригаде, находившейся на левом берегу, командир корпуса поставил задачу отрезать пути отхода частям противника, которых громили в районе Тарнобжега, на правом берегу Вислы.

В упорных боях прошло три дня. Тарнобжегская группировка противника, в которую входило около двух дивизий, перестала существовать.

14 августа на парамах и лодках, а также на подручных средствах начала форсирование Вислы в районе Махув 27-я гвардейская мотострелковая бригада. 44-я гвардейская танковая бригада вела бои по расширению плацдарма и в тесном взаимодействии с 40-й и 45-й гвардейскими танковыми бригадами непрерывно атаковала противника. [94]

Несмотря на неудачу, постигшую Боридько, Гусаковский приказал повторить атаку на Копшевнице. Выполнение задачи было поручено батальону Иванова. Вместе с танкистами,

десантом на броне, шли автоматчики Усанова.

Иванов понимал, что лихой атакой здесь не возьмешь. Поэтому он продумал все детали предстоящего боя и с конкретным планом пришел к комбригу. Попросил разрешения выполнять задачу с наступлением темноты, чтобы скрытно подойти поближе к противнику.

Командир бригады согласился. Договорились о взаимодействии, и Иванов приступил к подготовке. В оставшиеся до наступления темноты часы он решил провести тщательную рекогносцировку местности, на которой предстояло действовать. Кроме того, надо было проверить, успели ли гитлеровцы поставить мины.

Когда стемнело, танки Иванова и приданные ему две самоходки двинулись в атаку. Противник открыл сильный огонь, и некоторые механики-водители сбились с ритма атаки.

Иванов связался с комбригом и попросил, как было условлено, дать пару залпов «катюш» по южной окраине Копшевице.

Результаты превзошли все ожидания. Деревянные строения вспыхнули и осветили позиции немецких противотанковых батарей. По ним немедленно ударили из всех стволов наши танки. При красноватых отблесках пламени механики-водители хорошо видели дорогу и сразу почувствовали себя хозяевами положения. Через несколько минут батальон, прокладывая дорогу массированным огнем пушек и пулеметов ворвался в Копшевице. Растерявшийся гарнизон разбежался, бросив большое количество орудий.

Наутро в батальон прибыл офицер связи старший лейтенант А. Храбцов. Он сказал, что командование высоко оценивает проведенный бой и комбриг вызывает Иванова к себе.

Полковник Гусаковский приказал Иванову передать оставшиеся танки в батальон Ф. П. Боридько: во всей бригаде машин осталось меньше, чем их полагается в батальоне.

На правом берегу Иванов пробыл недолго. Получил пополнение — роту танков — и опять на плацдарм, где обстановка становилась все более напряженной. [95]

44-я гвардейская танковая бригада, продолжая наступление, овладела несколькими населенными пунктами.

Но противник, сумевший сманеврировать резервами, вынудил корпус перейти к обороне. Развернулись тяжелые бои. Трудно было сдерживать вражеские танки и пехоту на обширном, почти 20-километровом участке. Имея многократный перевес в живой силе и технике, гитлеровцы продвинулись вперед и овладели населенными пунктами Даромин, Лопата, Лисув.

Пополнение прибыло не только в 44-ю бригаду, а и в остальные части, и корпус получил задачу перейти в наступление. Но противник опередил. Собрав на этом участке крупные силы (не менее двух дивизий), он после сильной артиллерийской и минометной подготовки нанес удар в направлении на Малице с целью ликвидировать части корпуса на левом берегу реки Опатувка.

В течение дня корпус отражал атаки танков и пехоты, а затем сам перешел в наступление. Вечером совместным ударом всех частей был взят населенный пункт Лопата.

Гитлеровцы защищались яростно. Они то и дело переходили в контратаки, и кое-где им удавалось отрезать слишком далеко вырвавшиеся вперед советские войска, выйти в тыл наступающим. Наши в свою очередь отрезали фашистов. В итоге получился своеобразный «слоеный пирог».

Гитлер приказал во что бы то ни стало столкнуть советские войска в Вислу. С этой целью в бой была брошена новая бронетанковая техника («королевские тигры»), а также последние резервы — охранные берлинские дивизии.

44-я гвардейская танковая бригада, вместе с другими частями находившаяся на сандомирском плацдарме, пробивалась на соединение с войсками 1-го Белорусского фронта, стремясь воспрепятствовать гитлеровцам вывести группировку, окруженную северо-западнее Сандомира.

В этих тяжелых боях погиб командир мотострелкового батальона бригады капитан Константин Яковлевич Усанов.

В одном из боев гитлеровцы отрезали группу, которую он возглавлял. Несколько

попыток пробиться к своим оказались безуспешными. Совсем немного, горстка солдат осталась в его распоряжении. [96]

Усанов был спокоен. Он сделал все, что мог, и даже то, что было просто-напросто выше сил человеческих. Сейчас он снова поведет в атаку. Либо пробьются, либо...

С бруствера посыпалась земля, послышалось тяжелое дыхание и хриплый голос подползавшего связного:

— Товарищ гвардии капитан, все готово!

— Хорошо, — ответил Усанов, быстро поднялся, поправил сбившуюся набок каску и выпрыгнул из окопа.

Это была короткая, но яростная атака. Советские воины огнем автоматов, гранатами крушили врага. Потом началась рукопашная.

Капитан Усанов с автоматом в руках был в самой гуще боя. Он бросался туда, где случалась заминка. Его крепко сбита фигура мгновенно выросла перед бойцами.

В переломный момент почти у ног Усанова разорвалась не то граната, не то мина. Ослепительное белое пламя жаром полоснуло по лицу. И грохот. Больше он ничего не слышал: ни выстрелов, ни разрывов снарядов.

Когда командир батальона упал и автоматчики увидели, что он убит, они с удвоенной яростью бросились в контратаку и вырвались из окружения.

Бои на сандомирском плацдарме были, пожалуй, одним из самых суровых испытаний для танкистов бригады на их многотрудном пути. Несколько эпизодов особенно запомнились. И среди них — бой у деревни Лопата.

Самолеты подожгли танк «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия». Увидев рыжие языки пламени, охватившие машину, и возле нее радиста старшину М. П. Окунева, пытавшегося потушить пожар, лейтенант Коваль бросился к нему на помощь. Ведь в танке радиостанция, которая держит связь со штабом корпуса! И Коваль вместе с Окуневым продолжали бороться с пламенем до тех пор, пока не отстояли машину. А вскоре радист уже сидел на своем обычном месте и, преодолевая боль в обожженных руках, посылал в эфир позывные.

Под деревней Лопата, отражая контратаки вражеских танков, выдержку и высокое мастерство показали орудийные расчеты истребительно-противотанковой батареи батальона автоматчиков. Один из героев-артиллеристов — старшина П. З. Брылев с открытой огневой позиции прямой наводкой уничтожил 2 пулеметные точки, 2 машины — одну с горючим, другую с боеприпасами — и до 70 гитлеровцев. [97]

Но главная тяжесть борьбы легла на плечи танкистов, особенно на 1-й батальон. После ранения Ф. П. Боридько батальоном командовал старший лейтенант А. В. Воробьев. Его ближайшим помощником был замполит капитан В. И. Дорофеев, назначенный после ранения П. С. Кузнецова. Он успевал всюду. Только 9 августа принял участие в отражении пяти вражеских контратак. А всего за время боев на сандомирском плацдарме 1-й батальон уничтожил 7 танков, 2 артиллерийские батареи и около 900 солдат и офицеров противника.

К исходу 16 августа окружение сандомирской группировки врага было завершено. 11-й гвардейский танковый корпус, совершив маневр по левому берегу реки Опатувка, форсировал ее и овладел южной окраиной населенного пункта Кихары. Гитлеровцы почти сразу же стали контратаковать, и два дня шли тяжелые бои.

Корпус оказался в трудном положении. Со всех сторон противник. Дороги перерезаны, более или менее доступные пути подхода — тоже, нельзя подвезти боеприпасы и продовольствие. В течение двенадцати часов не было связи.

Командование армии внимательно следило за обстановкой на плацдарме и готовило удар силами находившейся в резерве 40-й гвардейской танковой бригады. Она должна была соединиться с частями, находившимися в районе Кихар.

Но гитлеровцы непрерывно контратаковали и помешали осуществлению этого замысла. Особенно активно действовали они в ночь на 20 августа на участке, занятом 44-й гвардейской танковой бригадой.

К тому времени бригада представляла собой несколько машин, сведенных в один батальон под командованием капитана Иванова.

В этих боях капитан Иванов был серьезно ранен — пуля попала в коленный сустав. Но в горячке боя рана показалась Александру Петровичу пустяковой, да и некогда было обращать внимание на ранение: гитлеровцы лезли на Кихары. И четыре танка — все, что осталось от бригады, и действовавшие с ними автоматчики выдержали этот напор.

Правда, Иванов уже не командовал ими. Он неожиданно потерял сознание. Ночью ему стало совсем плохо. Он метался в бреду, звал в атаку. [98]

А 20 августа 1944 года началось наступление. Наши танки и пехота пошли вперед. Соединились войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Сандомирский плацдарм был расширен до 120 километров по фронту и укреплен. В этих боях принимали участие и остатки 44-й гвардейской танковой бригады.

Капитан А. П. Иванов был отправлен в госпиталь, где ему ампутировали ногу.

В ночь на 21-е бригада, как и весь 11-й гвардейский танковый корпус, была выведена из боя.

Через некоторое время, когда бои за плацдарм на левом берегу были завершены, в 44-ю гвардейскую танковую бригаду пришла весть о награждении солдат, сержантов и офицеров, отличившихся в последних боях.

23 сентября 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении высокого звания Героя Советского Союза капитанам Александру Петровичу Иванову, Константину Яковлевичу Усанову и старшему лейтенанту Виктору Степановичу Юдину за мужество, отвагу, высокое воинское мастерство и умелое руководство своими подразделениями при форсировании рек Западный Буг, Сан, Висла.

С глубоким удовлетворением узнал об этом весь личный состав бригады. Радость была омрачена гибелью капитана Усанова, а также тем, что не было в этот день с танкистами капитана Иванова: он находился в тяжелом состоянии после ампутации ноги.

Но самым главным событием было награждение бригады высшей наградой страны — орденом Ленина за взятие города Перемышль.

Вручить награду — пятую с момента начала войны — приехал генерал А. Л. Гетман. И слова, которые он сказал на торжественном митинге, поздравляя танкистов, были как бы напутствием перед новыми, завершающими боями. [99]

«ЗВЕЗДНЫЕ» МЕСЯЦЫ 1945-го

1945 год солдаты, сержанты и офицеры 44-й гвардейской танковой бригады встретили в лесу в 12 километрах северо-западнее небольшого польского города Любартов. Уже много дней шли регулярные занятия по боевой и политической подготовке. Учились все — и ветераны, начавшие боевой путь еще на полях Подмосковья, и молодежь, пришедшая взамен выбывших из строя в последних боях на Висле.

Штаб бригады напряженно готовился к предстоящим боям. В документе, полученном комбригом, задача была сформулирована кратко и точно: войти в прорыв на рубеже Леленувек, Ляпа, наступать в направлении Марьямполь, Кестжин, оседлать шоссе Бялобжеги — Едзянек, выйти к Пилице, форсировать ее и, захватив на левом берегу плацдарм, удерживать его до подхода главных сил корпуса. Особенно беспокоило всех предстоящее форсирование. Командир бригады, начальник штаба и все офицеры понимали, какая это серьезная преграда — Пилица. Тонкий лед не выдержит тяжести танков. Придется вброд. А течение быстрое, и ширина довольно значительная — от 400 до 560 метров. К тому же почти всюду берега болотистые. Комбриг приказал занятия по боевой подготовке подчинить одной цели — детальному изучению местности в районе предстоящих действий.

В этой большой, кропотливой работе верной опорой командирам были политработники и партийные организации. Они умело мобилизовали солдат, сержантов и офицеров на

успешное решение задач по подготовке к предстоящим боям. Повседневная работа проводилась по интернациональному воспитанию личного состава, с учетом того что бригада находилась вдали от Родины. [100]

В начале января 1945 года танкисты узнали о новом дружественном акте монгольского народа. Маршал Чойбалсан отправил на имя главы правительства Советского Союза телеграмму, в которой говорилось, что «в дни новых, великих исторических побед Красной Армии монгольский народ отправил эшелон подарков в количестве 127 вагонов в двухосном исчислении».

На этот раз труженики МНР слали доблестным советским воинам, громившим врага, 2000 шинелей, 20 000 полушубков, 31 000 пар валенок, 1600 пар сапог, 221 тонну мяса и мясопродуктов, 67 тонн хозяйственного мыла и другие предметы снаряжения и продовольствия, а также 12 460 индивидуальных посылок.

В телеграмме далее говорилось:

«Вместе с подарками нами переведено 2 миллиона тугриков на содержание подшефной танковой бригады «Революционная Монголия» и авиаэскадрильи «Монгольский арат».

Кроме того, в истекшем году монгольскими аратами было передано в подарок Красной Армии 10 000 голов лошадей.

В сборе средств и изготовлении подарков активно участвовало все население нашей республики, искренне стремящееся оказать посильную помощь родной Красной Армии.

Просим принять эти подарки как знак нерушимой дружбы наших народов и скромный вклад монгольского народа в общее дело победы над ненавистным врагом.

Чойбалсан».

Солдаты, сержанты и офицеры заверили, что в ответ на эту братскую заботу умножат в грядущих боях славу танковой колонны «Революционная Монголия».

Совершит марш, 14 января бригада, усиленная самоходной и зенитной артиллерией, а также понтонным подразделением, сосредоточилась в лесу в 2 километрах севернее Цецилювки.

Начальник политотдела подполковник В. Т. Помазнев перед началом боевых действий еще раз собрал накоротке своих работников, уточнил задачу каждого. Помощника по комсомольской работе старшего лейтенанта М. Я. Ботурлова он послал в передовой отряд. Агитатор майор А. Ф. Аронсон направился в танковые экипажи — разъяснить [101] только что полученное обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта. Инструктор по учету партийных и комсомольских документов старший лейтенант И. П. Радул, секретарь политотдела лейтенант В. С. Лындин да и сам В. Т. Помазнев почти все время перед началом наступления проводили среди танкистов и автоматчиков.

Первой после мощного огневого налета пошла вперед пехота. За ней — танки с десантом на борту. Вскоре они обогнали «царицу полей» и подошли к населенному пункту Добешин. Хотели прорваться с ходу, но завязался упорный бой. Стало ясно, что здесь к реке не прорваться.

Полковник Гусаковский получает приказ повернуть основные силы в западном направлении и выйти к реке в районе населенного пункта Строжец.

Этот маневр, неожиданный для противника, решил успех. Гитлеровцы начали отход по всему фронту действия бригады, и танкисты за какие-нибудь девять часов продвинулись почти на 50 километров.

Разведка передового отряда, возглавляемая капитаном П. А. Днепровым, проникла глубоко в тыл отступающего противника.

Неожиданно па дороге к реке разведчики нагнали автоколонну врага. Она шла к мосту через Пилицу. «А что, если пристроиться в хвост колонны, переправиться вслед за ней и только тогда открыть огонь?» — подумал Днепров.

Доложил об этом командиру передового отряда. Но тот приказал выяснить обстановку на других участках.

Надо уходить. А незаметно это уже невозможно было сделать.

Выбрав удобный момент, капитан Днепров приказал открыть по вражеской автоколонне огонь. Стрельба из орудий и пулеметов велась почти в упор. Вражеские машины несли большой урон. Среди гитлеровцев началась паника.

Воспользовавшись этим, разведчики свернули в сторону. Ночная темнота и лес скрыли их.

Было за полночь, когда впереди показалась чуть белевшая в темноте широкая полоса замерзшей Пилицы. Взвод лейтенанта И. Х. Кравченко, сбив боевое охранение в районе населенного пункта Улясин, первым вышел на правый берег реки. [102]

Надежно укрыв боевые машины, подождали, пока все утихло. Капитан, взяв с собой десантников, спустился на лед. Измерили толщину: всего 10—15 сантиметров. Танки не пройдут. Надо искать брод. Не менее важно также было узнать, какие силы сосредоточили гитлеровцы на противоположном берегу, попытаться хоть немного проникнуть в замысел противника. Решили взять «языка».

По льду продвигались по-пластунски. Белые маскхалаты помогли остаться незамеченными.

На противоположном берегу почти сразу же наткнулись на проволочное ограждение. Хорошо, что Днепров, предусмотрев это, приказал захватить в поиск все необходимое для преодоления «колючки».

Работали спокойно и быстро. Ни одним неосторожным звуком не выдали себя. В полной тишине подползли к боевому охранению. Прислушались. Судя по доносившемуся разговору, в окопе — два человека.

Все произошло в несколько мгновений. Вот уже оба «языка» скручены автоматчиками.

Капитан посмотрел на пленных и усмехнулся. Какой жалкий вид у них! Закутаны в женские шали, дрожат от страха, заискивая, заглядывают в лицо. Нет, не так вел себя первый пленный, захваченный им еще в Подмосковье, — молодой самоуверенный гитлеровский офицер.

«Языки» оказались разговорчивыми. Их показания помогли командиру бригады уточнить план дальнейших действий.

Батальону автоматчиков было приказано захватить плацдарм на противоположном берегу.

Два танковых батальона и приданный бригаде самоходно-артиллерийский полк ударили по обороне гитлеровцев и ближайшим населенным пунктам, где, как доносили разведчики, наблюдалось скопление войск противника.

Под прикрытием огня автоматчики пошли в атаку. Первым ступил на лед взвод лейтенанта А. В. Меньшикова. Он должен был отвлечь на себя внимание гитлеровцев, ворваться в их траншеи и завязать бой.

На середине реки был момент, когда казалось, что атака сорвалась. Ровное, ослепительно-белое под вспышками ракет поле простреливалось со всех сторон. Осколки и пули вонзались в лед. Останавливаться было нельзя. Единственное спасение — вперед. Но чтобы решиться на это, нужны мужество и вода. Автоматчики, возглавляемые [103] лейтенантом Меньшиковым, в полной мере обладали этими качествами. Они рванулись на врага. Через минуту во вражеских траншеях закипела рукопашная. В самых опасных местах был командир взвода. Вот он гранатой уничтожил пулемет, затем второй, а в следующий момент скосил автоматной очередью нескольких гитлеровцев. Потом повел своих гвардейцев на прибрежную деревушку Стамеровицы. Взвод выбил из нее гитлеровцев, закрепился на северной окраине.

Почти вслед за взводом Меньшикова старший лейтенант Юдин приказал начать форсирование основными силами батальона.

С 1-й ротой шли заместитель командира бригады подполковник Е. Я. Стысин и замполит батальона автоматчиков капитан Г. И. Воробьев. Когда они ступили на лед, гитлеровцы открыли такой плотный огонь, что автоматчики вынуждены были залечь. Огонь противника усилился, положение становилось критическим. В этот момент впереди залегшей

цепи появился замполит.

— За мной! — крикнул он и бросился вперед.

Рота дружным броском вырвалась из-под огня и через минуту уже вела бой во вражеских траншеях. Эту атаку умело поддержал огнем ручного пулемета рядовой В. М. Ошаровский.

За 1-й ротой устремились остальные подразделения батальона.

Когда через реку двинулась рота коммуниста старшего лейтенанта Ф. А. Лимарева, наша авиация начала бомбить вражеские траншеи. Именно туда, где взлетали космы разрывов, по собственной инициативе повел гвардейцев Лимарев. Его расчет был точным. Рота оказалась перед траншеями как раз в тот момент, когда самолеты, сбросив бомбы, повернули на аэродром. У гитлеровцев почти полностью было дезорганизовано управление, и, воспользовавшись этим, Лимарев решительным броском выбил их из траншей и, обойдя населенный пункт Томчице, перерезал единственную дорогу, по которой можно было отвести находящиеся в нем войска.

Пока пехота вела бой, на реке шла напряженная работа. В районе Томчице, где берега были не такие болотистые и можно было подвести танки к воде, гремели взрывы. Это саперы рвали лед, оборудуя переправу работали всю ночь на 16 января. Едва забрезжил рассвет, [104] танки стали переправляться на противоположный берег.

Начал форсирование Пилицы батальон А. А. Карабанова. Первой шла рота коммуниста старшего лейтенанта Орликова, а в голове ее — машина лейтенанта Кравченко. Ему пришлось практически разведать тяжелый брод, и это потребовало высокого мастерства. Большие льдины становились торчком, поднимались выше башни, закрывали смотровые приборы или же попадали под гусеницы, и тогда машина начинала буксовать. Но танк Кравченко уверенно преодолевал метр за метром, и, как только его гусеницы коснулись твердого грунта, вперед двинулись другие машины батальона.

Несмотря на сильный огонь вражеских батарей, рота Орликова быстро переправилась через реку и ворвалась в боевые порядки противника. В самом центре боя были машины лейтенанта Кравченко и его подчиненных — лейтенанта Г. А. Виноградова и младшего лейтенанта В. М. Бенберина. Соппротивление врага было сломлено, и это дало возможность остальным танкам батальона Карабанова форсировать реку.

Когда комбригу доложили, что танки Карабанова вступили в бой, он облегченно вздохнул. Теперь удержат плацдарм, пока не переправятся главные силы.

Но продолжать форсирование вброд было нельзя. Карабанов потерял на этом участке несколько боевых машин. «Пора наводить понтонный мост», — решает командир бригады. Сейчас, когда на довольно широком участке лед был перемолот гусеницами танков, разрывами снарядов и мин, это уже можно было сделать.

Саперы во главе со старшиной Сергеевым, получив приказ, приступили к работе. Все, кто наблюдал за ними в этот момент, поражались их мужеству и выдержке. Мост рос буквально на глазах.

И вот по оседающим от многотонной тяжести понтонам движутся танки майора Боридько.

Теперь очередь за майором Пинским. Полковник Гусаковский нетерпеливо ждал батальон Пинского и волновался, поспеет ли он вовремя к переправе. Если бы это был майор Орехов, прежний комбат, комбриг ни минуты не сомневался бы. Тот успевал всегда, даже когда возможности для этого, казалось, не было. Теперь на его место прислали майора Пинского Матвея Савельевича. Сегодня [105] ему серьезное испытание. Уж слишком сложно ночью без света пройти такое большое расстояние и не сбиться с дороги, не ввязаться в бой, когда кругом, слева и справа от клина, до самой Пилицы прорубившего гитлеровскую оборону, многочисленные очаги сопротивления. Успеет или нет? И сколько машин удастся ему провести целыми и невредимыми?

А майор Пинский тем временем скрытно вел свой батальон. Молча уходили, если где-то по вспышкам разрывов и трассам пуль замечали очаги сопротивления.

Маршрут был выбран удачно. Только в одном месте неожиданно выскочил немецкий бронетранспортер с пехотой.

Ни в коем случае нельзя его упустить! И Пинский хотел уже дать команду, когда в наушниках раздался спокойный голос механика-водителя Васи Боболева:

— Товарищ майор, прямо — бронетранспортер! Разрешите?

Пинский разрешил. Всей массой своего стального корпуса командирская машина ударила вражеский бронетранспортер, смяла его.

И снова вперед, не снижая скорости. То тут, то там, справа и слева от дороги, начинают попадаться остатки сгоревших танков, раздавленные фашистские орудия, трупы солдат и офицеров противника. Здесь прошли батальоны Карабанова, Боридько, Юдина. Ничего не скажешь: славно поработали гвардейцы!

Наконец дорога пошла под уклон, и впереди показалась река. Ее широкое белое русло пересекала полоса, в которой лед был разворочен, искромсан на мелкие куски. Посредине этой полосы тянулась узенькая цепочка понтонов, по которым один за другим медленно, осторожно, словно ощупывая под собой зыбкую почву, шли танки.

Недалеко от моста Пинский увидел бронетранспортер и знакомую фигуру Гусаковского.

Колонна остановилась. Пинский выскочил из машины и побежал к командиру, намереваясь доложить о прибытии. Тот жестом остановил его и коротко спросил:

— Все?

— Так точно!

Полковник шагнул к майору, обнял и крепко поцеловал его. Потом сказал, положив руки на плечи:

— Спасибо! Не ожидал, что так скоро догонишь. [106] Расстояние большое и ночь. Теперь я уверен, что батальон в надежных руках. Молодцы твои танкисты! — с видимым удовольствием сказал полковник и добавил уже обычным голосом: — Давай карту. Познакомлю с обстановкой...

К этому времени пехота и танки бригады, расширившие плацдарм, уже находились в населенных пунктах Папрошня, Могельница, Цегельня, очистив их от гитлеровцев. Батальон Пинского сразу же начал переправу и скоро сосредоточился на левом берегу Пилицы.

Майор Пинский вызвал к себе старшего лейтенанта В. К. Бахмарова. Надо было осветить карту, и, чтобы не демаскировать место расположения боевых машин, залезли в танк.

Комбат включил фонарик и внимательно посмотрел на Бахмарова. Среднего роста, худощавый. Очень обыкновенная внешность. Вот разве только брови необычные — густые, даже пушистые какие-то. Нависают над глазами и придают лицу выражение сосредоточенности и серьезности.

Бахмаров протянул гармошкой сложенную новенькую хрустящую карту. Пинский развернул ее, быстро сориентировался и, вынув из кожаной планшетки карандаш, сделал пометку:

— Здесь, возле деревушки Веньжевец, будете прикрывать нас со своим взводом. А догоните вот по этому маршруту. — Он привычным движением провел на карте линию и внимательно посмотрел на Бахмарова.

Старший лейтенант несколько мгновений молчал. И это Молчание понравилось комбату. Видимо, понимает серьезность задачи. Значит, выполнит.

Бахмаров поднял глаза от карты, спокойно посмотрел на комбата и сказал:

— Задача ясна. Разрешите выполнять?

На доведение задачи до членов экипажей и автоматчиков, которые в качестве десанта отправлялись с ним, старшему лейтенанту потребовалось всего несколько минут. Вскоре его машины, потушив огни, свернули в сторону от маршрута.

Когда прибыли на место, Бахмаров вылез из танка, осмотрелся. Примерно в двухстах метрах окраина деревушки. Местность ровная. Вернувшиеся разведчики доложили, что

впереди возле дороги — два сарая, набитые сеном. [107]

Бахмаров приказал сержанту, командовавшему автоматчиками десанта:

— На дороге поставить мины. Возле сараев выставить секрет. Как только появится противник и его машины начнут подрываться на минах, сараи поджечь, а самим по ложине, что вдоль Пилицы, вернуться к танкам, которые займут оборону здесь, в двухстах метрах от деревни.

Так и было сделано. В секрет поставили автоматчиков младших сержантов П. С. Максимова и И. М. Кожиневского. Они затаились, приготовив гранаты.

Медленно тянулись часы ожидания.

Наконец, уже перед утром, послышался звук моторов.

Немецкая колонна — танки, мотопехота, артиллерия — шла на большой скорости, видимо не ожидая здесь кого-нибудь встретить. Когда передний танк подорвался на mine, ярко вспыхнули оба сарая, ударили из орудий приготовившиеся к бою машины, а из автоматов и гранатами открыли огонь Максимов и Кожиневский. У противника началась паника. В результате стремительного боя было сожжено 2 танка, 8 бронетранспортеров и убито до 100 солдат и офицеров противника. Гитлеровцы вынуждены были повернуть назад.

Старший лейтенант Бахмаров со своим взводом и десантниками догнал батальон уже на марше. Все танки 44-й гвардейской бригады, прорвав первый рубеж обороны противника, проходивший по реке Пилица, повернули на юго-запад, ко второй линии оборонительных сооружений, соединявших города Лович, Скерневице, Рава-Мазовецка.

Во время боев по расширению плацдарма непосредственно в подразделениях находились политотдельцы бригады во главе с подполковником В. Т. Помазневым. С передовым отрядом шел старший лейтенант М. Я. Ботурлов. В боевых порядках батальона был и агитатор политотдела майор Аронсон. Иногда вопрос о приеме в партию решался прямо у танка, еще не остывшего после очередной атаки. Благодаря активной работе партийной комиссии за время Висло-Одерской операции было рассмотрено 55 дел по приему в ряды партии отличившихся воинов.

В боях на Пилице иногда создавалась очень сложная обстановка. Бывали моменты, когда гитлеровцы прорывались непосредственно к командному пункту бригады. [108] Однажды большая группа вражеских автоматчиков напала на машину политотдела с секретными документами. Возле нее оказались лишь часовой, шофер и секретарь политотдела лейтенант В. С. Лындин. Офицер не растерялся, организовал отпор врагу, при этом сам убил шестерых гитлеровцев.

Подобный случай произошел и с инструктором по учету партийных и комсомольских документов старшим лейтенантом И. П. Радулом. Он проводил беседу с водителями колесных машин чуть в стороне от колонны, когда неожиданно появившиеся гитлеровцы пошли в атаку. Политработник, выхватив пистолет, повел шоферов им навстречу. Через несколько минут противник был разбит и отошел, оставив на поле боя до десятка трупов.

На всех участках политотдельцы самоотверженно выполняли свой долг.

Там, где наступала бригада, еще в первую мировую войну проходила линия обороны. Гитлеровцы с исключительной тщательностью и педантизмом восстановили ее и усовершенствовали. На каждом километре было настроено множество противотанковых препятствий — рвов, надолб и т. п.

Это надо было сокрушить огнем и броней.

В передовом отряде шел батальон майора Карабанова.

Танкисты дрались самоотверженно, с большим мастерством. До города Лович оставалось километров тридцать с лишним, когда разведчики доложили, что фашисты решили взорвать мост через реку Бзура, отделяющую окраину города от центра.

Комбриг приказал батальону Карабанова не допустить этого. Было решено послать несколько танков с десантом, чтобы захватить мост, а потом ударить по железнодорожной станции, где находились эшелоны с советскими людьми и заводским оборудованием, предназначенные для отправки в Германию.

Карабанов вызвал добровольцев. Готовность выразил командир взвода старший лейтенант К. П. Никонов. Ему и было поручено это сложное и опасное дело.

Вскоре взвод Никонова с приданными ему отделением автоматчиков и несколькими саперами во главе со старшиной Сергеевым намного опередили колонну. Механики-водители выжимали из тридцатьчетверок все, что те могли дать. [109]

Когда впереди показался город, Никонов, оставив танки в укрытии, — он боялся раньше времени обнаружить себя — перебежками повел саперов и автоматчиков к мосту. Метрах в трехстах залегли.

Решили действовать двумя группами. Первая, куда вошли саперы и автоматчики, под руководством Сергеева, должна была снять часовых и разминировать мост. Вторая — группа прикрытия, ее возглавил сам Никонов.

Все было кончено за несколько минут: часовые сняты, команда подрывников, спокойно спавшая в домике неподалеку от моста, уничтожена без единого выстрела, мины и заложенная взрывчатка обезврежены.

По сигналу, поданному Никоновым, быстро подошли танки. Вот они уже на мосту.

Фашисты всполошились, лишь когда группа Никонова была на центральной площади города. Завязался ожесточенный бой. Противник обладал численным превосходством в живой силе и технике, но Никонов ни на минуту не забывал о второй части задачи: захватить станцию и любыми путями помешать фашистам увести находившиеся там эшелоны.

В самый разгар боя он посылает туда танк коммуниста В. М. Бенберина с задачей выйти на железнодорожное полотно, разрушить пути, не дать эшелонам уйти.

Когда машина Бенберина скрылась, маневрируя между домами, бой вспыхнул с новой силой. На два танка и горстку саперов и автоматчиков, которые были в распоряжении Никонова, со всех сторон навалились фашисты. Сколько их было? Трудно сказать. Гвардейцы не считали врагов. Только когда подошли основные силы бригады и город Лович был очищен от врага, обнаружили, что уничтожено 4 танка, 5 орудий, а количество раздавленных и сожженных автомашин так и не удалось точно подсчитать. Уже это во много раз превосходило силы, имевшиеся у Никонова.

Едва на улицах города показались наши танки — это батальон Карабанова спешил на помощь отважному взводу, — Никонов бросился в район железнодорожной станции, где, окруженный со всех сторон, дрался экипаж Бенберина. Увидев еще две советские машины с автоматчиками на борту, фашисты оставили попытки вывести железнодорожные составы, скопившиеся на станции. [110]

По приказу Никонова автоматчики прочесали вокзал и пристанционные поселки и обнаружили несколько одетых в гражданское гитлеровцев. Впоследствии выяснилось, что среди задержанных были три фашистских генерала и комендант города Лович.

За мужество и отвагу в этих боях офицерам Константину Павловичу Никонову и Василию Митрофановичу Бенберину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

При взятии города Лович отличился командир танка коммунист лейтенант Г. А. Виноградов. Он вместе с Никоновым принимал участие в захвате моста через реку Бзура. И в этом и в последующих боях Виноградов проявил большое мужество. Его экипаж уничтожил 2 танка, 6 пушек, 60 автомашин, 80 солдат и офицеров противника.

Когда Лович был уже взят, танк Виноградова вырвался, преследуя противника, за город, на шоссе Лович — Гнезно, где догнал довольно крупное подразделение фашистских войск. Виноградов приказал механику-водителю партгруппоргу роты В. Г. Рыхтенко развить максимальную скорость и направить машину на вражескую колонну. Через какое-то мгновение танк был уже в самой гуще вражеских автомашин, давя их гусеницами, круша броней.

В этот момент подоспели другие наши танки. Через несколько минут от вражеской колонны остались груды разбитой, покореженной техники да десятка два трупов по обе стороны от дороги.

Лейтенант Григорий Аркадьевич Виноградов был удостоен самой высокой награды Годины — на его груди засверкала Золотая Звезда Героя.

Вообще первые месяцы 1945 года были поистине «звездными». Семья Героев Советского Союза 44-й бригады увеличилась еще на несколько человек. Среди них майоры Федор Петрович Боридько, Матвей Савельевич Пинский, Алексей Алексеевич Карабанов, капитан Петр Алексеевич Днепров, лейтенант Иван Хотович Кравченко.

После взятия Ловича 44-я гвардейская танковая бригада в составе корпуса двинулась в направлении на Гнезно.

Упорные бои завязались возле деревни Цегельня. На участке наиболее сильных контратак противника оказался 1-й батальон. Он успешно выполнил поставленную [111] задачу. Большую роль здесь сыграло мужество коммунистов во главе с заместителем командира батальона по политической части капитаном В. И. Дорофеенковым. Даже в этой сложной обстановке он не забывал о партполитработе, добивался, чтобы каждый танкист глубоко понимал свою задачу, пропагандировал подвиги отличившихся — парторга роты лейтенанта В. С. Муляра, уничтожившего со своим экипажем «пантеру», зенитно-пулеметную установку и 27 солдат и офицеров противника; коммуниста старшины В. А. Быкова, раздавившего гусеницами боевой машины вражеские пушку, бронетранспортер и 3 автомобиля с военными грузами.

Обстановка под Цегельней была настолько сложной, что порой в бой вступали те, кому в обычных условиях редко приходилось делать это. Помощник командира батальона по хозяйственной части капитан интендантской службы коммунист И. К. Неклюдов вез боеприпасы и горючее ведущему бой батальону и неожиданно столкнулся с противником. Силами взвода обеспечения он организовал отпор врагу.

После взятия Цегельни танки пошли на Гнезно. Чем ближе подходили они к городу, тем яростнее становилось сопротивление врага.

Майор Пинский вел свой батальон с десантом на броне вдоль леса, то и дело сверяясь с картой. Наконец оборвались казавшиеся бесконечными зеленые шеренги сосняка. Совсем близко должен быть населенный пункт. Но его не видно — скрывает высота. Комбат выслал вперед разведку — танковый взвод Озерова с двумя отделениями автоматчиков. Одно отделение спешилось, пошло ложиной, а танки направились прямо.

Когда разведка отошла метров на сто, за ней медленно двинулся весь батальон. Пинский не спускал глаз с танка Озерова. Вот он вышел на дорогу. Зачем? Ведь там могут быть мины! И комбат по радио приказал командиру взвода взять правее или левое. Тот сразу же ответил:

— Вас понял. Есть, сойти с дороги!

Но было уже поздно. Майор Пинский с похолодевшим сердцем увидел, что на месте, где стоял танк Озерова, внезапно сверкнуло пламя и раздался взрыв.

Через минуту комбат был возле погибшей машины. Оказалось, что танк не на mine подорвался, а из [112] ближайшего окопа ударили по нему из фаустпатрона. Фаустника пристрелили автоматчики, но он уже сделал свое дело. Попадание было точным — прямо в боевую укладку. Снаряды, находившиеся в машине, сдетонировали, и танк в буквальном смысле разнесло на куски.

Гибель одного из лучших офицеров батальона и его товарищей ошеломила майора. Чем ближе конец войны, тем тяжелее переживаются потери. Но задерживаться нельзя. И майор Пинский, несколько секунд постояв с танкошлемом в руках над дымящейся воронкой, уже читает доставленное связным донесение командира отделения автоматчиков, отправившегося в разведку по ложине: «На восточной окраине населенного пункта — четыре противотанковые пушки. На южной, в домах, тоже четыре. У церкви штаб и до двухсот немцев. С запада чисто».

Прежде чем принять решение, майор по-пластунски пополз на гребень высоты и, маскируясь в прошлогодней траве, внимательно осмотрел в бинокль окрестность.

До деревни не больше километра. Расположена она буквой «Т» с запада на восток.

Быстро созрело решение. Раз разведка доносит, что с запада чисто, нет ни артиллерии, ни пехоты, значит, надо основными силами батальона ударить именно с этой стороны.

Спустившись с холма, Пинский собрал командиров рот, коротко изложил замысел.

Старший лейтенант Бахмаров, который заступил на место убитого под Рава-Мазовецка командира 1-й роты, спросил, печально глядя на комбата:

— Разрешите вместо погибшего Озерова назначить командиром взвода лейтенанта Пелевина?

— Разрешаю, — ответил Пинский.

Лейтенанту Пелевину было приказано, когда батальон пойдет в обход, оставаться со взводом на месте и наблюдать за противотанковыми пушками. Как только они развернутся и откроют огонь, атаковать их на максимальной скорости, накрыть огнем и гусеницами.

До западной окраины было около 5 километров. Гитлеровцы все-таки услышали звук моторов, но они не знали, сколько именно танков подходит. А батальон, выжав [113] из своих тридцатьчетверок все, внезапно появился там, где его совершенно не ожидали.

Особенно отличилась 2-я рота. Именно она расстреляла штаб, пулеметными очередями скосила пехоту.

Когда же фашистские батареи развернули свои орудия, чтобы открыть огонь по 2-й роте, лейтенант Пелевин подал команду «Вперед», и его танки рванулись вниз по склону на деревню.

Вражеские артиллеристы попытались половину орудий направить против взвода Пелевина, но в этот момент по ним открыла огонь 2-я рота.

После боя подвели итоги: уничтожено 9 противотанковых орудий, 4 бронетранспортера, до 100 гитлеровцев.

Бригада подошла к городу Гнезно.

Гитлеровцы решили пойти на хитрость. Обычно, чем ближе атакующие танки, тем больше огневое сопротивление. А в городе было подозрительно тихо.

Полковник Гусаковский, внимательно наблюдавший за ходом боя, понял замысел врага: пропустить танки в город и на узких улицах уничтожить их огнем из фаустпатронов.

Командир бригады немедленно остановил наступающие танки и приказал батальону капитана В. С. Юдина уничтожить фаустников.

Автоматчики, среди которых по-прежнему находился заместитель командира бригады подполковник Е. Я. Стысин, быстро начали очищать улицы от притаившихся на верхних этажах гитлеровцев с фаустпатронами — грозным для танка оружием. Особенно активно действовала рота коммуниста лейтенанта В. П. Худякова.

Когда в самый разгар боя за Гнезно рота поднялась в атаку, по ней из-за каменного дома ударил пулемет. Автоматчики залегли. И сразу же, не ожидая приказа командира, от общей цепи отделился рядовой Я. Д. Зыков и по-пластунски пополз обходным путем к вражеским пулеметчикам. Невдалеке от них он поднялся и метнул гранату. Взрывом был уничтожен весь расчет и разбит пулемет. Рота поднялась в атаку и продвинулась до следующей улицы.

Жаркий бой разгорелся за железнодорожную станцию, где стояли два подготовленных к отправке эшелона с военным имуществом. Пулеметчики старшего сержанта К. П. Иванова, действовавшие в качестве десанта [114] на броне, появились на железнодорожных путях и помешали врагу осуществить его замысел.

Первыми на улицах Гнезно появились танки Карабанова. Среди них была машина Виноградова. И он, и механик-водитель Рыхтенко, и командир орудия Спесивцев действовали так, что враги в ужасе разбежались, когда появлялся их танк.

Отличился и батальон Боридько.

Комбриг произвел детальный разбор боев за город. Были отмечены высокое мастерство и мужество механиков-водителей старшины А. М. Фролова, сержантов А. Т. Данилова и С. Г. Лагутина. Из командиров рот этого батальона лучшим был признан старший лейтенант В. А. Казьмин, который со своими гвардейцами шел в голове основных сил бригады.

Удар, нанесенный 44-й гвардейской танковой бригадой по Гнезно, был настолько силен, что гитлеровцы не смогли организованно отойти, и танкисты буквально на плечах противника ворвались в следующий населенный пункт.

Дальше наступать было рискованно, хотя фашисты продолжали беспорядочно отходить. Комбриг приказал остановиться, закрепиться и привести в порядок материальную часть.

Это решение было своевременным. Поблизости оказались крупные силы гитлеровцев. Они сразу же стали предпринимать попытки отбить город. Но танкисты держались стойко.

Разведчики — пешие и на боевых машинах — усиленно вели поиск во всех направлениях.

Один из танковых взводов, выделенный для этой цели, в районе деревни Беднары наткнулся на аэродром противника с большим количеством самолетов. Когда доложили командиру бригады, он приказал: «Уничтожить!»

Но взвода было недостаточно для этого. Решили выслать еще танковый и мотопехотный взводы. Понимая исключительную важность поставленной задачи, их повел сам Пинский. Он обратил внимание танкистов и автоматчиков на то, что успех может быть достигнут лишь в случае, если действовать скрытно и быстро.

Действительно, противник обнаружил наши танки, только когда они открыли стрельбу прямой наводкой по огневым точкам, охраняющим аэродром. Организовать [115] сопротивление было уже невозможно, и гитлеровцы, бросая оружие и боевую технику, стали разбегаться, но тут же попадали под меткие очереди наших автоматчиков.

На каждый экипаж пришлось по несколько десятков самолетов. Командир орудия старший сержант И. И. Чертков огнем из пушки и пулемета уничтожил 48 самолетов и около 50 солдат и офицеров противника. Смело, инициативно действовали сержанты П. М. Атряскин, А. Н. Задисенец, старшие сержанты И. П. Переверзев, И. И. Животенко, старшины М. И. Кузнецов, Н. С. Стомбала, младший лейтенант А. В. Савинцев и многие другие участники этой, можно сказать, уникальной по своему характеру операции. Врагу был нанесен огромный урон — уничтожено более двухсот самолетов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1945 года гвардии майору М. С. Пинскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тем же Указом высшей награды Родины был удостоен еще один командир батальона бригады — майор Ф. П. Боридько.

Федор Петрович Боридько поражал своим мужеством и отвагой даже фронтовиков, которые сами в полной мере обладали этими качествами. О нем восторженно отзывались все, кто прошел суровую школу боев, — люди, не раз смотревшие смерти в лицо, обычно скупые на похвалу.

Почти сутки находилась 44-я гвардейская танковая бригада в освобожденном ею городе Вильнау. Отбив все атаки гитлеровцев, пытавшихся восстановить положение, приведя в порядок боевую технику, танкисты вечером 22 января по приказу командира корпуса двинулись дальше.

Ночью передовой отряд достиг роши в 2 километрах восточнее населенного пункта Оборники и завязал огневой бой с противником.

Командир бригады хотел с ходу занять Оборники, форсировать реку Варта и захватить плацдарм на левом берегу, но этот замысел осуществить не удалось. Гитлеровцы приняли все меры, чтобы отстоять Оборники — крупный узел шоссейных и железных дорог, занимавший важное место во всей их обороне. Фашистское командование держало здесь очень сильный гарнизон, в [116] составе которого имелись специальные подразделения пехоты, вооруженные фаустпатронами, много артиллерии и танков. Почти все каменные дома на улицах были превращены в доты. Примерно в полутора километрах от населенного пункта проходил противотанковый ров.

Противнику удалось отбить первую атаку гвардейцев. Комбриг приказал остановиться, организовать тщательную разведку вражеской обороны и бродов через Варту, а также

проделать проходы в противотанковом рве. Это потребовало довольно много времени.

Наконец все было готово. Уточнив задачу с командиром 1454-го самоходно-артиллерийского полка и 58-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, полковник Гусаковский приказал с рассветом произвести огневой налет на Оборники, а потом начать штурм.

Казалось, огнем нарушена оборона противника и посеяна паника в его рядах. Но как только танки двинулись вперед, стало ясно, что гитлеровцы держатся по-прежнему крепко. Танкисты продвигались медленно. Наиболее успешно действовала рота старшего лейтенанта В. А. Казьмина. Она первой ворвалась на окраину населенного пункта.

Но танкам нельзя было развернуться. На улицах, особенно в окнах многочисленных каменных домов, было полно фаустников. Полковник Гусаковский приказал командиру батальона автоматчиков В. С. Юдину прикрыть танки. И гвардейцы выполнили эту трудную задачу.

Автоматчик рядовой А. В. Вербин, когда увидел, что станковый пулемет мешает продвижению роты, по собственной инициативе подкрался к нему и уничтожил гранатой. Коммунист старшина П. П. Третьяков заменил раненого командира роты. Он поднялся под пулями во весь рост, повел роту в атаку и командовал ею до конца боя.

Коммунист старшина П. З. Брылев, командир огневого взвода истребительно-противотанковой батареи батальона автоматчиков, когда потребовала обстановка, выдвинул пушки на прямую наводку и уничтожил около 40 гитлеровцев, бронетранспортер и две пулеметные точки. В эту минуту он меньше всего думал о себе.

Таких примеров было много. Героизм стал нормой поведения в батальоне автоматчиков бригады. [117]

Однако взять Оборники не удалось. И вторая атака не увенчалась успехом.

Когда стемнело, полковник Гусаковский подвел итоги дня. Отвоевана, по сути дела, только южная окраина Оборников. И за этот более чем скромный успех заплачено довольно большими потерями. Было ясно, что пробиться к центру не дадут фаустники, ведущие огонь по танкам чуть ли не из каждого окна. Придется занять оборону и ждать подхода мотострелковых частей, которые смогли бы по-настоящему прикрыть танки в уличных боях.

О своем решении командир бригады доложил командованию.

А в это время части 11-го гвардейского танкового корпуса, сосредоточившись в районе реки Варта, вели тяжелый бой, стараясь расширить плацдарм на левом берегу. Это был небольшой клочок земли, насквозь простреливаемый фланговым огнем. И хотя Варта была очищена ото льда, навести мосты не представлялось возможным, да и понтоны находились далеко позади, отстав от стремительно вырвавшихся вперед танков.

Полковник Гусаковский получил приказ сдать обороняемый участок подошедшим частям и сосредоточиться в расположении основных сил корпуса. Командование задумало осуществить маневр в обход Познани.

Быстро и организованно корпус совершил марш к месту переправы через Варту и по нему к исходу 25 января перешел на противоположный берег южнее Познани.

Отсюда, развивая наступление, танкисты вышли на свои северные маршруты западнее города.

Первой, прокладывая путь корпусу, шла 44-я гвардейская танковая бригада.

К 17 часам 26 января бригада с ходу ворвалась в населенные пункты Поджебе и Пинне. Здесь комбриг приказал остановиться, подтянуть тылы, привести в порядок машины. Выслал разведку и поставил задачи командирам батальонов.

Танкисты продолжали наступление, освобождая от врага последние километры польской земли.

К 10 часам 29 января бригада получила задачу форсировать реку Обра. У всех, от комбрига до солдата-автоматчика, сидящего на броне танка, было приподнятое [118] настроение. Ведь там, за рекой, — гитлеровская Германия. Еще несколько часов — и танки выйдут на ее территорию!

44-я гвардейская танковая бригада, выделенная вместе с приданными ей артиллерийскими и инженерными частями в передовой отряд корпуса, быстро форсировала реку и продолжала наступление. В этот день она продвинулась с боями на 30 километров.

В первых боях на территории гитлеровской Германии отличился автоматчик рядовой П. В. Осокин. Этот парнишка, едва достигший 18 лет, вынес из-под огня раненого парторга батальона и стал перевязывать. Вдруг появился гитлеровский офицер, вооруженный гранатами и пистолетом. Но Осокин не растерялся и выстрелил первым.

Полковник Гусаковский был обеспокоен той сравнительной легкостью, с которой были пройдены эти первые километры по вражеской земле. Что это? Беспечность уверенного в своих силах противника или задумана какая-то каверза?

И комбриг приказал остановиться и выслал вперед разведчиков. Их донесение еще более настораживало. Дороги преграждают стальные надолбы в несколько рядов. Они идут широкой полосой с севера на юг. Границ, где эта полоса начинается и заканчивается, установить не удалось.

Стало понятно, что впереди — мезеритцкий укрепленный район, один из многочисленных оборудованных по последнему слову техники комплексов оборонительных сооружений, прикрывавших не только Берлин, но и все центральные районы гитлеровской Германии.

Позже, когда были захвачены чертежи и схемы, установили, что здесь были не только «зубы дракона» — стальные надолбы в шесть-семь рядов. В полосе этого укрепленного района, оборудованного на удобном для обороны рубеже, — целая система озер и рек, текущих с юга на север, — имелись железобетонные доты, наружные стены которых были толщиной до двух метров. Сверху их прикрывали полутораметровые земляные подушки. А у некоторых даже были стальные бронеколпаки в 25—30 сантиметров. Все сооружения соединяли подземные ходы сообщения — настоящие туннели двухметровой высоты и свыше трех с половиной метров [119] ширины. Вправо и влево от них находились помещения для штабов, узлов связи, госпиталей. Из любого туннеля по специальному подъемнику легко можно было подняться непосредственно в дот.

Всех этих подробностей командир бригады не знал. Он понимал, что перед ним мощный укрепленный район, и напряженно думал, почему в этих отлично оборудованных дотах почти никого нет.

Чтобы принять окончательное решение, комбриг вместе с командирами подразделений сам произвел тщательную разведку. Было установлено, что надолбы в месте пересечения дорог чем-то отличаются от остальных. После проверки оказалось, что они не закреплены, а только вставлены в специально подготовленные гнезда. Если вынуть — путь для танков свободен! И один из мостов в глубине оборонительного пояса не взорван. От других остались только обломки, а этот целехонек.

Что это? Ловушка? В первый момент так и показалось, но, чем больше думал об этом командир бригады, тем все определеннее приходил к выводу, что для себя оставили немцы этот проход, дабы иметь возможность сманеврировать и нанести контрудар по наступающим нашим войскам из глубины укрепленного района. Значит, нельзя терять ни минуты, и Гусаковский отдает приказ: «Вперед!»

Первым в глубь укрепленного района двинулся батальон майора Карабанова.

В 23 часа 29 января танкисты Карабанова ворвались на северную окраину города Хохвальде. Здесь, в узких проходах ущелий на берегах безымянной речки, соединяющей озера Хохвальде и Курзицер, вспыхнул встречный бой с частями боевой группы «Рейнфгард», который продолжался полтора часа.

Танкисты наголову разбили вражескую группировку. Хохвальде был очищен от врага. Но радость успеха омрачилась тяжелой утратой. Погиб майор Алексей Алексеевич Карабанов, замечательный командир, любимец всей бригады

Батальон возглавил его заместитель капитан П. А. Днепров. Он вел танкистов, прокладывая путь бригаде. К утру 30 января она вышла в район населенных пунктов

Мальсов, Линдов, Тауэрциг, Молькендорф. [120]

Бригада попала в сложное положение. Она оторвалась от главных сил корпуса на несколько десятков километров и потеряла с ними связь. Полковник Гусаковский отдал приказ остановиться и занять круговую оборону. Двое суток танкисты вели тяжелый бой, отбивая атаки противника.

В тылу врага особенно трудно приходилось автоматчикам бригады, прикрывавшим боевые машины и в наступлении, и в обороне. Но они отлично делали свое дело.

Автоматчик рядовой А. А. Крутисвет 30 января под Линдовом был в составе боевого охранения. Ночью, когда на участке, за который отвечал солдат, пыталась пройти вражеская колонна, он открыл огонь и погиб, забрасывая гранатами машины. Рядом с ним отважно сражался рядовой И. М. Тадевошук.

Тем временем противник привел в действие до мелочей продуманную систему обороны. Подошедшие главные силы 11-го гвардейского танкового корпуса были встречены плотным огнем и, потеряв несколько танков, вынуждены были отойти.

Связи с передовым отрядом по-прежнему не было. Тогда из штаба корпуса в эфир полетел приказ: «Вышлите промежуточную».

Разведчики, облазившие передний край, сообщили командиру корпуса, что следы гусениц ведут через надолбы и противотанковые рвы в глубь укрепленного района. Но все цело. Система инженерных сооружений не нарушена.

Комкор приказал командиру 45-й гвардейской танковой бригады попытаться пробиться по этому маршруту. Однако ничего не получилось. Как же прошел передовой отряд? Весь штаб корпуса ломал голову над этой загадкой.

Выслали два самолета По-2. Один был сразу же сбит. Второй ничего не сумел обнаружить из-за сильного тумана, обледенел и совершил вынужденную посадку в 20 километрах за линией фронта и только на следующий день возвратился.

Наконец связь с полковником Гусаковским была установлена через высланную им промежуточную радиостанцию, и все стало ясно.

На следующий вечер в двух местах, на участках [121] 40-й и 45-й гвардейских танковых бригад, артиллерией и огнем танков удалось пробить проходы через две линии надолб. Можно было начинать штурм мезеритцкого укрепленного района.

Однако обстановка резко изменилась. Разведка донесла, что противник накапливает значительные силы для контрудара во фланг наступающим. Командир корпуса, чтобы предотвратить угрозу, приказал 45-й бригаде выйти из боя и к исходу 31 января сосредоточиться на развилке шоссе в 10 километрах юго-западнее города Бирнбаум. Оборона была занята на широком фронте методом танковых засад. Это прикрыло правый фланг наступающих.

Благополучно сложилась и обстановка на левом фланге. Здесь 8-й мотострелковый корпус с утра 31-го начал наступление и стал быстро продвигаться на запад.

Теперь 11-й гвардейский танковый корпус мог, оставив небольшое прикрытие на дорогах перед укрепленным районом до подхода стрелковых частей, обойти его с юга. Так и было сделано. Совершив 50-километровый марш-маневр в направлении Иордан, Либенау, Шпигельберг, Лагов, Тауэрциг, главные силы к утру 1 февраля вышли в район, занятый 44-й гвардейской танковой бригадой.

Весь фронт восхищался ее смелым рейдом. Много было разговоров о героях бригады, в частности о подвигах командира взвода из батальона Карабанова лейтенанта И. Х. Кравченко при форсировании рек Варта и Обра, при прорыве мезеритцкого укрепленного района.

После того как главные силы корпуса вышли в район, занимаемый 44-й бригадой, началось наступление в направлении на город Геритц, расположенный на берегу Одера. Он был взят утром 2 февраля. И сразу же полковник Гусаковский приказал готовиться к форсированию.

Опыт подсказывал, что вначале, следует послать группу для захвата плацдарма на

противоположном берегу.

Командир батальона автоматчиков поручил лейтенанту А. В. Меньшикову подобрать добровольцев для выполнения этого опасного задания.

Все солдаты взвода захотели идти с ним. Но лейтенант выбрал лишь шестерых своих гвардейцев, в том числе младшего сержанта Н. П. Бондаренко и сержанта Ф. С. Гуделевича. [122]

Под покровом темноты группа дерзким броском преодолела ледяную гладь и завязала бой на берегу. Через несколько минут гитлеровцы начали отступать к находившейся неподалеку деревушке Ретвин. И хотя Меньшиков понимал, что они вот-вот опомнятся, поймут, что их преследует лишь горстка храбрецов, все-таки решил захватить населенный пункт.

Перед деревней противник попытался организовать сопротивление. Из траншеи по группе Меньшикова ударил пулемет. Автоматчики залегли.

Меньшиков кивнул в сторону захлебывающегося от злости пулемета и приказал младшему сержанту Бондаренко:

— Уничтожить!

Тот, вынув из сумки гранаты, пополз к траншее.

Через минуту раздались два взрыва. Путь на Ретвин был свободен. Гитлеровцы больше не сопротивлялись.

Группа Меньшикова залегла на западной окраине деревни, приготовилась.

Буквально через несколько минут противник перешел в контратаку. Автоматчики встретили его дружным огнем и отбили. Через некоторое время фашисты полезли снова. Так продолжалось два часа, пока не переправились основные силы батальона автоматчиков. Группа Меньшикова не только удержала Ретвин, но и захватила в плен 22 солдата и 2 офицеров.

Однако даже всему батальону автоматчиков вместе с приданными подразделениями не так-то просто оказалось удержать одерский плацдарм, пока на него переправлялись основные силы бригады.

На одном участке сложилась особенно тяжелая обстановка. Противник перешел в контратаку в несколько раз превосходящими силами.

В этот момент в цепи появился с автоматом в руках замполит батальона капитан Г. И. Воробьев. Его уверенность и мужество подействовали на автоматчиков. Они отбили контратаку. Воробьев был ранен, но, не обращая на это внимания, продолжал руководить боем.

Батальон автоматчиков и переправившиеся вслед за ним 5-я батарея 350-го артиллерийского полка и автоматчики 40-й танковой бригады держались, несмотря на яростные попытки гитлеровцев сбросить их в Одер, и [123] дали возможность танкистам успешно переправиться на плацдарм.

В районе Геритца решительно действовал батальон майора Пинского. Едва ступив на берег, он начал бой за расширение плацдарма.

Тем временем на левый берег Одера одна за другой переправлялись стрелковые части. 3 февраля 44-я бригада сдала одной из них занимаемый участок и была выведена из боя для укомплектования.

За героизм, проявленный в этих боях, лейтенанту Алексею Владимировичу Меньшикову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Высокое звание Героя Советского Союза заслужил и капитан Петр Алексеевич Днепров, отличившийся еще при форсировании Пилицы.

27-ю годовщину Советской Армии танкисты встретили, находясь на доукомплектовании. В подразделениях бригады в торжественной обстановке, перед строем была зачитана приветственная телеграмма маршала Чойбалсана. Руководитель братской страны писал танкистам: «Монгольский народ следит за героическими подвигами Красной Армии и восхищается ее победами... с радостью отмечает замечательные подвиги...

бригады». Заканчивалась телеграмма словами: «В эту знаменательную годовщину желаю вам дальнейших успехов в вашей героической борьбе за честь, свободу и независимость свободолюбивых народов мира. Монгольский народ, воодушевленный героическими подвигами Красной Армии и вашей бригады, самоотверженно трудится в тылу, чтобы усилить свою помощь фронту и тем самым приблизить день окончательной победы над врагом.

Слава героической танковой бригаде «Революционная Монголия», ее бойцам и офицерам!

Да здравствует героическая Красная Армия!»¹⁵.

В эти дни по всей Монголии ревсомольцы и молодежь писали письма танкистам бригады, носящей имя их Родины. Об одном из таких писем сообщила газета «Унэн» 4 марта 1945 года, когда 44-я бригада вела тяжелые бои в Прибалтике.

Заметка называлась «В честь 27-й годовщины Красной Армии». [124]

«В день 27-й годовщины ячейка ревсомола при Минфине и правлении Монголбанка написала письмо бригаде «Революционная Монголия».

В своем письме ревсомольцы поздравляли танковую бригаду с днем Красной Армии и с новыми боевыми успехами. Они сообщили о своих производственных делах, о том, что для помощи фронту в честь 27-й годовщины Красной Армии они работали в выходные дни и перечислили в фонд подарков для бойцов и командиров танковой колонны «Революционная Монголия» 1800 тугриков...»

27 февраля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. Еще несколько Золотых Звезд засверкало на груди самых отважных героев-танкистов. Теперь их уже стало 16 человек. А командир бригады полковник И. И. Гусаковский стал дважды Героем Советского Союза. [125]

У САМОГО БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Наступление начиналось трудно. Была распутица. Танки шли по шоссе, вытянувшись в стальную нить. Впереди 44-я гвардейская танковая бригада. В сторону не свернешь — болота. А кончится топкое место — шоссе вдруг нырнет в узкое дефиле. Справа и слева почти отвесные стенки. Настоящая ловушка для танков.

В другое время гитлеровцы непременно использовали бы все «узкие места» и малыми силами смогли бы не только успешно сопротивляться, а и, пожалуй, сорвать наступление.

Но гитлеровская Германия была парализована последними сокрушительными ударами Советской Армии. Лишь в отдельных городах и населенных пунктах фашистам удавалось организовать упорное сопротивление.

За два дня бригада продвинулась почти на 45 километров. В головном отряде шел 3-й батальон, которым командовал капитан П. В. Деркач. Танков у него было всего двенадцать. Но зато батальон был усилен дивизионом самоходно-артиллерийского полка, стрелковой ротой и истребительно-противотанковой батареей моторизованного батальона автоматчиков и достаточным количеством саперов и зенитных средств.

Противник отходил на север и северо-запад, минировав дороги, делая лесные завалы. Бригада, преодолевая препятствия, продвигалась в направлении на Неренберг.

К городу головной отряд подошел вечером 2 марта. Первая атака была неудачной. Комбриг прибыл в боевые порядки 3-го батальона. Выслушав доклады командиров подразделений, он приказал временно закрепиться, [126] в течение ночи тщательно разведать силы противника и систему его обороны, чтобы на рассвете повторить атаку.

Вернувшись в штаб, командир бригады вместе с подполковником А. И. Воробьевым детально обсудили план штурма Неренберга.

¹⁵ «Унэн», 25 февраля 1945 г.

С рассветом по южной окраине города был произведен огневой налет — залп минометов, приданных бригаде, и по два-три выстрела из танков и САУ. Вслед за этим 3-й танковый батальон с востока, а 1-й с юга при поддержке 1454-го самоходно-артиллерийского полка, наступающего вслед за боевыми порядками бригады, на большие скоростях подошли к Неренбергу. Ведя огонь на ходу; боевые машины ворвались на его окраину.

Оборона у противника была организована неплохо. Несколько противотанковых батарей прикрывали подступы к городу. В таких случаях успех во многом зависит от искусства механика-водителя. Но за рычагами управления боевых машин в 1-м батальоне — настоящие асы. Например, старший сержант И. Е. Волков. Когда вражеская батарея открыла огонь, он, умело маневрируя машиной, не дал возможности попасть в нее. Танк ворвался на огневую позицию и несколько орудий раздавил гусеницами. Умело вел в бой свою машину и старшина Б. А. Быков. Экипаж этого танка вступил в поединок с вражеской самоходкой и уничтожил ее. Старшина А. М. Фролов был ранен, но после перевязки снова сел за рычаги управления. Уверенно, тактически грамотно руководил своей ротой коммунист старший лейтенант И. С. Клещенок.

После двухчасового ожесточенного боя Неренберг был полностью очищен от врага.

Дальше наступление пошло легче. Кончились болота и узкие ловушки-дефиле. Был взят небольшой город Альтеншторхов, после чего тапки вышли на оперативный простор. Ночью на 3 марта бригада почти без боя вошла в Вангерин. Зато в Лабесе, который атаковали в 7 часов, гитлеровцы дрались отчаянно и оставили его лишь после двухчасового ожесточенного боя.

На улицах Лабеса основная тяжесть легла на батальон майора Пинского. Отличилась рота старшего лейтенанта В. К. Бахмарова, который был тяжело ранен, но не покинул поле боя, пока не выполнил поставленную задачу. [127]

Зная по опыту, что гитлеровцы, не надеясь удержать город, стараются увезти ценные грузы, Пинский послал несколько машин на железнодорожную станцию. И не ошибся: там уже стоял эшелон с военным имуществом. Попытка увезти его противнику не удалась.

После взятия Лабеса продвижение застопорилось. Гитлеровцы из последних сил стремились остановить наступление и бросались в контратаки с решимостью обреченных. Сильно мешала нашим танкистам вражеская авиация. Порой по 15—20 самолетов бомбили позиции, занимаемые бригадой в районе Штольценберга.

8 марта бригада по приказу командования сдала позиции польским частям и двинулась к Балтийскому морю в направлении на Гдыню, действуя в передовом отряде 11-го гвардейского танкового корпуса.

Батальон майора М. С. Пинского шел впереди. Только что он выбил гитлеровцев из очередной деревни и направился дальше, на Путциг, оставив за собой несколько сгоревших вражеских машин и десятка три трупов гитлеровцев.

Командир бригады догнал батальон в нескольких километрах за деревней. Танки стояли в укрытии.

Пинский подбежал с докладом. Поздоровавшись с ним, комбриг сказал:

— Я приехал, чтобы вручить правительственные награды танкистам. А вас поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза.

Полковник Гусаковский крепко пожал руку смутившемуся Пинскому, обнял его и поцеловал. Затем приказал доложить обстановку.

— Батальон наступает в направлении на Путциг, — начал комбат, развернув карту. — Впереди — узел обороны противника. С ходу взять не удалось, оказывает сильное огневое сопротивление. Местность гористая — нельзя обойти ни справа, ни слева. Придется прорывать с фронта. Чтобы уточнить расположение противотанковых средств и направление главного удара, выслал разведку в составе...

Полковник вдруг перебил комбата:

— Боболев — это ваш механик?

— Так точно!

— Он награжден орденом Отечественной войны второй степени. [128]

— Вася заслужил награду, — сказал Пинский.

Командир батальона закончил доклад. Все нетерпеливо поглядывали в сторону опушки леса, откуда вот-вот должны были появиться разведчики.

Наконец вынырнула из леса одна фигура, другая. Но что это? Одного несут на плащ-палатке! Кто это? Ранен или убит?

Побледневший от волнения Пинский шагнул навстречу разведчикам. Он почему-то сразу почувствовал, что несут Васю Боболева.

И действительно, его.

Возглавлявший группу старший лейтенант Шарипов доложил, как все произошло.

Разведчики почти сразу же обнаружили просеку, по которой можно не только обойти вражеский опорный пункт, но и пробраться в тыл к фашистам. Радостные, возбужденные удачей, они возвращались назад. Но вдруг увидели гитлеровцев — двух солдат и офицера. Дали по ним очередь из автомата. Солдаты упали и больше не поднялись, а офицер бросился бежать. Вася Боболев кинулся за ним. Он хорошо понимал, как важно захватить такого «языка». Остальные разведчики чуть отстали и, когда на какое-то мгновение, и беглец и его преследователь скрылись в кустах, услышали выстрел. Подбежав, увидели, что Боболев неподвижно лежит, вцепившись руками в горло задушенного им гитлеровца. Разведчики разорвали на нем гимнастерку и переглянулись. Рана была на левой стороне груди, у самого сердца. И все сразу поняли: это смертельно...

Когда раненого танкиста перевязали и перенесли в находившийся поблизости домик, он на несколько минут пришел в сознание. Обвел взглядом склонившихся над ним боевых товарищей. Узнал комбрига, командира взвода старшего лейтенанта Зайцева, комбата Пинского, попытался улыбнуться, но не хватило сил. Тихо попросил Зайцева:

— Спойте, пожалуйста, мою любимую...

Все поняли, что это последняя просьба умирающего. И дрогнувшим голосом Зайцев начал песню, которую танкисты сами сочинили. Бесхитростные слова были далеки от совершенства, но в батальоне очень любили песню. Вероятно, потому, что в ней говорилось о самых [129] заветных мыслях — о том, что будет после войны, когда «залечит раны наш народ».

Вася Боболев слушал закрыв глаза. Только губы чуть заметно шевелились, словно он тоже, как бывало, пел вместе со всеми.

Когда прозвучали последние слова, умирающий открыл глаза и еле слышно сказал:

— Спасибо за песню. Вам в бой, а я отвоевался. Прощай, дорогой комбат. Эх!..

Пинский постоял несколько мгновений, тяжело вздохнул и приказал положить тело на броню замыкающего танка.

Когда после команды «По машинам» танкисты бросились на свои места, майор Пинский подумал: горе будет фашистам, которые сегодня встретятся на пути его танков. И действительно. Батальон шел до самого Путцига, всё сокрушая на своем пути. Было несколько коротких, но до предела ожесточенных схваток. Остатки пятнадцати автомашин дымили на дорогах, где прошли танкисты Пинского. Было уничтожено около сотни солдат и офицеров противника.

12 марта в 9 часов бригада овладела городом Путциг и вновь вышла на берег Балтийского моря, на этот раз севернее Гдыни.

На окраине Путцига танкисты Пинского похоронили Васю Боболева.

В Путциге провели четыре дня. Пока по приказу комбрига велась разведка и тщательное наблюдение за противником, гвардейцы ремонтировали материальную часть.

16 марта полковник Гусаковский получил приказ поддержать своими танками стрелковую дивизию, наступавшую на Гдыню. Ближайшая задача: захватить маленький город почти на самом берегу Балтийского моря — Клайн-Катц.

Продвигались медленно. Дело осложнилось тем, что опять, как в начале операции, боевым машинам почти не было возможности для маневра: болота, лесные массивы,

множество текущих в разных направлениях речушек, — и все это прикрыто хорошо продуманной системой огня. Огонь был настолько плотным, что пехота то и дело отставала от танков, и они уходили вперед, ведя бой самостоятельно.

Но, несмотря на трудности, танкисты упрямо [130] пробивались вперед. В оперативном подчинении бригады находились три полка — 1454-й самоходно-артиллерийский, 270-й гвардейский минометный и 350-й легкий артиллерийский.

Был получен приказ — к исходу дня выйти в район города Клайн-Катц и занять его.

Перед началом наступления минометный и легкий артиллерийский полки произвели интенсивный артналет, и танкисты, сбив противника с обороняемого рубежа, уже за первые полчаса продвинулись вперед. Но дальше наступление застопорилось. Слишком силен был артиллерийский и минометный огонь из района отметка 117,7, Клайн-Катц. Пехота залегла и отстала. Танкисты вынуждены были действовать самостоятельно.

Путь преградила высокая железнодорожная насыпь. Полковник Гусаковский повернул бригаду влево. Вскоре танки наткнулись на совершенно непроходимый ручей. Комбриг вызвал саперов и приказал строить мост.

Танкисты, используя передышку, приводили в порядок машины. Всю боевую материальную часть бригады приказано было свести в 1-й батальон, которым после гибели Боридько командовал капитан А. Ф. Мырсинов. 2-й батальон вывели из боя и направили за получением новых боевых машин.

Вскоре наступление возобновилось, но продвижение шло медленно. Полковник Гусаковский приказал подождать подразделения 310-й стрелковой дивизии.

23 марта в 8 часов 30 минут, после артналета приданного бригаде 1454-го самоходно-артиллерийского полка по району Клайн-Катц, Виттомин, бригада совместно с батальоном 310-й стрелковой дивизии начала наступление вдоль железнодорожной линии на Клайн-Катц и вскоре ворвалась на западную окраину города.

Первой завязала бой рота, которой командовал старший лейтенант И. С. Клещенок. Здесь он и пал смертью храбрых.

На окраине города мужественно сражался старший сержант Г. Н. Шако. Он заменил раненого командира экипажа и, умело руководя действиями подчиненных танкистов, успешно отразил две вражеские контратаки. Мастерство и хладнокровие в самых критических ситуациях проявил механик-водитель старший сержант А. К. Черногоренко. [131]

После упорного боя западная часть города была взята. Дальнейшему продвижению мешал противотанковый ров. Прodelать проход в нем не удалось. Тогда полковник Гусаковский принял решение совершить маневр совместно с 40-й гвардейской танковой бригадой, которая к этому времени с подразделениями 310-й стрелковой дивизии заняла южную часть города, и атаковать Клайн-Катц с юга. К 7 часам 24 марта 44-я бригада сосредоточилась в районе церкви. Здесь ее и застал приказ наступать на Гдыню, взаимодействуя с 310-й стрелковой дивизией.

Вместе с 1454-м самоходно-артиллерийским полком и взводом 134-го отдельного саперного батальона бригада сразу же выступила из города, северная часть которого по-прежнему оставалась у врага. Имея мощные огневые узлы сопротивления и, кроме того, поддержанный с моря огнем кораблей, противник не давал возможности проделывать проходы в противотанковом рву, контратаковал.

В ходе наступления на Гдыню бригада взаимодействовала с 1080-м стрелковым полком 310-й стрелковой дивизии. К 11 часам 26 марта она достигла западной части города.

Бои сразу же приняли исключительно упорный характер.

1-му батальону была поставлена задача наступать в направлении кладбища, являвшегося частью опорного пункта фашистов, оборонявшихся крупными механизированными подразделениями, танками и артиллерией.

Первыми ворвались сюда три машины командира взвода лейтенанта А. Д. Ястребова. Он сразу увидел, что ему угрожают противотанковые орудия и «фердинанд». Мгновенно

оценив обстановку, Ястребов из двух зол выбрал худшее — самоходку. Прозвучал выстрел, и «фердинанд» вспыхнул. Но в этот момент одно из вражеских орудий ударило по командирской машине бронебойно-зажигательным снарядом. Лейтенанта ранило в обе ноги и руку.

Танкисты вытащили Ястребова из готовой взорваться машины. От потери крови и нестерпимой боли в обожженном лице он потерял сознание и не мог видеть, как 1-й батальон вышиб гитлеровцев с занимаемых позиций.

В Гдыне снова отличился старший сержант Г. П. Шако, который, возглавив экипаж во время боев в Клайн-Катце, продолжал им командовать. Его танк в составе [132] взвода участвовал в захвате вражеской колонны из 100 автомашин с военным имуществом.

Когда наступающим машинам преградил вырытый на улицах города противотанковый ров, на какое-то мгновение все замешкались. Первым сориентировался сержант А. И. Ширшов. Смелым маневром он на своем танке захватил ров и дал возможность наступающим проделать в нем проход.

Все время в гуще боя находилась машина, за рычагами которой сидел старший сержант А. К. Черногоренко, герой штурма Клайн-Катца. Он погиб во время жаркой схватки с танковым заслоном противника.

Даже в безвыходных, казалось бы, положениях танкисты сохраняли присутствие духа и добивались успеха.

На улицах Гдыни был подбит танк кандидата партии механика-водителя старшины Ф. М. Курзенкова. Но танкист, раненный, продолжал выполнение задачи.

Успешному захвату западной окраины города 1-й батальон во многом был обязан взводу коммуниста лейтенанта Н. А. Бабкина. Смелым натиском три его тридцатьчетверки сбили заслон и, захватив оборонительные сооружения, проложили дорогу остальным машинам.

Танкисты постепенно теснили гитлеровцев. Но враг был еще силен и огрызался отчаянно. Здесь, на окраине Гдыни, танкисты 44-й гвардейской танковой бригады похоронили многих своих товарищей, среди которых были старшие сержанты В. С. Солдатов, А. Н. Филин, В. А. Агапов, сержант В. Г. Тихонов и другие.

Ведя упорные уличные бои, очищая дом за домом, квартал за кварталом, 44-я гвардейская танковая бригада к 22 часам 26 марта полностью овладела западной частью города. С наступлением ночи полковник Гусаковский приказал закрепиться и организовать разведку противника. Однако в полночь комбриг получил приказ сдать занимаемый участок.

Так закончились напряженные бои в Прибалтике, длившиеся почти месяц (1—26 марта). На боевом Знамени 44-й гвардейской танковой бригады появилась еще одна правительственная награда — орден Суворова II степени.

27 марта бригада вышла из боя и, совершив 380-километровый марш, сосредоточилась в районе Борхова (12 километров юго-восточнее Ландсберга). [133]

«ДАЕШЬ БЕРЛИН!»

Раннее утро. А в лагере бурлит жизнь. Парторг роты лейтенант В. С. Муляр, вдыхая чистый прохладный воздух, широко шагает туда, где между высокими соснами, поблескивая свежей краской в веселых лучах апрельского солнца, стоят боевые машины. Возле них трудятся члены экипажей.

Парторг подошел, поздоровался. Не прерывая работы, танкисты ответили ему улыбками.

Муляр внимательно осмотрел свою машину и остался доволен тем, как ее готовят. Все, что нужно, проверено, изношенные детали заменены. Сейчас идет проверка ходовой части.

Прежде чем приступить к работе, парторг обошел все машины роты, посмотрел, как трудятся танкисты, послушал, о чем говорят. Смеются, шутят. У всех отличное настроение.

«Радуются ребята. Понимают, что впереди последний решительный бой — наступление на Берлин», — подумал лейтенант. Да разве только они! Все в бригаде, как только прибыли в этот лес неподалеку от небольшого города Борхов и расположились лагерем, с нетерпением ждут приказа. Когда командир бригады распорядился заниматься боевой подготовкой и готовить к бою матчасть, некоторые отнеслись к этому без энтузиазма. Но это в большинстве своем молодые солдаты. Фронтовики же понимают, как важно лишний раз на ящике с песком проиграть предстоящую задачу и проверить в танке все до последнего винтика.

Помогая своему экипажу обслуживать машину, наблюдая за тем, как идут дела возле других танков, лейтенант Муляр думал о событиях последних дней. Вспомнил о комсомольском собрании бригады, которое было [134] проведено в эти горячие дни подготовки к штурму Берлина. Готовил его помощник начальника политотдела по комсомольской работе Михаил Бутурлов, человек с огоньком. Много интересных дел по его инициативе успели провести комсомольцы бригады, готовясь к боям за Берлин.

Весь день парторг работал возле своей машины, а каждую свободную минуту использовал для того, чтобы поговорить с танкистами о предстоящих боях. В один из перерывов рассказал им о собрании партийного актива бригады. Повестка дня — «Задачи партийных организаций в предстоящих боях за Берлин». Горячо, страстно говорили представители партийных организаций батальонов о том, какое им предстоит великое дело — участвовать в окончательном сокрушении врага в Берлине. Все гордились этой исторической миссией.

Хорошо сказал в своем выступлении Герой Советского Союза лейтенант Григорий Аркадьевич Виноградов:

— Заверяю партийный актив, что с честью выполню оказанное мне доверие. К боям за Берлин полностью готов и я, и взвод, которым командую.

Настроение танкистов выразил и командир роты старший лейтенант Бахмаров:

— Наступил долгожданный день. Клянусь беспощадно крушить врага!

Большую работу вели все коммунисты бригады. Они стремились так настроить людей, чтобы слова боевого приказа, который все с нетерпением ждали, как искры воспламенили бы сердца танкистов. Все было подчинено этой цели: и приезд генерал-полковника М. Е. Катукова, вручившего бригаде за участие в Померанской операции орден Суворова, и митинги, прошедшие в батальонах после награждения, и партийные собрания, на которых лучших воинов принимали в партию...

Памятным событием для гвардейцев стал приезд Михаила Ефимовича Катукова.

Для встречи командарма полковник Гусаковский выстроил бригаду на просеке соснового леса.

Когда появилась группа генералов и офицеров во главе с М. Е. Катуквым, командир бригады подал команду «Смирно». Стало так тихо, что передние шеренги слышали перезвон орденов и медалей на груди у приближающихся командиров. [135]

Полковник Гусаковский подошел с рапортом к Катукву.

На командарма, на его две Золотые Звезды и покрывающие грудь многочисленные ордена и медали с восторгом смотрели все стоящие в строю: и ветераны, и молодые солдаты из пополнения, совсем недавно прибывшие из далекого Нижнего Тагила.

Катуков, приняв рапорт и поздравившись с гвардейцами, зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 44-й гвардейской танковой бригады орденом Суворова и, прикрепив новую награду на алый гвардейский стяг, сказал:

— Поздравляю вас с правительственной наградой. Желаю вам в предстоящих боях быть мужественными и беспощадными к врагу.

Трижды прогремело «ура». Командарм улыбнулся и продолжал:

— И еще с одним знаменательным событием хочу поздравить вас, товарищи. Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии полковник Гусаковский награжден второй медалью «Золотая Звезда». Отныне ваш командир — дважды Герой Советского Союза!

Генерал Катукв вручил ордена и медали награжденным танкистам.

Хороший это был день. Но едва уехал командарм и те, кто его сопровождал, праздничное настроение сменилось деловой озабоченностью. Танкисты снова пошли в парк, к машинам.

Вечером, когда стемнело и возле машин работать было уже нельзя, комбриг и начальник политотдела собрали офицеров в «клубе» — так называли большую брезентовую палатку, установленную на поляне.

— Мы создали вас затем, — сказал командир бригады, — чтобы обсудить задачи по подготовке к предстоящим боям.

Совещание проходило очень активно. Офицеры докладывали о том, что уже сделано по подготовке к штурму Берлина, вносили предложения.

Вот поднялся заместитель командира 2-го батальона по политической части капитан Илья Егорович Дранченко.

— Надо, — сказал он, — чтобы каждый батальон имел знамя, которое он должен водрузить на одном из важнейших административных зданий вражеской столицы. [136]

— Я не против, — сказал командир бригады и, обернувшись к Помазеву, спросил:

— А что думаете вы?

— Дранченко прав: пусть батальоны имеют свои знамена, — ответил Помазев.

Перед самым наступлением на танках 44-й бригады рядом со ставшими традиционными дарственными надписями монгольских трудящихся появились новые: «На Берлин!», «Путь домой — через Берлин», «Даешь Берлин!»

За полмесяца, что провели в лесном лагере, почти в каждый экипаж пришли новички. Предстоящие бои были для них серьезным испытанием. И это учитывали коммунисты.

Очень многое было сделано, в частности в 3-м батальоне. Командир капитан Павел Васильевич Деркач, замполит капитан Николай Федосеевич Бакин, парторг лейтенант Иван Петрович Петров уже самую встречу молодого пополнения постарались организовать так, чтобы она каждому новичку запала в сердце.

Особенно поразило молодых танкистов торжественное построение. Они смотрели на тех, с кем вместе завтра придется идти в бой. Шутка ли — у каждого на груди по три-четыре ордена, медали!

На торжественном построении присутствовал полковник Гусаковский. Молодые воины жадно ловили каждое его слово. Комбриг говорил о замечательных традициях батальона, о том, что долг каждого вступающего в гвардейскую семью — бережно хранить их и умножать.

Сердечно встретил пополнение комсорг батальона младший лейтенант Черняк. Особенно понравился ему экипаж младшего лейтенанта Шевцова. И механик-водитель старший сержант Семиколенов, и командир орудия сержант Сарапят, и заряжающий сержант Сарычев до того, как прибыли в бригаду, успели понюхать пороху. Интересно было с ними поговорить. Рассказали, как получали на заводе в Нижнем Тагиле свою тридцатьчетверку, как на митинге рабочие наказывали беспощадно громить врага.

— Вы, ребята, можете гордиться. В батальон вы попали замечательный, — сказал комсорг и начал рассказывать о последних боях.

В первую очередь, конечно, о бывшем командире [137] Герое Советского Союза майоре Карабанове. Потом о капитане Деркаче. Фронтвик, отважный, грамотный офицер. С таким в любой бой не страшно идти...

В оставшиеся до начала наступления дни активно велась пропаганда боевых традиций батальона среди пополнения. Комсомольцы-активисты выступали с беседами о боевом пути бригады. В подразделениях изучались памятки танкистам, в которых обобщался боевой опыт, давались конкретные советы о действиях в предстоящих боях.

Наконец был получен приказ на марш.

Решили провести комсомольское собрание. С докладом выступил начальник политотдела бригады подполковник В. Т. Помазев. Он рассказал о предстоящих боях, о трудной и ответственной задаче, поставленной командованием перед батальоном, и призвал

участников собрания бить врага, не щадя ни крови, ни жизни своей. После этого начальник политотдела вручил новые комсомольские значки.

Первому комсомольский значок был вручен младшему лейтенанту Черняку.

— Я уверен, — сказал комсорг, — что все мы будем с честью носить эти значки, приумножим славу нашего батальона в предстоящих боях.

Такую клятву дали все комсомольцы.

14 апреля в 19 часов бригада вместе с приданным ей 1454-м самоходно-артиллерийским полком выступила из лесного лагеря и, совершив марш, к 2 часам 15-го сосредоточилась в выжидательном районе.

Танкистам было зачитано обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта.

Торжественно и грозно звучали слова:

«Славой наших побед, потом и своей кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа гитлеровским захватчикам.

За нашу Советскую Родину — вперед на Берлин!»

Это пламенное обращение читали и горячо обсуждали во всех экипажах.

Снова команда «Моторы!». В 19 часов бригада выступила из выжидательного района и после шестичасового марша переправилась через Одер. Ей были приданы 1454-й самоходно-артиллерийский полк, 53-й отдельный гвардейский минометный дивизион, 1018-й зенитно-артиллерийский [138] полк и две саперные роты 17-й инженерной бригады.

44-я гвардейская танковая бригада имела задачу вместе с приданными ей частями утром 16 марта, с началом атаки 8-й гвардейской армии, двигаться в направлении на Зеелов, вслед за боевыми порядками первых эшелонов наступающих; как только пехота достигнет рубежа Гузов, Зеелов, Фридерсдорф, войти в прорыв на участке Зеелов, Фридерсдорф и наступать в передовом отряде 11-го гвардейского танкового корпуса.

3-й батальон прибыл в исходный для наступления район в час ночи. И хотя надо было еще замаскировать машины и дать людям возможность хоть немного поспать перед боем, капитан Бакин, лейтенант Петров и младший лейтенант Черняк нашли немного времени для партийных и комсомольских дел. Вначале накоротке собрались партийные активисты, потом пришли на несколько минут комсорги рот. Каждому было конкретно сказано, что надо делать завтра в бою.

Затем все легли спать. Лишь часовые стояли возле машин, молчаливые и настороженные...

Сержант Сарапят проснулся от грохота. Первая мысль была: «Гроза». Потянул на себя брезент, устраиваясь поудобнее. Вот-вот забарабанят по толстому брезенту дождевые капли.

Но что это? Не слышно, чтобы дождь шел, а грохот все сильнее, все оглушительнее.

Откинув брезент, Сарапят вскочил — и остановился, замороженный: в небе то появлялись, то исчезали огненные сполохи. Говорили «катюши».

Подошел командир орудия с соседней машины старший сержант Аркадий Перевозчиков, тоже, как и Сарапят, из пополнения.

— Смотришь? — спросил он. — Ну как, здорово «катюши» играют?

Через минуту весь батальон уже был на ногах. Занималось утро 16 апреля 1945 года.

Когда совсем рассвело, комсорг собрал новичков, многие из которых первый раз должны были идти в бой. Настроение у всех бодрое. Вот механик-водитель Сорхунов передает аккуратно сложенный листок.

— «В день, когда мы идем штурмовать Берлин, [139] — громко читает комсорг, — я хочу стать членом ВЛКСМ. Если погибну, прошу считать меня комсомольцем».

Оказывается, это заветное желание и многих других танкистов. Они тоже подготовили заявления. Их больше двух десятков. Черняк бережно расправляет исписанные разным почерком листочки и прячет в полевую сумку.

После артиллерийской подготовки, продолжавшейся полтора часа, боевые порядки противника основательно обработала авиация. И все же, когда части 8-й гвардейской армии

пошли в атаку, им удалось прорваться только через первую полосу обороны противника. Встретив упорное сопротивление на рубеже 2 километра восточнее Зеелова, 1,5 километра восточнее Людвигслуста, они остановились и в течение дня вели упорные бои, отбивая на подступах ко второму оборонительному рубежу контратаки танков и пехоты противника.

44-я гвардейская танковая бригада вошла в прорыв, имея в головном отряде 3-й батальон.

Первой двинулась разведка головного отряда. Командовал ею лейтенант Г. Виноградов.

Машина капитана Деркача все время держала с ним связь. Радист старшина П. Евлентьев внимательно вслушивался в эфир, повторяя все, что удавалось разобрать, комбату.

Наконец Евлентьев уловил голос Виноградова, докладывавшего обстановку:

— Идем вперед. Пока противника не видно.

И вдруг почти сразу же вслед за этим:

— Вижу гадов... Уничтожить! По танкам — огонь!

Подробности этого боя в батальоне узнали уже после взятия Зеелова. Возглавляемая Виноградовым разведка наскочила на танковую засаду — несколько «тигров».

Силы были неравные. Но взвод Виноградова принял бой. В первые минуты командирская машина метров с двухсот подбила один «тигр», потом другой. Но и ее взяли на прицел. Получив пробоину, танк Виноградова загорелся, а сам офицер был тяжело ранен. Танкисты на руках отнесли его в медсанбат. Командование разведчиками принял Герой Советского Союза лейтенант И. Х. Кравченко.

Достигнув безымянного ручья в 2,5 километра восточнее Зеелова, 44-я бригада остановилась и в течение нескольких часов вела тяжелый огневой бой. [140]

Оборона под Зееловом была у противника прочной — рвы, минные поля, надолбы. Рота старшего лейтенанта К. Никонова получила приказ взять укрепленную высоту перед городом.

Перед атакой в роту пришел заместитель командира батальона по политической части капитан Н. Ф. Бакин. Он собрал коммунистов и комсомольцев.

Беседа длилась недолго. Затем капитан Бакин, зная, что до сигнала атаки остается лишь несколько минут, молча пошел к машине, которая должна была идти первой, и занял место механика-водителя.

Не так-то просто оказалось сбить противника с высоты. О том, какой напряженной была схватка и с каким замечательным мастерством дралась рота, говорит ее боевой счет в этом бою: 8 танков, 3 зенитные батареи и около 100 вражеских солдат и офицеров.

При взятии высоты отличились многие, в том числе и экипаж младшего лейтенанта Шевцова.

Когда бой закончился, сержант Сарапят откинул люк и выглянул из танка глотнуть свежего воздуха. От остановившейся неподалеку машины подбежал старший сержант Перевозчиков.

— Ну как дела, Сарапят?

— Жарко было. Всего пять осколочных осталось...

Подвезли боеприпасы. Через несколько минут все уже работали, загружая снаряды. И в этот момент гитлеровцы открыли плотный огонь.

Тяжело ухнул взрыв, и свечкой вспыхнула наша машина. К ней сразу же бросились находившиеся неподалеку десантники и начали забрасывать пламя песком.

Экипаж из машины вытащили сразу. Трое почти не пострадали. Только старший сержант Перевозчиков был тяжело ранен в голову и через несколько минут скончался на руках у товарищей.

Тяжело переживали в батальоне эту потерю.

Вскоре враг полез со всех сторон на высоту, пытаясь вернуть ее. Сержант Сарапят почувствовал запах дыма, но продолжал стрелять. Подумал об опасности лишь в тот момент, когда в наушниках раздался голос механика-водителя старшего сержанта Семиколенова:

— Горим!

Командир танка приказал покинуть машину.

Семиколенов остался на своем месте, за рычагами [141] управления, стараясь вывести танк из-под обстрела. Это ему не удалось. Тогда экипаж стал забрасывать горящую машину землей и песком, не обращая внимания на пули и осколки от разрывающихся неподалеку снарядов. Танкисты всеми силами старались спасти машину и в конце концов потушили пламя.

Бои за Зеелов принимали все более затяжной характер. Город был совсем рядом, до него оставалось, если верить немецкому дорожному указателю, всего 2,5 километра. Но все попытки взять его оказывались безуспешными.

В основном вражеские укрепления штурмовали подразделения 27-й гвардейской мотострелковой бригады и 57-й гвардейской стрелковой дивизии. Активно действовал и моторизованный батальон автоматчиков бригады. Кое-где ему удавалось добиться успеха.

Рота под командованием старшего лейтенанта Хабибулы Рузиева 17 апреля смелой атакой выбила противника с занимаемого рубежа.

Очень инициативно и напористо действовало отделение, которым командовал коммунист старшина Иван Иванович Артемов. Старшина заметил в каменном доме фаустников, поджидавших наши танки. Он подполз по-пластунски к окну и ударил из фаустпатрона. Не успел рассеяться дым от взрыва, как герой-автоматчик был уже в комнате, где находились гитлеровцы, и стал расстреливать их из автомата.

Большую активность проявляли разведчики. Одному из них — сержанту Вениамину Григорьевичу Смирнову было приказано разведать вражескую огневую точку, которая сильно мешала продвижению нашей пехоты. Было непонятно, кто ведет огонь. Полевое орудие? Самоходка? Или, может быть, закопанный танк?

Сержант скрытно подобрался к месту, откуда раздавались выстрелы, и увидел, что это действительно закопанный танк противника. Когда разведчик стал уточнять местоположение бронированной машины, гитлеровцы заметили его и открыли огонь. Смирнов не растерялся. Смело приняв бой, он убил трех гитлеровцев. Вернувшись в свое подразделение, сержант указал точное расположение вражеского танка, который вскоре был уничтожен.

Активный поиск вели в районе Зеелова разведчики роты управления бригады. И часто добивались успеха. [142] Например, сержант Григорий Дмитриевич Чернов обнаружил замаскированную батарею противника, которая затем была уничтожена.

Большое мужество проявил ефрейтор Николай Иванович Шашков. Будучи в головном дозоре, он при разведке обочины дороги заметил группу гитлеровцев. Зашел к ним с тыла, используя складки местности, и открыл огонь. В результате двух вражеских солдат уничтожил, а девять взял в плен. Главное, что помогло Шашкову в этом нелегком единоборстве, — его удивительное спокойствие и присутствие духа. Он действовал неторопливо, но решительно и смело.

Разведчик роты управления сержант Василий Иванович Кузьмин, находясь в дозоре, встретил колонну немецких автомашин и открыл огонь. Среди гитлеровцев началась паника. Они разбежались, оставив на дороге две машины и четырех убитых.

Много дел было у саперов роты управления бригады. Рискуя жизнью, они разминировали мосты и дороги, по которым шли в атаку танки. Именно этим занимался на подступах к Зеелову коммунист старший сержант Андрей Ефимович Тепляков. Особенно трудно пришлось ему при разминировании моста. Противник вел огонь. Да к тому же мины были установлены с ловушкой. Но сапер справился. Помогло хладнокровие и отличное знание своего дела.

Надежно прикрывали с воздуха танкистов и автоматчиков, штурмующих Зееловские высоты, зенитчики. О том, какие это были мастера своего дела, можно судить по дошедшим до нас сведениям о командире зенитных установок старшем сержанте Сергее Александровиче Оленичеве. Когда на 3-й батальон пикировали бомбардировщики, он сбил два самолета «Фокке-Вульф-190».

Но все это были частные успехи. Зеелов держался, и было видно, что одной пехотой ничего не удастся сделать, потому что слишком сильным было огневое сопротивление. А танки наши не имели возможности пойти на штурм города. Единственно, что они могли сделать для оказания помощи пехоте, это, стреляя из орудий с места, постараться подавить огневые точки, мешавшие продвижению наших стрелков и автоматчиков.

В этой обстановке полковник Гусаковский принял решение повернуть бригаду влево и наступать по маршруту [143] Людвигслуст, Фридерсдорф. Только так, штурмуя Зеелов не с востока, а с юга, он мог оказать помощь частям 27-й гвардейской мотострелковой бригады и 57-й гвардейской стрелковой дивизии.

16 апреля к 18 часам после короткой, но яростной схватки танкисты овладели сильно укрепленным населенным пунктом Людвигслуст.

Основную задачу выполнял 3-й батальон. Его атака была дружной. В машине, первой ворвавшейся на улицу деревни, находился заместитель командира по политической части капитан Бакин.

Очень помог танкистам в момент штурма Людвигслуста командир саперного взвода роты управления бригады младший лейтенант Николай Петрович Борисов. Еще когда готовились к атаке, он заметил три дзота, которые своим огнем могли сорвать наступление. Борисов решил блокировать их. Взяв с собой отделение саперов, он переполз через железнодорожную линию и забросал дзоты гранатами.

После взятия Людвигслуста продвижение приостановилось. Путь танкам преградил взорванный железнодорожный мост.

На всех участках гитлеровцы усилили сопротивление. Особенно на высоте 53,2 и в районе населенного пункта Фридерсдорф.

Бригада закрепилась. И сразу же в разных направлениях ушли вперед разведчики, началась расчистка завала от взорванного моста и путей подхода к нему.

Сильно мешал своим огнем закопанный немецкий танк. Место его расположения никак не удавалось точно засечь. Это было поручено сделать разведчику из батальона автоматчиков бригады рядовому Валентину Павловичу Пономареву.

Пономарев по-пластунски полз по склону высоты. Вдруг до него донеслись голоса вражеских солдат. Прислушался и понял: корректируют огонь того танка, который он разыскивает.

Пономарев подполз ближе и увидел в траншее двух солдат — разведчика-наблюдателя и телефониста. Действуя решительно и быстро, он заставил их сдаться в плен.

Однако в тот момент, когда они подняли руки, экипаж вражеского танка, почувствовав, что в траншее что-то неладно, ударил по ней из пулемета. Пономарев был ранен, [144] но даже виду не подал. Он был рад, что танк этой очередью выдал себя.

Через некоторое время автоматчик Пономарев, сдав обоих военнопленных, докладывал командиру о выполнении задания.

Пока шла разведка, командир бригады и штаб уточняли взаимодействие с командирами 27-й гвардейской мотострелковой бригады и 57-й гвардейской стрелковой дивизии.

И вот после получасовой артиллерийской подготовки бригада совместно с пехотой пошла в атаку на Фридерсдорф.

В решающий момент штурма отличился 3-й батальон. Перед атакой заместитель командира по политчасти капитан Н. Ф. Бакин и парторг лейтенант И. П. Петров собрали накоротке коммунистов. Говорили просто: надо быть в первых рядах во время штурма. О том, как дрались коммунисты, ярко видно на примере командира танка лейтенанта Шадибека Насурлаева. Схватившись один на один с «тигром», он уничтожил фашистского бронированного хищника. Отлично действовали механики-водители старшие сержанты Павел Михайлович Антонихин и Владимир Николаевич Кузьмин.

Фридерсдорф был взят, но противник быстро опомнился, подтянул резервы, в том числе танки, и начал предпринимать яростные попытки отбить населенный пункт. Жарко пришлось 44-й бригаде. Лишь за три часа, с 12 до 15-ти, были отражены четыре вражеские

атаки, причем каждый раз гитлеровцы бросали в бой по 20— 25 машин.

Тогда противник, решив, что под Фридерсдорфом наносится главный удар, снял часть войск из-под Зеелова и подтянул их сюда. Этим сразу же воспользовалось командование 8-й гвардейской армии. В результате решительной атаки Зеелов был взят.

Теперь 44-я бригада имела полную возможность повернуть на свой прежний маршрут. И через Зеелов двинулась в направлении Мюнхеберга.

Фашисты сопротивлялись с фанатизмом обреченных. Бригада продвигалась медленно.

Упорные бои завязались возле деревни Герльсдорф. Первой вступила в соприкосновение с противником головная походная застава, выделенная от 3-го батальона, [145] действовавшего в качестве передового отряда. В ней находился парторг лейтенант И. П. Петров, после ранения замполита под Фридерсдорфом принявший на себя его обязанности.

В головной походной заставе в основном были танки взвода, которым командовал лейтенант Александр Александрович Коломенский. Офицер погиб на улицах этой деревушки, совсем немного не дойдя до Берлина.

Вслед за передовым отрядом шел батальон майора Пинского. Он вовремя оказался на месте, когда передовой отряд и пехота завязали бой. Противник, растерявшийся в первую минуту, вскоре оправился и даже пытался на одном из участков организовать контратаку. Но наши танкисты были начеку. Один только командир орудия старший сержант Иван Антонович Ишутин огнем из своего танка разбил 3 противотанковые пушки, поджег 2 автомашины и расстрелял из пулемета до 40 солдат и офицеров противника.

Однако вслед за этой контратакой началась вторая, потом третья. Танкисты 2-го батальона, отбивая их, проявили большую стойкость.

Как и в батальоне Деркача, вместе с ними на линии огня был парторг — лейтенант Никифор Михайлович Пидченко. Он тоже заменил раненого замполита. Во время одной, особенно яростной, контратаки офицеру пришлось взяться за автомат, а потом лечь за пулемет Дегтярева. Ведя меткий огонь, он уничтожил 12 солдат и офицеров противника.

Ну и, конечно, взятие Герльсдорфа, успешное отражение контратак было бы невозможно без дерзкой отваги десантников из батальона автоматчиков.

В один из критических моментов атаки на Герльсдорф по отделению сержанта Владимира Николаевича Квасова, которое очищало улицу от фаустников, ударил пулемет. Командир отделения приказал своим подчиненным продолжать выполнение задачи, а сам подобрался к вражеским траншеям и забросал гранатами огневую точку. В этот момент сержант заметил, как на одного из наших офицеров напали несколько гитлеровцев. Рискуя жизнью, Квасов вступил с ними в рукопашную схватку и спас офицера жизнь.

И еще одна деревушка на тяжелом пути к Берлину запомнилась танкистам и автоматчикам по ожесточенному [146] характеру завязавшихся за нее боев — Янсфельде. Ее брали 3-й батальон и десантники из батальона автоматчиков. Первыми героями этого боя были парторги обоих подразделений — лейтенант И. П. Петров и старшина Ф. Д. Седов.

В Янсфельде наши танки ворвались с ходу. Прошли сразу до самого центра. И когда танкистам казалось, что все уже кончено, гитлеровцы открыли ураганный огонь. Серьезную опасность для танков представляли фаустники.

В дело вступили автоматчики. Проверяя каждый дом, они выбивали с чердаков и верхних этажей притаившихся солдат с фаустпатронами. Одной из групп командовал парторг старшина Седов. Он очистил три дома, в которых было уничтожено большое количество фаустников и автоматчиков противника.

Шаг за шагом, тесня противника, 44-я гвардейская танковая бригада головным отрядом (батальон Пинского) 19 апреля достигла восточной окраины Мюнхеберга, перерезав дорогу, связывающую этот город с Берлином.

Пинский приказал внимательно наблюдать за дорогой: может быть, удастся взять «языка». Через некоторое время показался мотоциклист, на бешеной скорости мчавшийся в Берлин. Его захватили. Это оказался связной.

Содержание пакета, который он вез, не оставляло сомнений в том, что Мюнхеберг обороняют подразделения недавно подошедшей моторизованной дивизии «Рейх». Медлить нельзя, надо атаковать, пока гитлеровцы не знают, что наши танки уже так близко. Командир бригады одобрил инициативу Пинского, и тот, собрав командиров рот, поставил перед ними задачу.

Но атака не увенчалась успехом. Слишком сильным оказался гарнизон. Правда, танки ворвались в расположение противника и, утюжа его траншеи, уничтожили около сорока гитлеровцев, бронетранспортер и два противотанковых орудия. Но все-таки пришлось отойти, оставив на поле боя две горящие машины. Раненых членов экипажей удалось спасти.

Полковник Гусаковский, узнав о неудаче, приказал бригаде отойти в рощу западнее Янсфельде, привести в порядок технику и выслать разведку с задачей найти пути обхода.

Все оставшиеся танки свели в один батальон под командованием майора Пинского. [147]

Разведчики установили, что южнее Мюнхеберга сил у противника намного меньше. Значит, именно здесь надо атаковать. И бригада двинулась в обход, в направлении Эггерсдорф, Кинбаум.

В ночь на 20 апреля был взят населенный пункт Кинбаум, а на следующий день, после того как навели переправу через безымянную речушку, танки и десантники бригады заняли Рюдерсдорф. Полковник Гусаковский приказал продолжать наступление на северную окраину Калькберге с целью захвата переправы восточнее Тасдорфа. Но бригада встретила сильное огневое сопротивление и, потеряв три танка, закрепилась в северной части Рюдерсдорфа, ведя огневой бой танками и самоходками.

Эта вынужденная остановка была недолгой. Приданные бригаде самоходки произвели артиллерийский налет, и в 17 часов 21 апреля танкисты снова начали наступление. Уже через час они захватили переправу восточнее Тасдорфа, а вслед за этим очистили от противника и весь населенный пункт.

В этом бою был тяжело ранен заместитель командира батальона по строевой части, командовавший передовым отрядом. Его заменил замполит капитан И. Г. Дранченко. Он не только умело руководил действиями танкистов, но и сам уничтожил танк, 3 зенитных орудия и до 40 солдат и офицеров противника.

Ночь на 22-е прошла в тяжелых боях. Танкистам пришлось действовать в лесу и на улицах населенных пунктов Фогельсдорф, Дальвиц и других.

Утром передовой отряд подошел к деревне Калькберге.

Разведка установила, что мост, по которому должны пройти танки, заминирован. Его нужно было захватить целым и невредимым. Сделать это командир бригады поручил роте старшего лейтенанта Бахмарова.

Выход был один: дерзкая, ошеломляющая, стремительная атака, такая, чтобы противник опомниться не успел. И она удалась, несмотря на плотный артиллерийский огонь. Было уничтожено: зенитная батарея, 3 полевых орудия, танк и до 30 солдат и офицеров противника; взято в плен 50 гитлеровцев; захвачена колонна автомашин с военным имуществом.

Этой операцией Бахмаров руководил уже будучи раненым. Он продолжал воевать, отказавшись идти в госпиталь. [148]

В 7 часов 22 апреля 44-я гвардейская танковая бригада с боем ворвалась на восточную окраину Уленхорста — пригорода Берлина.

Первой шла машина командира танкового взвода лейтенанта Аверьянова. Все эти дни он был в передовом отряде. Там, где прошел взвод Аверьянова, остались догорать вражеская самоходка и 2 бронетранспортера. Были раздавлены гусеницами и уничтожены огнем несколько зенитных орудий и около 150 фашистских солдат и офицеров; захвачено 3 орудия, 8 автомашин с грузами и взято в плен более 100 гитлеровцев.

И вот передовой отряд — на улицах пригорода Берлина. На броне, как всегда, десантники. Среди них комсорг батальона автоматчиков младший лейтенант Сергей

Захарович Савицкий.

Командирская машина выскочила на площадь. Аверьянов в поле зрения прицела увидел высокий, массивные здания и сразу вспомнил о Знамени, которое ему перед боем вручил парторг батальона старшина Федор Дмитриевич Седов, сказав:

— Водрузишь на крыше первого административного здания Берлина.

Но может быть, в этом огромном доме есть фашисты? Надо проверить. Аверьянов сделал несколько пробных выстрелов из орудия и пулемета. Потом приказал открыть огонь всему взводу. На огонь никто не ответил. Открыв люк, лейтенант выскочил на броню. В одной руке он держал Знамя, в другой — пистолет.

Через несколько минут над крышей, крепко-накрепко привязанное к трубе, полыхало под лучами веселого апрельского солнца алое полотнище.

Вскоре танкисты овладели узлом железных дорог в южной части Уленхорста, но натолкнулись здесь на сильное сопротивление танковых, артиллерийских и пехотных подразделений противника, которые, используя канал, пытались задержать продвижение бригады. Комбриг приказал остановиться, закрепиться и организовать разведку.

Для усиления боевых порядков бригады командир корпуса прислал в распоряжение полковника Гусаковского 399-й самоходно-артиллерийский полк.

Пользуясь короткой передышкой, командиры и политработники подвели итоги первых боев за Берлин, рассказали об отличившихся. [149]

В Уленхорсте особенно четким было взаимодействие автоматчиков с танкистами. В одном месте танки были остановлены огнем вражеской батареи. Комсорг батальона младший лейтенант Савицкий крикнул:

— За мной, ребята!..

И спрыгнул на землю. За ним — несколько человек, самых смелых и отчаянных. Через минуту вся группа исчезла в развалинах домов.

Танкисты ждали, напряженно вслушиваясь. Батарею не обойдешь. Если на танках, то непременно надо атаковать в лоб. А этого делать нельзя. Условия, чтобы расстрелять тридцатьчетверки на прямой как стрела улице, почти идеальные. Вся надежда на тех, что ушли вместе с Савицким.

Наконец донеслись автоматные очереди, взрывы гранат. И сразу же вперед ринулись танки. Когда они ворвались на батарею, то увидели, что две пушки разбиты, расчеты уничтожены, а командир батареи взят в плен.

Большую опасность для танков представляли фаустники. Они открывали огонь внезапно и били точно. Танкистам трудно было бороться с ними. Выручали автоматчики бригады. В борьбе с фаустниками большое мужество проявили сержанты Иван Федорович Зайцев, Григорий Дмитриевич Чернов, Василий Иванович Кузьмин, ефрейтор Анатолий Романович Матвеев и многие другие.

В числе первых ворвался в Берлин экипаж младшего лейтенанта Шевцова. Танк мчался на большой скорости. То справа, то слева рвались снаряды. Механик-водитель старший сержант Семиколонов, опасаясь фаустников, старался держаться подальше от уцелевших домов.

Впереди шла машина командира взвода лейтенанта Коробова. В самый напряженный момент у него вышла из строя рация. И Коробов, чтобы отдать какое-то распоряжение, решился на рискованный шаг. Остановив машину, он выскочил на асфальт. И почти в то же мгновение ударил крупнокалиберный пулемет. Офицер упал.

В экипаже Шевцова все видели это. Семиколонов сразу же рванул машину за угол, откуда вел огонь вражеский бронетранспортер, а Сарапят быстро навел орудие и со второго снаряда зажег бронетранспортер. Так экипаж отомстил за смерть лейтенанта Коробова.

Утром 23 апреля начальник штаба бригады подполковник Воробьев доложил полковнику Гусаковскому, что [150] броды через преградивший путь танкам канал разведаны. Кроме того, есть мост. Можно продолжать наступление.

Самоходки и танки произвели огневой налет по западному берегу канала и по станции

Вульхейде.

В 13 часов комбриг отдал приказ «Вперед». Бригада частью по мосту, частью вброд с боем форсировала канал, заняла станцию Вульхейде и вышла на улицы Карлсхорста. Здесь она закрепились. Впереди была Шпрее — самая широкая в черте Берлина водная преграда.

24 апреля бригада получила задачу форсировать реку. Для усиления ей был придан батальон 27-й гвардейской мотострелковой бригады.

Преодолеть с боем широкую водную преграду в условиях огромного города очень сложное дело. Тем более что на противоположном берегу лес, где, образно говоря, за каждым деревом по вражескому автоматчику. Гитлеровцы могут в случае необходимости занять специально подготовленные траншеи, выкатить орудия на прямую наводку.

Чтобы лишить врага такой возможности, решено было батальону автоматчиков на подручных средствах переправить через Шпрее с целью захватить плацдарм, а главное — прочесать лес восточнее Трептова. А потом уже на пароме переправлять танки.

Но поредевшему в последних боях батальону автоматчиков оказалось не под силу прочесать лес. И как только первый паром с установленным на нем танком отчалил от берега, враг занял траншеи, выкатил орудия на прямую наводку и открыл огонь.

Гитлеровцы стреляли с близкой дистанции и быстро сумели поджечь танк. Был пробит и паром. Он пошел ко дну вместе с танком.

Стало ясно: в этом месте форсировать Шпрее не удастся. Командир бригады получил приказ выйти в район Кепеник и там на парамах механизированного корпуса переправиться через реку.

К 19 часам бригада сосредоточилась в районе переправы. За три часа все танки были доставлены на противоположный берег. Стали ждать подхода приданных бригаде 1430-го легкого артиллерийского полка и 53-го отдельного гвардейского минометного дивизиона.

В 6 часов 25 апреля бригада начала наступление. Она с боем форсировала канал Ландве в районе Трептов-штрассе [151] и продвигалась вдоль него, освобождая один квартал за другим.

Противник сопротивлялся отчаянно. Особенно упорные бои развернулись на Вейкзель-штрассе, где был специально оборудован узел сопротивления. На прямой наводке стояло несколько орудий. Наступающих то и дело контратаковали, маневрируя между домами, танки противника.

Наши танки искали обходные пути. Но и здесь приходилось огнем и броней таранить огромные каменные дома, превращенные гитлеровцами в опорные пункты, где каждое окно грозило выстрелом из фаустпатрона.

Несмотря на все трудности, танкисты к 23 часам 26 апреля освободили пятнадцать кварталов и вышли к перекрестку Майбахуфер-штрассе — Котбуссер-штрассе.

Здесь комбриг приказал закрепиться. Ночь выдалась беспокойная. То и дело вспыхивали яростные схватки с фаустниками и пехотой противника, пытавшимися просочиться в боевые порядки танков.

С раннего утра бригада опять двинулась вперед. Особенно трудно было, когда, очистив от противника Плануфер-штрассе и Обенграут-штрассе, танки вышли в район парков. Здесь противнику удалось сделать несколько лесных завалов и заминировать их. Чтобы преодолеть препятствия, пришлось крепко поработать и экипажам боевых машин, и саперам роты управления бригады.

К 17 часам 27 апреля танки подошли к узлу железных дорог западнее Меркен-штрассе. Комбриг знал, что здесь у гитлеровцев много артиллерии, пехоты, в каждом здании фаустники. Но сила сопротивления превзошла все ожидания. Противник вел сильный огонь по танкам из всех видов оружия. Командир бригады отдал приказ закрепиться.

На следующее утро бригаде было приказано атаковать этот превращенный в мощный опорный пункт узел железных дорог. Но противник сидел крепко, укрываясь за толстыми стенами, встречая танки продуманной системой огня.

Когда доложили об этом командиру корпуса, он приказал полковнику Гусаковскому

вернуться на Блюхер плац, переправиться по мосту на северный берег канала и очистить прилегающие кварталы. [152]

При выполнении этой задачи полковник И. И. Гусаковский был ранен. Бригаду повел его заместитель подполковник Е. Я. Стысин.

28 апреля ранило полковника В. Т. Помазнева. Политотдел возглавил его заместитель майор Н. Е. Золин. Но через два часа он был убит. Это была большая потеря для бригады. Золина, настоящего коммуниста, для которого главной заботой жизни было счастье и безопасность Родины, очень любили солдаты, сержанты и офицеры. Он воевал с врагом самозабвенно, не жалея себя. Два ордена Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» были на его гимнастерке в день гибели.

После того как был убит майор Золин, политотдел возглавил майор А. Ф. Аронсон и в завершающих боях по штурму вражеской столицы умело руководил действиями политработников.

29 апреля 44-я гвардейская танковая бригада еще на несколько кварталов продвинулась к центру Берлина. Во второй половине дня натолкнулись на баррикады, где сидели фаустники. Но танкисты уже накопили некоторый опыт действий в подобной обстановке. Фаустников выкуривали десантники, а боевые машины растаскивали баррикады. Целую ночь бригада вела тяжелый бой.

Утром Стысину передали приказ командира корпуса: бригаде оставить занимаемый участок, выйти в парк Генриха и быть готовой форсировать канал на участке Кейт-штрассе; в дальнейшем совместно с 27-й гвардейской мотострелковой бригадой овладеть западной частью парка Тиргартен.

Бригада и приданные ей части быстро сосредоточились в указанном районе. Стысин со штабом организовали дозаправку топливом, пополнили боеприпасы, уточнили до деталей вопросы взаимодействия с 27-й гвардейской мотострелковой бригадой.

Переправу через канал прикрывали крупные силы гитлеровцев. До 15 часов 1 мая бригада вела с ними тяжелый бой. Наконец противник, понесший большие потери, не выдержал натиска и отошел на северный берег канала, взорвав за собой мост.

Стысин приказал саперам восстановить его. И они в труднейших условиях под прикрытием огня танков и самоходных установок выполнили приказ. Бригада ворвалась [153] на занятый противником берег и стала теснить его к центру. К 22 часам было очищено еще пять кварталов. Танки 44-й бригады вышли к ипподрому.

К этому времени положение гитлеровских войск в Берлине стало безнадежным, особенно после того, как в районе Тиргартена соединились войска двух танковых армий. Танки бригады, сведенные во 2-й батальон, которым, после того как на Блюхер-плац был ранен М. С. Пинский, командовал его заместитель по политчасти И. Е. Дранченко, продолжая наступление, ворвались на центральную площадь города.

Некоторые машины дрались уже в непосредственной близости от рейхстага. В частности, экипаж, где командиром орудия был старшина А. И. Захаркин, ворвался в парк рейхстага и здесь уничтожил бронетранспортер и около двадцати вражеских пехотинцев.

В этот последний день штурма Берлина дерзко и смело действовали автоматчики. Ими умело руководили капитан Э. А. Шпильфогель, назначенный вместо выбывшего из строя В. С. Юдина, и замполит капитан Г. И. Воробьев, раненный еще 28 апреля, но оставшийся в строю до самой капитуляции Берлина.

В один из самых напряженных моментов боя танкисты получили приказ продвинуться вперед. Но на их пути — большой каменный дом, а в нем фаустники и в проломе нижнего этажа — противотанковая пушка. В лоб атаковать нельзя.

Командир огневого взвода коммунист старшина Ю. Ф. Богданов понял, что никто, кроме его артиллеристов, не сможет здесь помочь, и, не ожидая приказа, подал команду: «Расчет, на колеса!» Артиллеристы, выкатив орудия на прямую наводку, открыли огонь. Дом рухнул от нескольких прямых попаданий, а под его обломками были погребены и фаустники, и автоматчики, и пушка.

В грохоте взрывов, ожесточенной трескотне пулеметных очередей, отблесках бесчисленных пожаров агонизирующего Берлина истекали последние часы 1 мая 1945 года. В штабе бригады шла напряженная подготовка к завтрашнему дню. Прибыло подкрепление — танковая рота, а в 24 часа — моторизованный батальон автоматчиков 40-й гвардейской танковой бригады.

Но утром воевать уже не пришлось. Всех поразила удивительная тишина, окутавшая поверженную [154] вражескую столицу. Молчали орудия, замерли танки. Ни выстрела вокруг. Для людей, которые больше недели вели напряженные бои на улицах огромного города, это было оглушительнее любой канонады.

И когда поняли танкисты, что закончился их многотрудный боевой путь, то со слезами на глазах бросились друг к другу и стали обниматься и целоваться, радуясь, как дети.

Командование бригады подводило итоги боев в Берлине. О них подробно говорилось в отчете, написанном после окончания боев.

44-я гвардейская танковая бригада была среди наиболее отличившихся частей. Почти все члены экипажей были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В эти дни на торжественном построении был зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 года. За образцовое выполнение заданий командования бригада в седьмой раз была удостоена высокой правительственной награды. На ее боевом Знамени появился орден Кутузова II степени.

Наконец наступило 9 мая 1945 года — Праздник Победы, день всенародного торжества. На митингах, состоявшихся во всех подразделениях, ветераны боев с гордостью говорили о замечательном пути, который прошла 44-я гвардейская танковая бригада. От Москвы до Берлина в кровопролитных боях ковали гвардейцы славу. Теперь, когда смолкли орудия, они обещали зорко стоять на посту по охране мира и безопасности, отличной учебой и образцовой службой умножать традиции танковой гвардии.

За годы войны у танкистов стало традицией все наиболее значительные события в жизни бригады, а также праздники отмечать рапортом, который направлялся в далекий Улан-Батор, в адрес правительства братской республики. И вот наступил день, которого все ждали долгие годы войны. Советская Армия и весь народ одержали историческую победу. В годину суровых испытаний рядом был дружественный монгольский народ, который побратски делился всем, что имел, стараясь внести свой вклад в великую битву против гитлеровских захватчиков.

Об этом говорилось в телеграмме, которую командир бригады полковник И. И. Гусаковский и начальник политотдела бригады полковник В. Т. Помазнев направили в [155] адрес главы правительства МНР. С гордостью докладывали они, что на протяжении всей войны часть «Революционная Монголия» была одной из самых прославленных в Красной Армии. Яркое свидетельство этому — семь орденов на алом полотнище боевого Знамени.

Как всегда, телеграмма из части, за годы войны ставшей близкой и родной каждому арату, была опубликована в газете «Унэн».

Маршал Чойбалсан прислал танкистам ответ. От себя лично и от имени монгольского народа он выражал сердечную благодарность всему личному составу бригады за теплые поздравления и приветствия, присланные в связи с победоносным завершением Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Глава правительства МНР сердечно поздравил танкистов с великой победой.

«Монгольский народ, — писал товарищ Чойбалсан, — разделяет радость этой победы со своим искренним другом — советским народом и заявляет, что так же, как и в дни великих испытаний, он будет прилагать все силы к тому, чтобы оказать посильную помощь советскому народу в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства в бывших оккупированных районах».

В эти же дни «Унэн» опубликовала статью «Привет бойцам и командирам танковой части «Революционная Монголия». В ней выражалось глубокое удовлетворение и гордость: в звуках великого торжества по случаю победы над гитлеровской Германией слышится

славное имя монгольского народа.

«Эти танки, носящие имена «Маршал Чойбалсан», «Хатан-Батор Максаржаб», «Арахангай» и другие, — говорилось в статье, — вошли в Берлин с развевающимся Красным знаменем, сверкая боевыми орденами, от их могучих ударов сотрясались улицы, дрожало сердце гитлеровской Германии — трепетал в смертельном ужасе Берлин».

А танкисты 44-й гвардейской танковой бригады в это время уже занимались боевой и политической подготовкой, на полигонах и танкодромах обобщали и осваивали опыт Великой Отечественной войны. Шли первые недели мирной учебы.

Начинался новый, послевоенный период истории прославленной бригады. [156]

БОЕВАЯ ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Один за другим пролетали послевоенные годы. Оставались лишь краткие записи в историческом формуляре да рассказы о наиболее выдающихся событиях, что передаются друг другу солдатами, сменяющимися в строю под Знаменем части.

Но боевая история продолжается. Живы замечательные традиции танкистов 44-й гвардейской танковой бригады, ныне преобразованной в гвардейский танковый Бердичевский ордена Ленина, Краснознаменный, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды, орденов Монгольской Народной Республики Сухэ-Батора и Боевого Красного Знамени полк имени Сухэ-Батора. Командир, встречая молодое пополнение, начинает разговор словами:

— Часть наша особенная...

И это действительно так. Особенная. Из-за своей замечательной боевой истории, из-за того, что на Знамени ее восемь орденов. Здесь на каждом шагу современность переключается со славным прошлым, и это накладывает неизгладимый отпечаток на службу солдата.

У входа в комнату боевой славы приветствует новичка каштан. Каждую осень с тихим стуком роняет он на землю маленькие твердые плоды. Их бережно подбирают закончившие службу солдаты, прячут на дно чемодана и везут домой, в разные концы нашей страны.

Живет в полку легенда, что танкист, один из героев 44-й гвардейской бригады, всю войну возил с собой маленький, похожий на камушек светло-коричневый каштан, а в День Победы зарыл его в землю, дав жизнь могучему дереву.

Рядом с комнатой боевой славы — красочное панно, на котором в фотоснимках и картинах, написанных [157] в 1967 году гостившим в полку монгольским художником Гомбосурэном, отражен боевой путь гвардейской танковой бригады.

В части бывает много гостей. 22 февраля 1964 года монгольская делегация вручила части Красное знамя ЦК МНРП и Совета Министров МНР. Очевидцы этой встречи, ставшей началом нового этапа дружественных связей гвардейцев-танкистов с монгольскими трудящимися, старший лейтенант В. Павленко, майоры А. Захаров, А. Копицын и многие другие рассказывали, что все в этот день думали о другой важной в истории части дате — 12 января 1943 года, когда делегация, возглавляемая маршалом Чойбалсаном, вручила фронтовикам колонну танков «Революционная Монголия». Вспоминали — и сравнивали эти два события, разделенные десятилетиями, и ощущали горячее дыхание суровых военных лет, чувствовали, как неразрывно связана боевая история 44-й гвардейской танковой бригады с тем, что происходит на их глазах.

Такое же чувство испытали танкисты несколько недель спустя. В часть приехал ее бывший командир генерал Иосиф Ираклиевич Гусаковский.

Стояли морозы. Но каждое утро роты отправлялись в огневой городок на танкострелковые тренировки. На полигоне, не смолкая ни днем ни ночью, гремели разрывы, взметая вверх комья земли.

Прежде чем поехать туда, генерал долго ходил по городку, внимательно, даже немного придирчиво все осматривал. И хотя не высказал своего мнения, по выражению лица было

видно: доволен.

Потом была встреча с танкистами — без всякой официальности, сердечная беседа умудренного опытом человека с молодыми, только что вступающими в строй воинами.

И наконец — посещение комнаты боевой славы. Взволнованный, шагнул Гусаковский через порог, и те, кто был рядом, увидели, как генерал побледнел и на глаза его навернулись слезы. Ведь для него это были не просто фотографии, а люди, вместе с которыми он познал и горечь поражений, и радость побед. Для него это была часть жизни, суровая, трудная, но, несмотря ни на что, неповторимо прекрасная.

Знакомые, ставшие за годы испытаний родными лица, названия городов, которые навечно врезались в память, [158] потому что на их улицах каждый метр приходилось брать с боем. Сделав шаг к портретам героев, Гусаковский махнул рукой сопровождавшим его офицерам, и все тихо удалились, осторожно притворив дверь.

Генерал остался один. Когда через несколько минут все вошли, он все еще стоял возле портретов людей, которые были когда-то его ближайшими помощниками.

— Узнаю Усанова, — кивнул генерал на портрет героя. — Редкой отваги был человек. Его ничто не останавливало в бою...

Вспомнил Иосиф Ираклиевич также Орехова, Карабанова и других офицеров. Взял книгу отзывов, сел за стол, задумался на мгновение и затем быстро стал писать:

«С чувством радости и какого-то особого волнения посетил я родную часть и ее комнату боевой славы. С этой частью я прошел весь ее боевой путь — от Москвы до Берлина. Горжусь этим боевым путем, горжусь, что был членом этого славного, беспредельно преданного партии и Родине коллектива.

Желаю всему личному составу больших успехов в боевой и политической подготовке, желаю, чтобы боевые традиции героев-танкистов умножались отличной учебной работой».

Затем генерал Гусаковский и сопровождавшие его офицеры поехали на полигон.

Прибыли к вышке как раз в тот момент, когда к открытию огня готовилась рота коммуниста капитана В. Н. Стуликова.

Офицер понимал, какая ответственность ложится на него. Он внешне спокойно отдавал необходимые распоряжения, а сам между тем напряженно думал, кому же доверить стрелять в присутствии генерала. В роте немало огневиков, которые любую цель поразят без промаха. Но надо выбрать такого танкиста, который сумел бы показать все лучшее — и быстроту, и меткость.

Наконец он решил, что лучшей кандидатуры, чем рядовой Виктор Перепелица, не найти.

Солдат спокойно выслушал приказ офицера. Трудно сосчитать, сколько раз приходилось ему вот так, прильнув к прицелу, напряженно ожидать, когда же появится цель. Главное — не упустить этот момент.

И не упустил. Когда в поле зрения прибора глаз уловил едва заметные контуры мишени, руки привычно сделали свое дело. [159]

Еще мгновение — и центральная марка прицела смотрит в нужную точку. Можно открывать огонь. И рядовой Перепелица нажал на спуск.

У вышки вся рота, наблюдавшая за стрельбой, облегченно вздохнула:

— С первого!

Генерал остался очень доволен стрельбой и объявил рядовому Виктору Перепелице благодарность.

— Служу Советскому Союзу! — чуть дрогнувшим голосом ответил солдат. Много поощрений было записано в его служебной карточке. Но такую благодарность он получал впервые. Одно дело — когда тебя хвалит за высокое огневое мастерство командир роты. Совсем другое — когда благодарит тебя прославленный военачальник, на груди которого две Золотые Звезды Героя. К тому же человек, в годы войны командовавший родной частью.

В перерыве между стрельбами гвардейцы-танкисты окружили генерала. Он говорил о том, что без высокого воинского мастерства не может быть героизма в бою. Одним

мужеством не одержишь победу. Нужно еще умение быстрее и точнее врага, сидящего в мощной бронированной машине, выстрелить, провести свой танк там, где противник остановится в нерешительности. Прощаясь, генерал сказал:

— Не жалейте сил в совершенствовании воинского мастерства, всегда держите порох сухим. Будьте достойны славы танкистов-фронтовиков!

И хотя в этих словах не было ничего нового — каждый не раз слышал эту мысль от офицеров и сержантов,— они глубоко запали в сердца танкистов. Как и во время вручения монгольской делегацией Красного знамени ЦК МНРП и Совета Министров МНР, опять будто сама история шагнула в их жизнь и придала какой-то особый смысл повседневным делам на полигоне, на стрельбищах и учебных полях.

В эти мартовские дни почти каждую ночь какой-нибудь роте играли тревогу. Шли тактические занятия. Любой полевой выход рождал своих героев. Действовали как в настоящем бою. В атаку шли при закрытых люках, на предельной скорости, зачастую с боевой стрельбой. Не хватало только настоящего противника. Выход в поле представлял богатейшие возможности для использования опыта фронтовиков. Иногда даже тема занятий совпадала [160] с отдельными боевыми эпизодами, участниками которых были ветераны 44-й гвардейской танковой бригады.

Командиры, политработники, партийные активисты, комсомольские вожаки активно пропагандировали боевые традиции гвардейцев-танкистов.

Особый размах получила работа, когда в части началась эстафета боевой славы в честь 20-летия Победы над гитлеровскими захватчиками. Много инициативы проявил, например, сержант Афанасий Коровин, секретарь комсомольской организации 1-й роты.

В годы Великой Отечественной войны этой ротой некоторое время командовал капитан Петр Алексеевич Днепров, ставший Героем Советского Союза. Комсомольцы узнали, что прославленный танкист после увольнения в запас живет в Киеве, и написали ему письмо.

Вскоре пришел ответ. Вечером все собрались в ленинской комнате. Секретарь комсомольской организации начал читать:

— «Дорогие однополчане, получил ваше письмо. Был очень рад...»

Героя радовало, что рота стала отличной. Значит, эстафета тех, кто в грозные годы отважно сражался с врагом, передана в надежные руки.

«Личный состав роты, — писал Петр Алексеевич, — за время войны нес потери в живой силе и технике, но никогда не падал духом. Танкисты-фронтовики всегда выходили победителями. Не было случая, чтобы они не выполнили поставленной задачи.

Самым тяжелым испытанием для нас были бои на Курской дуге. Фашисты применили в этом сражении большое количество танков. Четыре дня танкисты нашей части стояли насмерть. Тогда решался вопрос — кто кого: возьмут гитлеровцы Курск или разобьют зубы о стальной кулак наших войск.

Об ожесточенности этих боев можно судить хотя бы по тому, что личному составу пришлось шесть раз менять технику на поле боя... Под Курском героически погибли командиры взводов старший лейтенант Форсинин и лейтенант Суханов. Не зная страха перед врагом, они водили свои танки в бой, дважды были ранены, но всегда возвращались в свое подразделение. Пали смертью храбрых механики-водители старшины Филалеев, Науменко и другие. Они сложили свои головы в тяжелых боях с ненавистным [161] врагом за правое дело, за счастье советского народа, за светлое будущее — коммунизм...

Высоко держите честь славной роты, в которой вы служите, умножайте замечательные боевые традиции героев-фронтовиков...»

Когда письмо было прочитано, некоторое время в ленинской комнате стояла тишина. Задумались ребята. Потом заговорили: надо написать ответ, дать слово прославленному однополчанину, что они будут достойны славы героев.

Письмо подготовили и на следующий день обсудили на открытом комсомольском собрании. Обещали удержать звание отличной роты. Каждый понимал: нет другого, более верного пути сохранить и умножить традиции героев-фронтовиков.

В других ротах комсомольцы тоже думали, как лучше пропагандировать боевые традиции. Секретарь комсомольского бюро батальона старшина сверхсрочной службы С. И. Звягинцев вел обширную переписку с ветеранами части, с родными и близкими погибших героев.

Как-то, перебирая материалы о Герое Советского Союза Федоре Петровиче Боридько, он обнаружил, что через несколько дней герою-комбату исполняется 50 лет,

«А что, если отметить эту дату?» — подумал комсомольский секретарь. Поговорил с активистами. Посоветовались с командиром.

И вот настал день юбилея. Все солдаты, сержанты, офицеры обратили внимание на выпущенный комсомольским бюро специальный бюллетень. В нем говорилось:

«Сегодня исполняется 50 лет со дня рождения Героя Советского Союза гвардии майора Боридько Федора Петровича, который в годы Великой Отечественной войны командовал нашим батальоном и пал смертью храбрых в боях на подступах к городу Гдыня (Польша) 19 марта 1945 года».

Далее бюро сообщало, что командование поддержало инициативу комсомольцев — изготовить бюст Героя Советского Союза Ф. П. Боридько и 1 сентября установить его на родине отважного комбата, в селе Яреськи, Решетилковского района, Полтавской области, перед школой, где он учился.

В течение лета 1964 года комсомольское бюро батальона, возглавляемое старшиной Звягинцевым, провело [162] много интересных мероприятий, использовало все формы и методы для того, чтобы солдаты и сержанты батальона, особенно молодые, знали о боевых подвигах не только Боридько, но и других героев — воспитанников 44-й гвардейской танковой бригады.

Каждое письмо, отправляемое прославленным в боях однополчанам, зачитывалось солдатам и сержантам. А когда приходил ответ — это было целое событие.

В последние дни августа 1964 года делегация танкистов выехала в село Яреськи. Возглавил ее командир отличного взвода офицер Валентин Нестеренко. Вместе с ним на родину Героя отправились рядовой Николай Машук, который в часы, свободные от занятий, лепил бюст Ф. П. Боридько, и старшина сверхсрочной службы Сергей Звягинцев.

В период подготовки к поездке на родину Героя состоялась встреча с подполковником Вячеславом Анатольевичем Мамаевым, который в годы войны служил некоторое время в 44-й танковой бригаде, исполняя обязанности заместителя командира роты по технической части. В этом подразделении командиром отвода был Герой Советского Союза старший лейтенант К. Никонов. В. А. Мамаев несколько раз встречался с майором Боридько.

Вячеслав Анатольевич вначале повел речь о боях на Курской дуге. Тяжело приходилось тогда танкистам. Почти все время дрались с превосходящими силами противника. К концу дня на чудом уцелевших машинах насчитывалось порой до сорока-пятидесяти вмятин.

Ветеран на минуту задумался, потом продолжал:

— В бою основа основ — высокое мастерство. Никогда не забуду случая, который произошел со мной однажды. В роту прислали новый танк. Прицел на нем был не такой, как обычно ставили на тридцатьчетверки. Техническая подготовка у меня хорошая. Немного времени надо было, чтобы разобраться, что принципиально нового в этом приборе. Но когда получали машину, стоял в наряде. Потом целый день был занят другими делами и забыл о прицеле. А наутро — в бой. И на этом самом танке. Более того, обстоятельства сложились так, что пришлось занять место у прицела, действовать за наводчика. А я ведь не имел никакого представления, где и за что братья. Верите, когда весь смысл происходящего дошел до моего сознания, волосы стали дыбом... А противник, заметив наш [163] танк, открыл огонь. Надо было отвечать — защищаться. Как сейчас вижу фашистский танк. Он разворачивается. Вот-вот ударит почти в упор. Хорошо, что другие члены экипажа не растерялись, подсказали единственно верное в таких случаях решение. Мы в считанные секунды разрядили пушку, по нижней производящей канала ствола навели в самое уязвимое

место вражеского танка. И ударили. Нам повезло: не промахнулись. Удачный выстрел спас от гибели и экипаж, и машину.

Откровенный рассказ офицера-фронтовика произвел сильное впечатление на танкистов.

Подполковник Мамаев внимательно посмотрел на окружавших его солдат и сержантов и продолжал:

— Мне хочется напомнить вам еще об одном условии победы в бою — о дисциплине, о необходимости строго выполнять все приказы и распоряжения. Никаких послаблений! Любое нарушение может иметь трагические последствия.

И Вячеслав Анатольевич рассказал, как в результате незначительного на первый взгляд нарушения воинской дисциплины погиб его товарищ — смелый, совершивший не один замечательный подвиг танкист.

Произошло это во время боев на Курской дуге. В роте было подбито несколько танков, в том числе и тот, на котором воевал танкист. Однако самому ему повезло — он даже не был ранен. После боя его вместе с другими отправили в тыл.

Человеку, который горел в танке, потерял боевых товарищей, место, где ему приказали ожидать дальнейших распоряжений, показалось глубоким тылом.

Ночь была теплой, поэтому спать легли под открытым небом, расстелив брезент прямо на траве. Лежали, курили, глядя на крупные яркие звезды, обменивались впечатлениями о последних боях.

Неожиданно над лесом появился самолет. Трудно было в темноте разобрать — наш или гитлеровский. По звуку мотора — как будто «кукурузник». Но на всякий случай подали команду: «Прекратить курение, потушить все огни!»

Танкист, о котором идет речь, не выполнил этой команды и продолжал курить.

Но это был все-таки вражеский самолет. Он летел, почти задевая верхушки деревьев. Летчик сразу заметил огонек сигарки и сбросил ящик с гранатами. [164]

— Вот так и получилось, — произнес Вячеслав Анатольевич. — Вышел человек живым и невредимым из боя, ожесточенного и кровопролитного, а погиб из-за такой мелочи. Нет, пожалуй, это неправильно. Нарушение дисциплины, каким бы оно незначительным на первый взгляд ни казалось, никогда нельзя считать мелочью. Дело это серьезное, и последствия могут быть очень печальные. Запомните это, друзья...

Молодежь хотела знать как можно больше, чтобы полнее, многограннее представить образы героев-фронтовиков, тех, кто сейчас является образцом для каждого танкиста части.

— Расскажите, как во время войны отмечались праздники, — неожиданно попросил один из присутствующих.

— Праздники? — переспросил Мамаев. — По-разному. Если позволяла обстановка, то ничуть не хуже, чем в мирное время. Но чаще всего иначе... Об этом хорошо в дневнике у Боридько сказано.

Вячеслав Анатольевич взял со стола толстую, издававшую виды общую тетрадь, полистал пожелтевшие от времени странички. Нашел нужное место и прочитал:

— «Первое мая. Вторые сутки веду бой, не выходя из машины».

И, посмотрев на задавшего вопрос, добавил:

— Вот так и отмечали мы праздники. Чем больше уничтожено врагов, чем дальше продвинулся на запад, тем больший почет тебе и слава. Так и у вас сейчас. Чем лучше стреляешь из танка, чем быстрее и безошибочнее водишь машину по трассе, чем настойчивее выполняешь взятые обязательства, тем больше оснований считать себя настоящим солдатом.

И Мамаев повел речь о повседневных делах, о том, как надо учиться и нести службу, чтобы быть достойными наследниками замечательной славы героев-фронтовиков.

Мамаева слушали с неослабным вниманием. Он говорил, словно размышляя, беседуя с товарищами по оружию, пусть значительно более молодыми по возрасту, но именно с товарищами. Он словно сам вручал присутствующим эстафету, передавал сыновьям лучшее, самое святое, что звало на подвиги отцов в грозные годы Великой Отечественной войны. И

это сердцем чувствовали все собравшиеся в ленинской комнате. [165]

Связи танкистов с трудящимися Монголии становились все более тесными и сердечными. Часто танкисты принимали гостей из братской страны. Так было в начале сентября 1964 года, когда воины отмечали День танкистов и 23-ю годовщину части. В торжественной обстановке подвели итоги боевой учебы за летние месяцы, поощрили ценными подарками лучших из лучших.

А вскоре произошло событие, имеющее большое значение и для истории части, и для укрепления советско-монгольской дружбы. 28 сентября 1964 года был опубликован Указ Президиума Великого Народного Хурала, в котором говорилось, что за исключительные заслуги в войне против гитлеровской Германии и в защите мирного труда народов, а также в ознаменовании 23-й годовщины со дня формирования и в знак крепнущей год от года дружбы танковая часть «Революционная Монголия» награждается высшей наградой МНР — орденом Сухэ-Батора. Для его вручения 11 октября 1964 года прибыла партийно-правительственная делегация МНР, возглавляемая Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров Республики товарищем Ю. Цеденбалом.

Встречать ее в полк прибыли генерал армии И. И. Якубовский и генерал-полковник С. П. Васягин.

Надолго запомнился танкистам этот день — и торжественное построение по случаю приезда гостей, и церемониал вручения награды, и все, что касалось пребывания монгольской делегации в полку.

«Мы, члены партийно-правительственной делегации МНР, — записал товарищ Цеденбал в историческом формуляре части, — с искренней радостью посетили прославленную в боях танковую часть «Революционная Монголия», стоящую на страже мира. Мы восхищаемся успехами личного состава в боевой и политической учебе, образцовым порядком всюду. От души желаем вам дальнейших успехов в вашей благородной миссии. Слава вам, гвардейцы-танкисты!

Да здравствует нерушимая монголо-советская дружба!

Цеденбал. 11.10.64 г.».

Немало лет прошло с тех пор. Давно уволились в запас и разъехались по домам солдаты и сержанты — участники этой встречи. Но в комнате боевой славы бережно хранится фотоальбом, где запечатлены основные моменты знаменательного события. Листает его молодой солдат, [166] слушает объяснения ветеранов, которые присутствовали при вручении части восьмой боевой награды, и сердце его переполняется гордостью, он с особой отчетливостью осознает, какая высокая честь служить в таком прославленном коллективе.

В комнате боевой славы, возле монгольского, как его называют, стенда, можно услышать и о том, как праздновалось 20-летие Победы над гитлеровской Германией. И тоже имеется альбом фотографий.

Гвардейцев-танкистов посетил тогда Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ж. Самбу. Встреча прошла в сердечной, теплой обстановке.

Примерно через два месяца гвардейцы-танкисты провожали в Улан-Батор на празднование 44-й годовщины Монгольской Народной Республики полковника В. Н. Белянина, майора А. А. Копицына, сержанта Н. П. Марьяша и ефрейтора А. В. Панчика.

Делегация пробыла в Монголии неделю и вернулась в часть 18 июля. А ночью по сигналу тревоги начались учения.

Когда вернулись и привели в порядок материальную часть, был объявлен выходной день.

Утром танкисты собрались в клубе на собрание, посвященное отчету делегации о поездке в Монгольскую Народную Республику.

Полковника Белянина, превосходного рассказчика, слушали затаив дыхание. Часто в зале раздавались аплодисменты. Особенно когда речь шла о ярком проявлении симпатий монгольского народа к советским людям. Солдаты, сержанты, офицеры аплодировали тому,

что дружба с трудящимися МНР, все более крепнущая и развивающаяся, была, есть и будет одной из самых славных страниц боевой истории части...

Знаменательным в развитии дружбы с трудящимися МНР был юбилейный 1967 год. Делегация танкистов опять поехала на празднование годовщины Монгольской Народной Республики. Возглавлял ее генерал И. И. Гусаковский. В состав делегации вошли полковники Г. С. Петровский и В. С. Юдин — ветераны бывшей 44-й гвардейской танковой бригады, увенчанные высшей наградой Родины — орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза. Вместе с ними в далекую Монголию ехали подполковник Каршинов и сержант Шишкин — те, кто [167] своим ратным трудом умножали боевую славу легендарной танковой бригады.

В Монголии делегация была встречена с исключительной сердечностью. Она побывала на предприятиях и в госхозах. Особенно волнующими были встречи с рабочими и служащими теплоэлектростанции в городе Дархан, а также с коллективом обувного комбината в Улан-Баторе. Во время приема у Председателя Президиума Великого Народного Хурала генерал Гусаковский вручил ему макет танка «Революционная Монголия», сделанный искусными руками солдат-умельцев. Товарищ Самбу тоже передал подарок гвардейцам-танкистам — цветной портрет Сухэ-Батора. Сердечной была встреча с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР товарищем Цеденбалом.

По пути из Монголии подполковник Б. Н. Каршинов остановился в Москве. По совету однополчан он разыскал диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана и от имени гвардейцев-танкистов попросил его прочитать перед микрофоном боевую историю 44-й гвардейской танковой бригады. Диктор согласился.

С тех пор голос Левитана часто раздается в комнате боевой славы. Молодые солдаты слушают о беспримерном мужестве своих отцов и старших братьев, сражавшихся под боевым Знаменем, к которому сейчас прикреплено восемь муаровых орденских лент.

Однажды погожим летним днем юбилейного года в часть приехали пятеро молодых людей из далекой Монголии: солист Государственного театра оперы и балета, композитор, балетмейстер народного ансамбля песни и танца «Алтай», оператор студии «Монголкино» и художник. Они приняли самое деятельное участие в подготовке к 50-летию Великого Октября.

Монгольские друзья оставили добрый след.

Каждый, кто въезжает в городок, сразу обращает внимание на огромное панно. Оно состоит из нескольких картин, написанных художником Гомбосурэном. Сюжеты взяты из боевой истории части. И пожалуй, лучшая из них та, на которой изображен момент вручения танковой колонны «Революционная Монголия» партийно-правительственной делегацией МНР, возглавляемой маршалом Чойбалсаном.

Во время праздничного концерта солдатский хор [168] исполнил две монгольские народные песни — «Восход солнца» и «Красное знамя», разученные под руководством композитора Дамирэна. А танцевальная группа темпераментно исполнила танцы «Табунщик» и «Возле родника». Это была работа балетмейстера Гочоосурэна.

Деятели монгольской культуры привезли скульптурную композицию, посвященную Сухэ-Батору. В центре военного городка на высоком постаменте установлен бюст прославленного героя монгольского народа, привезенный из далекой братской страны.

Торжественное открытие памятника состоялось 5 ноября 1967 года. На митинге было сказано много горячих слов, посвященных крепнущей год от года дружбе танкистов с трудящимися МНР. Большое впечатление на присутствующих произвело выступление командира танка «Революционная Монголия» старшего сержанта Сергея Доброва. Этот экипаж, словно эстафету из рук героев-фронтовиков, получил под свою команду машину, имеющую замечательную историю.

На одном из танков, переданных 12 января 1943 года делегацией трудящихся МНР, была надпись «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия». Он стал боевой машиной командира бригады — сначала М. Т. Леонова, а затем И. И. Гусаковского. Танк этот прошел

тяжелый и славный путь до Берлина и много лет стоял на почетном месте в боевом парке. Позже, когда получали новые машины, его сдали вместе с выслужившими свой срок тридцатьчетверками. Но как символ советско-монгольской дружбы, которая закалилась и окрепла в годы Великой Отечественной войны, надпись «Революционная Монголия» нанесли на башню одного из новых танков, полученных взамен списанных ветеранов. И передали его лучшему экипажу лучшей роты.

Именной танк прижился в этом подразделении. Каждую осень, когда подводят итоги, оказывается, что его экипаж — лучший.

Конечно, в экипаж «Революционной Монголии» включают танкистов, самозабвенно влюбленных в свою специальность. Но главное, видимо, в том, что и командир, и механик-водитель, и заряжающий понимают, что их машина все время на виду, на ней сходятся невидимые нити, связывающие замечательную боевую историю 44-й гвардейской танковой бригады с современностью. [169]

Именно об этом сказал Сергей Добров в своей речи на открытии памятника Сухэ-Батору. И каждый из присутствовавших понял, что в руках именно таких, как Сергей Добров, — боевая слава 44-й гвардейской танковой бригады и они сделают все, чтобы сохранить ее и приумножить.

Это они, солдаты шестидесятых годов, по зову сердца и по приказу Советской Родины вставшие под украшенный восемью орденами алый гвардейский стяг, в ходе эстафеты 50-летия Великого Октября завоевали части Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Вручение Знамени всем запомнилось. На торжественный митинг приехали монгольские друзья, представители местных партийных и общественных организаций. Среди победителей в эстафете были сверстники Сергея Доброва — командир отличного экипажа младший сержант В. Сидоров, его подчиненные — механик-водитель младший сержант В. Вахрушев и наводчик орудия ефрейтор В. Доценко, а также офицеры — командиры рот капитан В. Гуров, старший лейтенант В. Шмунь и многие другие. Они много и упорно потрудились. В летний зной и зимнюю стужу недели проводили на полигоне, участвуя в стрельбах и учебных боях. И когда их родную часть венчали почетной наградой, испытали глубокое удовлетворение от сознания, что их труд каплей влился в общий могучий поток достижений народа в честь знаменательного юбилея Родины.

Волнующая, торжественная минута вручения Знамени.

Под звуки марша, исполняемого духовым оркестром, на плацу перед строем появился генерал.

Приняв от командира части рапорт, он обошел строй, поздравил танкистов с высокой наградой, зачитал Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Памятное знамя генерал вручает командиру части. Тот целует алое полотнище и передает его знаменосцам.

Строг, продуман до деталей порядок вручения Знамени. До глубины души волнует происходящее молодых воинов, стоящих в строю.

Когда гвардии майор А. Кочеров в сопровождении ассистентов понес вдоль строя алое полотнище, грянуло «ура». Каждый солдат, сержант, офицер в эту незабываемую [170] минуту думал о том, какая великая честь выпала на их долю — стоять на страже государственных интересов Родины, отмечающей свою пятидесятую годовщину. Пройдет время, но те, кто будет на их месте в боевом строю, глядя на это Знамя, вспомнят добрым словом их, солдат юбилейного года, завоевавших почетную награду, оставленную в части на вечное хранение.

О почетной награде, завоеванной в преддверии золотого юбилея Великого Октября, написали ветеранам части, родным и близким погибших героев. В первую очередь, конечно, послали весточку на родину Героя Советского Союза Ф. П. Боридько.

Вскоре стали приходить ответы. Их зачитывали по вечерам в ленинских комнатах

подразделений. Молодые солдаты и те, которым вот-вот, с первыми осенними заморозками, уезжать домой, слушали затаив дыхание.

Вот отрывки из двух писем, полученных танкистами.

Пишет полковник запаса В. Т. Помазнев, бывший начальник политотдела 44-й гвардейской танковой бригады:

«После получения вашего письма вот уже двое суток я нахожусь в приподнятом, радостном настроении. Послал несколько писем по известным мне адресам ветеранам, некоторым позвонил по телефону. Сообщил своим бывшим однополчанам, что вы достойно встретили 50-летие Великого Октября, завоевали Памятное знамя Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР.

Дорогие друзья! Своим письмом, своим сообщением о большой победе, достигнутой в мирном ратном труде, вы очень обрадовали меня, воскресили в памяти имена тех, могилы которых остались на всем протяжении славного боевого пути 44-й гвардейской бригады, кто отдал свою жизнь во имя счастья и свободы Страны Советов, Родины Великого Октября.

От лица ветеранов части с глубокой сердечной радостью поздравляю вас с 50-летием Великого Октября. Мы гордимся тем, что солдаты, сержанты и офицеры родной части завоевали почетную награду — Памятное знамя. Спасибо вам, дорогие наши сыновья. Так держать и дальше. Это будет самая лучшая память тем, кто когда-то служил под боевым Знаменем нашей части, кто мужественно сражался с врагом и не дожил до светлого Дня Победы». [171]

А вот что написал старшина запаса Н. И. Алексеев, бывший радист, воевавший почти всю Великую Отечественную войну в составе 44-й бригады:

«Я был бесконечно рад, когда получил ваше письмо. Спасибо за то, что вы высоко держите наше боевое Знамя, ставшее вашим Знаменем. Горжусь вашими успехами и сердечно поздравляю с высокой наградой — Памятным знаменем Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Дорогие товарищи! Почетно служить в восьмиорденоносной части, но и трудно. Вы, конечно, понимаете, как нелегко было нам. Мы выстояли. Думаю, что и вам не занимать тех качеств, которые помогали фронтовикам добиваться победы. Если придется, то вы с честью выполните свой долг.

Я преклоняюсь перед светлой памятью бывшего командира вашего батальона Героя Советского Союза Ф. П. Боридько. Он погиб, когда 44-я бригада совершала рейд из Центральной Германии к Балтийскому морю, в район Гдыня, Путциг. Бои шли в трудных условиях болотистой местности. Майор Боридько, чтобы лучше видеть свои разворачивающиеся для атаки роты, поднялся над верхним люком по пояс. В этот момент вражеская мина попала в его танк. Осколками он был сражен насмерть — и упал на руки своего экипажа.

Я не помню имен и фамилий тех славных ребят, но никогда не забуду, как они плакали, когда хоронили любимого командира».

В дни, когда страна отмечала 50-летие Советских Вооруженных Сил, в части, как и повсюду, был большой праздник. Состоялось торжественное построение на плацу, поощрение воинов, добившихся наиболее высоких показателей в боевой и политической подготовке. Сердечно встретили танкисты монгольских друзей, которые приехали отметить замечательный юбилей.

А в это время один из танкистов — полковник А. П. Мухин находился за многие тысячи километров от родного полка, в Улан-Баторе. Он был в составе советской военной делегации, возглавляемой генералом армии И. А. Плиевым.

И снова один за другим замелькали, слагаясь в недели и месяцы, напряженные дни боевой учебы. На танкодромах, стрельбищах и учебных полях ковалось солдатское [172] мастерство, умножающее замечательную славу ветеранов Великой Отечественной войны. В разные периоды разные роты завоевывали первенство. Но по-прежнему лучшим из лучших признавали при подведении итогов экипаж именного танка.

Уволился в запас старший сержант Сергей Добров, паренек из Подмосквья. Командиром экипажа назначили сержанта Вазу Сайквадзе. И ему, и его товарищам по экипажу — наводчику орудия ефрейтору Кашару Роматову, механику-водителю ефрейтору Геннадию Гоголеву и заряжающему рядовому Кудинову была дорога слава экипажа, слава легендарной 44-й гвардейской бригады, они изо дня в день старались приумножить ее. И добились отличных показателей.

Потом они тоже, отслужив положенный срок, уехали в родные края, увозя в солдатских чемоданах блестящие и твердые, словно кусочки шлифованного коричневого стекла, каштаны.

К танку «Революционная Монголия» пришли новые хозяева — такие же молодые и веселые, ловкие и сильные ребята. Командовать машиной доверили сержанту Виктору Павлычеву.

Что и говорить, он волновался, узнав, какая честь ему оказана. В первый же свободный вечер еще раз побывал в комнате боевой славы и почувствовал, как к сердцу его протянулась невидимая ниточка, от тех грозных дней, когда боевая машина с надписью «Маршал Чойбалсан. Революционная Монголия» приняла боевое крещение. Виктор понимал, как много надо трудиться и ему и его товарищам по оружию, чтобы не посрамить славы фронтовиков. И когда пришло время подводить итоги, на левом крыле именной машины остался вымпел — маленький красный флажок с золотой бахромой и с вышитым такого же цвета гербом Монгольской Народной Республики.

Вымпел, стоящий на крыле именного танка, привезла осенью 1964 года партийно-правительственная делегация Монгольской Народной Республики, возглавляемая Первым секретарем ЦК МНРП товарищем Цеденбалом. Передавая командиру алый шелковый треугольник, глава делегации сказал:

— Вручайте его, пожалуйста, тому экипажу, который добьется самых высоких показателей в боевой и политической подготовке. [173]

В 1969 году в часть приехала партийно-правительственная делегация, возглавляемая Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР тов. Ю. Цеденбалом.

Когда в воротах военного городка показались машины монгольской партийно-правительственной делегации, танкисты стояли в строю против памятника Сухэ-Батору. На правом фланге — три алых стяга: боевое гвардейское Знамя, Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, Почетное Красное знамя ЦК МНРП и Совета Министров МНР. Возле каждого — знаменосец. Это молодые офицеры, добившиеся наиболее высоких показателей в социалистическом соревновании в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, старшие лейтенанты Станислав Боровик, Владимир Рыков и Евгений Шаповалов.

Приняв рапорт командира, товарищ Цеденбал обошел замерший по команде «Смирно» строй, поздоровался с танкистами и вместе с сопровождавшими его лицами поднялся на трибуну возле памятника Сухэ-Батору. Танкисты прошли мимо торжественным маршем.

После этого все собрались в комнате боевой славы, ознакомились с экспонатами. Из комнаты боевой славы направились в солдатский клуб. Там уже собрались танкисты.

Открыв митинг, командир предоставил слово товарищу Ю. Цеденбалу, который в заключение своей речи сказал:

— В этом году мы торжественно отметили тридцатилетие со дня победы над японскими захватчиками на реке Халхин-Гол. В честь этого знаменательного события выпущена юбилейная медаль. Несколько ваших товарищей награждены ею. Мне поручено вручить награду. К выполнению этой почетной миссии я и приступаю.

Один за другим поднимаются на сцену награжденные. Медаль получают гвардейцы-танкисты полковник А. Мухин, подполковник Б. Каршинов, капитан В. Хомич, старшие лейтенанты В. Павленко, В. Дуб и многие другие, кто своим ратным трудом умножает замечательные традиции 44-й танковой бригады.

После того как медали были вручены и товарищ Цеденбал поздравил награжденных,

митинг продолжался. Слово предоставляется гвардии сержанту Павлычеву, командиру танка «Революционная Монголия». [174]

От имени своего экипажа он заверяет присутствующих, что будет и впредь стараться получать только отличные оценки, взяв себе за образец тех, кто в годы войны бил врага на именном танке.

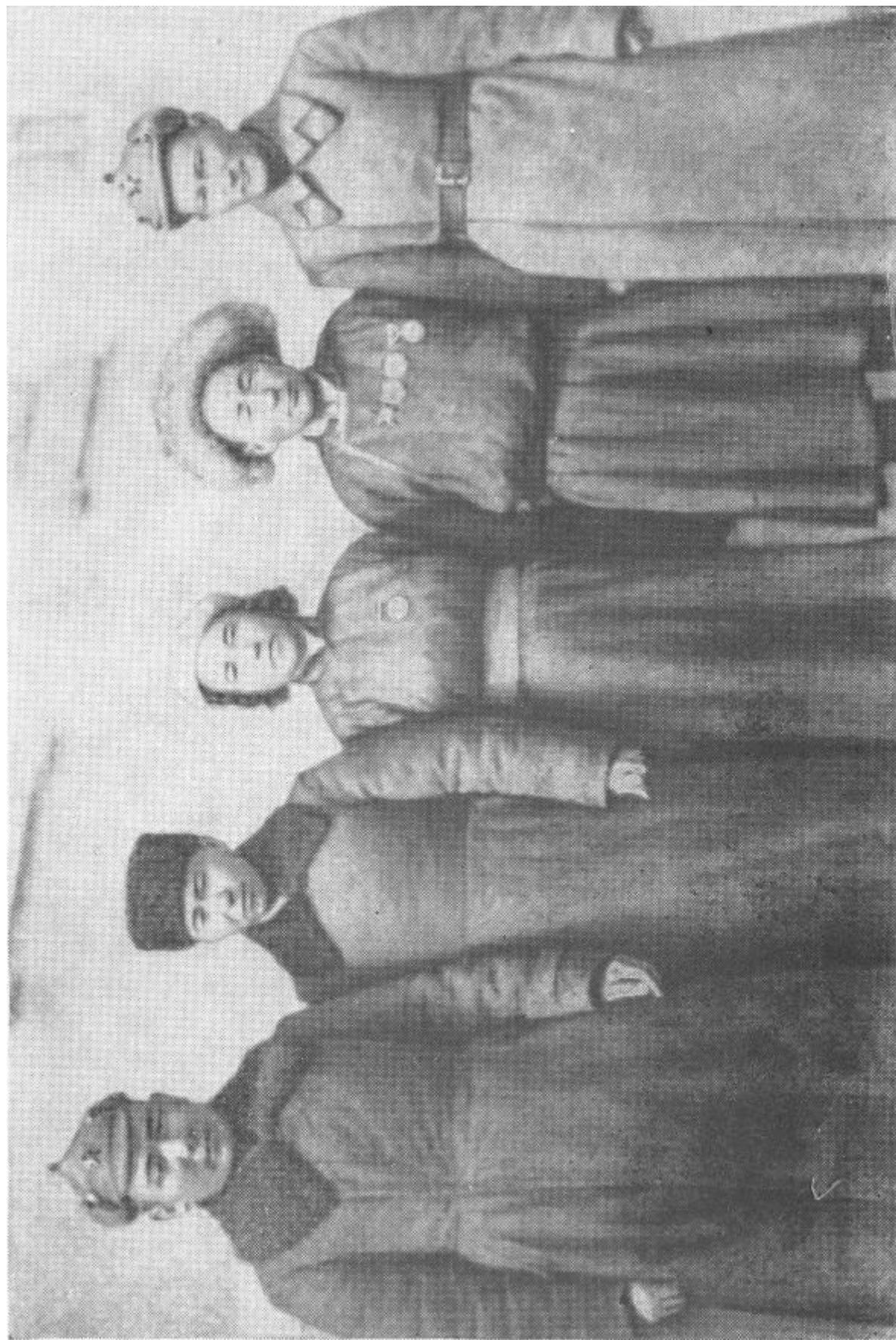
Под гром аплодисментов всего зала товарищ Цеденбал вручил воинам-танкистам картину, изображающую памятник, установленный в Улан-Баторе в честь 44-й гвардейской танковой бригады, и бюст Сухэ-Батора. Командир полка в ответ передал руководителю братской страны изготовленные солдатскими умельцами подарки.

До самого вечера пробыла в полку монгольская делегация. Ее провожали тепло и сердечно.

Снова началась повседневная жизнь. И каждый день, каждый час рождает и будет рождать новых героев, которые своим трудом, жаром своего сердца умножат славу фронтовиков и продолжат боевую историю 44-й гвардейской восьмиорденоносной танковой бригады. [175]

Маршал Чойбалсан беседует с танкистами после вручения танковой колонны «Революционная Монголия». Январь 1943 года

Члены монгольской делегации, прибывшие для вручения танковой колонны,
Январь 1943 года

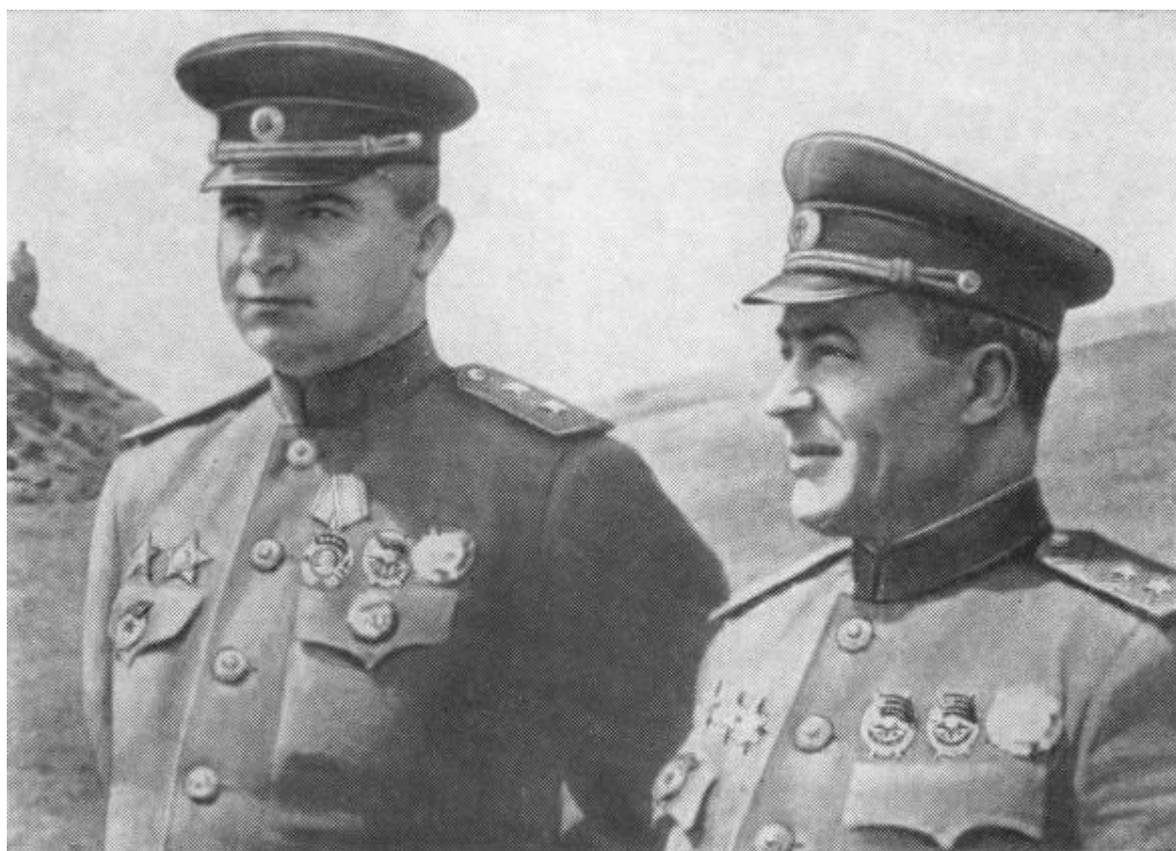
М. Т. Леонов и С. Е. Вобян

А. И. Воробьев

В. И. Дорофеев

А. Л. Гетман и Н. К. Попель

В. Т. Помазнев

На командном пункте. Уточнение боевой задачи

Г Е Р О И С О В Е Т С К О Г О С О Ю З А 4 4 - И

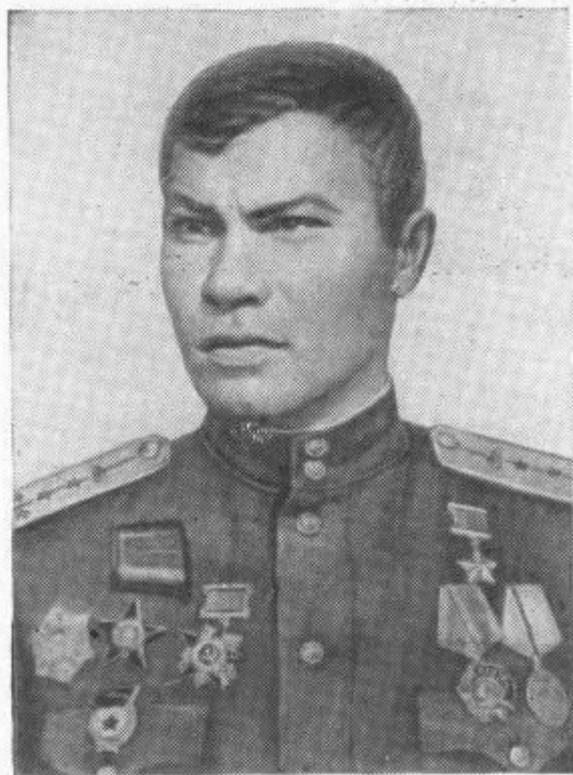
И. И. Гусаковский

П. И. Орехов

Г. С. Петровский

В. С. Юдин

ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ

К. Я. Усанов

А. П. Иванов

П. А. Днепров

А. М. Орликов

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 44-Й

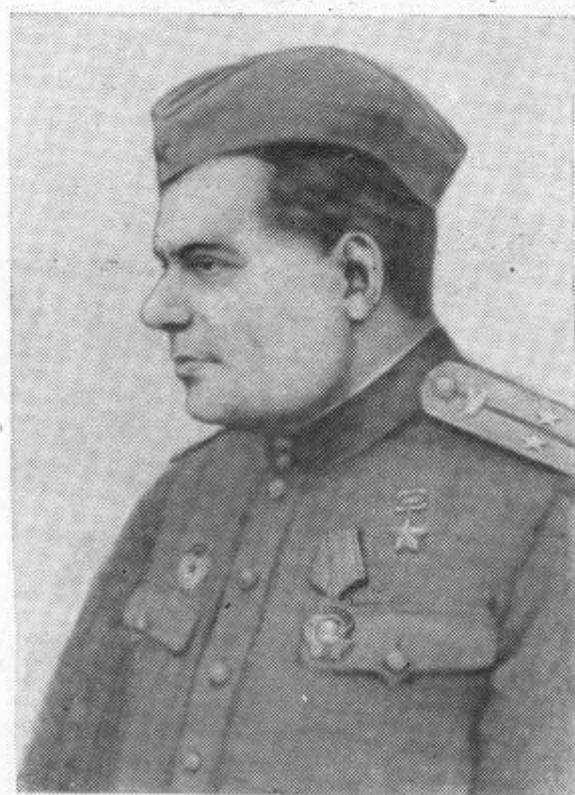
К. П. Никонов

В. М. Бенберин

М. С. Пинский

Г. А. Виноградов

ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ

Ф. П. Боридько

А. А. Карабанов

И. Х. Кравченко

А. В. Меньшиков

Комната боевой славы части

Генерал-полковник Гусаковский в комнате боевой славы. 1964 год

Открытие памятника Ф. П. Боридько у школы, в которой он учился. 1964 год

Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР тов. Ю. Цеденбал прикрепляет орден Сухэ-Батора к Знамени части. 1964 год

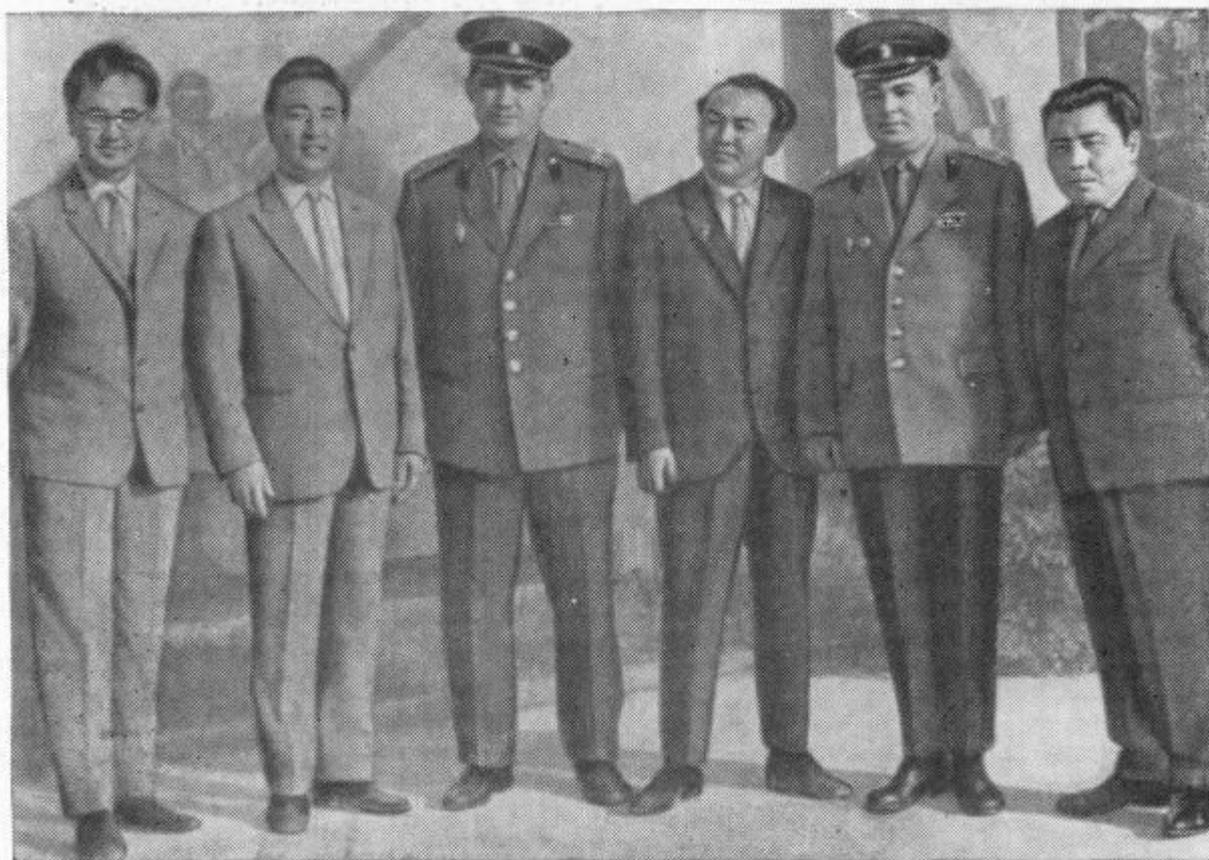
Митинг, посвященный 20-летию Великой Победы. У микрофона —
Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР
тов. Ж. Самбу. 1965 год

Монгольские гости в части «Революционная Монголия». 1966 год.

Празднование 25-летия со дня освобождения Бердичева. У микрофона — почетный гражданин города П. И. Орехов

Деятели культуры МНР у воинов части, 1967 год

Члены монгольской делегации среди воинов части, 1969 год